

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Сунь Вэньцзюнь

**Фантастика и демонология
в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя:
типологические и историко-литературные аспекты**

Специальность 5.9.1. Русская литература
и литературы народов Российской Федерации

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Коровин Владимир Леонидович

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
 ГЛАВА ПЕРВАЯ. Проблемы типологического изучения литературы и современное гоголеведение.....	20
1.1. «Типологическая связь» в литературоведении: (история понятия).....	20
1.2. К проблеме типологического изучения художественных произведений Н.В. Гоголя	32
 ГЛАВА ВТОРАЯ. «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя и становление жанра фантастической повести в русской литературе...	42
2.1. Фантастика и демонология в древнерусской литературе и русской беллетристике XVIII века.....	42
2.2. Поэзия и проза русского романтизма: баллады и фантастические повести..	51
2.3. Фантастика и демонология в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»: их оценки в литературной критике и история изучения.....	61
2.4. Литературные и фольклорные источники повестей в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»: (современное состояние изучения вопроса).....	86
2.5. «Вечера на хуторе близ Диканьки» в контексте русской фантастической прозы 1820–1830-х годов: функции вымышленных повествователей.....	99
 ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Типологические аспекты фантастики и демонологии в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»: Н.В. Гоголь и Пу Сунлин	112
3.1. Пу Сунлин и его «энциклопедия сверхъестественного»: «Рассказы Ляо Чжая о необычайном».....	111
3.2. Вымышленные повествователи и фольклорные истоки фантастического.....	121
3.3. Религия и художественный мир.....	135

3.4. Демонические персонажи и их взаимодействие с человеком: договоры, искушения, любовные связи	143
3.5. Онейрический мотив: сон как путешествие	159
3.6. Хронотоп границы: пространственно-временные пороги иного мира....	169
3.7. Праздники и народные гулянья.....	182
3.8. Мечта и действительность	191
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	200
 БИБЛИОГРАФИЯ	203

ВВЕДЕНИЕ

Предмет исследования – фантастика и демонология в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», первом сборнике повестей Н.В. Гоголя, впервые изданном в двух частях в 1831 и 1832 гг., а впоследствии составившем первый том прижизненного собрания его сочинений (1842). Это целостный литературный памятник, включающий восемь повестей, объединенных фигурой вымышленного издателя (пасечника Рудого Панька, от лица которого написаны предисловия к обеим частям) и отличающихся тематическим и стилистическим единством¹. Из восьми повестей сборника, как минимум, шесть включают в себя описание сверхъестественных происшествий с участием демонических существ (исключение – «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», пограничный случай – «Сорочинская ярмарка»). Эти шесть повестей («Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь, или Утопленница», «Пропавшая грамота» «Ночь перед Рождеством», «Страшная месть», «Заколдованное место»), по давнему замечанию В.В. Гиппиуса, «...варьируют одну и ту же тему. Это *вторжение в жизнь людей демонического начала и борьба с ним*»².

Специфика содержания повестей, составляющих «Вечера на хуторе близ Диканьки», обуславливает потребность в специальном изучении их фантастики и демонологии, которые относятся к числу наиболее характерных жанрово-тематических, сюжетных особенностей и системы персонажей

¹ Об истории создания и публикации сборника, вопросах текстологии и проч. см. комментарии в последнем академическом полном собрании сочинений писателя: *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. Ганц Кюхельгартен. Вечера на хуторе близ Диканьки / Подгот. текста и коммент. И.Ю. Виноцкого, Е.Е. Дмитриевой, Ю.В. Манна [и др.]; отв. ред. тома Е.Е. Дмитриева. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 589–676. См. также новейшую обобщающую работу: *Виноградов И.А.* Вечера на хуторе близ Диканьки // Виноградов И.А. Гоголевская энциклопедия. Произведения, наброски, подготовительные материалы: В 7 т. Т. 1: А–Ж. М.: ИМЛИ РАН; Река времен, 2024. С. 305–371.

² *Гиппиус В.В.* Гоголь. Л.: Мысль, 1924. С. 32 (курсив автора). Ср. замечание Ю.В. Манна: «...одоление черта – одна из основных тем “Вечеров на хуторе близ Диканьки”» (*Манн Ю.В.* Поэтика Гоголя. Темы и вариации. М.: Coda, 1996. С. 22).

первого сборника повестей Гоголя, являющегося **объектом** нашего исследования. Эти особенности рассматриваются нами как в историко-литературном, т.е. преимущественно генетическом аспекте – в контексте догоголевской и современной ему русской литературы, так и в аспекте типологическом – в сопоставлении с литературными явлениями, Гоголю заведомо неизвестными, как, в частности, произведения китайской литературы. Из них наиболее показательным представляется собрание фантастических новелл Пу Сунлина (1640–1715) «Рассказы Ляо Чжэя о необычайном» (кит. «聊斋志异») (они многократно, начиная с 1920-х гг., переводились на русский язык и переиздавались как в советское время, так и в последние десятилетия; подробнее см. ниже). Черты сходства между книгами Гоголя и Пу Сунлина, лежащие на поверхности (наличие фигуры фикционального автора, фантастические сюжеты, демонические образы, повышенный интерес писателей к фольклору и народным обычаям и др.), делают возможным проведение параллелей между ними, что представляется нам интересной и многообещающей научной задачей, позволяющей получить новые данные для понимания специфических особенностей фантастики и демонологии в «Вечерах на хуторе близ Диканьки».

Слово «фантастика» – греческого происхождения (греч. φανταστική – «искусство воображать»), а понятие «фантастического» первоначально было связано не только с ирреальным, но и вообще с воображаемым и вымышленным в искусстве³. В таком понимании вся художественная литература, основанная на вымысле, могла бы быть признана фантастичной. Однако в европейской и русской литературной традиции, начиная с эпохи романтизма, под «фантастикой» обычно понимается отражение сверхъестественных явлений литературе, проявляющееся как на уровне сюжета, так и на уровне образно-тематическом.

³ Муравьев В.С. Фантастика // Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1987. С. 461.

В нашей работе мы опираемся на понимание фантастики, предложенное, в частности, в теоретических работах Ц. Тодорова и Р. Лахманн. Первый в своем известном труде «Введение в фантастическую литературу» дает определение «фантастического» через его отношение к категориям реального и воображаемого, описывая его как «“таинственное”, “необъяснимое”, “недопустимое”, вторгающееся в “реальную жизнь”, в “реальный мир” или в “неизменную закономерность повседневности”»⁴. Кроме того, он характеризует фантастическое как «колебание, испытываемое человеком, знакомым лишь с законами природы, при столкновении с явлением, кажущимся сверхъестественным»⁵. Ц. Тодоров особо акцентирует момент неопределенности: по его мнению, «фантастическое существует лишь до тех пор, пока сохраняется эта неуверенность»⁶. Таким образом, ключевое значение приобретает функция свидетеля сверхъестественного события, который оказывается перед необходимостью выбора между двумя интерпретациями: «Или это обман чувств, иллюзия, продукт воображения, и тогда законы мира остаются неизменными, или же событие действительно имело место, оно составная часть реальности, но тогда эта реальность подчиняется неведомым нам законам»⁷.

Аналогичная трактовка представлена в работе Ренаты Лахманн «Дискурсы фантастического». Исследовательница предлагает разделять два типа фантастического в литературе. Первый тип – это когда фантастическое трактуется как обман зрения и чувств: ключевую роль в этом процессе играет образ рассказчика, который выступает в качестве защитника рационального мышления и пытается объяснить странные события⁸. В результате сверхъестественное может восприниматься как иллюзия, результат

⁴ Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу / Пер. с франц. Б. Нарумова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 26.

⁵ Там же. С. 25.

⁶ Там же. С. 26.

⁷ Там же.

⁸ См.: Лахманн Р. Дискурсы фантастического / Пер. с нем. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 20.

мистификации или даже как симптом психического расстройства персонажей. Второй тип – это когда автор намеренно сохраняет неопределенность: в таком случае фантастика выступает как «контингентное событие – внезапное вторжение необъяснимого в устоявшийся порядок вещей»⁹.

В русской литературе понятие «фантастического» появляется именно гоголевское время – в 1830-х гг., постепенно вытесняя прежний термин «чудесное», обозначавший сходные явления в искусстве¹⁰. Первая журнальная публикация Гоголя – стихотворение «Италия» в журнале «Северный вестник и Северный архив» (1829) – состоялась в том же номере, в котором был напечатан русский перевод статьи «О чудесном в романе» (1829) В. Скотта, посвященной проблемам фантастического в литературе и творчеству Э.Т.А. Гофмана¹¹.

В русской прозе 1820–1830-х годов фантастическое реализовывалось по-разному. Так, в книге Антония Погорельского «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» (1829) в некоторых повестях, рассказанных от имени «Двойника» («Пагубные последствия необузданного воображения», «Путешествие в Дилижансе»), фантастическое в итоге получает рациональное объяснение. В сборнике повестей М.Н. Загоскина «Вечер на Хопре» (1834) среди рассказчиков фантастических историй тоже есть выступающие в роли скептиков – Заруцкий («Белое привидение») и Черемухин («Концерт бесов»): они настаивают на том, что за каждым фантастическим событием скрывается рационально объяснимая и вполне «посюсторонняя» причина. У Гоголя же в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» нечистая сила, факт существования которой не ставится под сомнение, напрямую вторгается в повседневную

⁹ Там же. С. 21.

¹⁰ См.: *Лебедева А.А.* Рождение категории фантастического в русской эстетической мысли // Литературный факт. 2024. № 1. С. 167–186.

¹¹ *Скотт В.* О чудесном в романе // Сын отечества и Северный архив. 1829. Т. 7. № 44. С. 229–245; № 45. С. 288–309; № 46. С. 355–365 (оригинал: “On the Supernatural in Fictitious Composition, and in Particularly in the Works of Ernest Theodore William Hoffmann”, 1827). Ср. более точный и полный перевод: *Скотт В.* О сверхъестественном в литературе и, в частности, о сочинениях Эрнста Теодора Вильгельма Гофмана / [Пер. А.Г. Левинтона] // Скотт В. Собр. сочинений: В 20 т. Т. 20. М.; Л.: ГИХЛ, 1965. 602–652.

жизнь человека, а границы реального и потустороннего размываются. Даже в повести «Сорочинская ярмарка», где все таинственное можно объяснить проделками цыгана, мистифицирующего окружающих, рассказчик все равно не предлагает читателю рационального объяснения некоторых ключевых событий (например, внезапное появление свиного рыла в окне).

Под «демонологией» в нашей работе понимается не систематизированное учение злых духах, а комплекс связанных с ними литературных явлений и само присутствие сверхъестественных существ в литературном произведении, их включенность в систему его персонажей. Используя этот термин в таком значении, мы следуем давно сложившейся в российском литературоведении и, в частности, в гоголеведении традиции (см., например, посвященные Гоголю книги В.В. Гиппиуса, Г.А. Гуковского и др.). В контексте темы нашего исследования особого внимания заслуживает монография В.В. Сдобнова (2002)¹² – единственное специальное монографическое исследование, посвященное становлению русской литературной демонологии до времени Пушкина и Гоголя включительно.

В древнерусской литературе фантастика и демонология были неразрывно связаны с религиозными традициями (прежде всего – с вероучением Православной Церкви, но также и с народными верованиями). Однако в переходный период фантастика стала восприниматься как художественный вымысел – литературный прием, а не часть реальности. Некоторые эпизоды в ранних произведениях Гоголя, такие как заключение договора с нечистой силой или поездка на чертовом коне, могут рассматриваться как прямые сюжетные заимствования из древнерусской литературы и русской беллетристики Нового времени. В русской литературе к концу XVIII века в связи с предромантическими тенденциями возник интерес к готическому

¹² Сдобнов В.В. Русская литературная демонология: этапы развития и творческого осмысления. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2002.

«ужасному»¹³. Параллельно во второй половине XVIII века развивалось «фольклорное направление», наиболее ярко представленное в творчестве М.Д. Чулкова, М.И. Попова и В.А. Левшина, которые в своих беллетристических произведениях активно пользовались фольклорным материалом. Фантастика и демонологии в русском романтизме получили дальнейшее развитие под влиянием немецкого романтизма (Э.Т.А. Гофман, Л. Тик и др.). Значительную роль сыграли также русские переводы и адаптации западноевропейских романов, новеллистических и балладных текстов, которые познакомили русских читателей с новыми эстетическими принципами и способствовали открытию самобытного жанра фантастического. В особенности велика в этом была роль балладного творчества В.А. Жуковского. Его баллады не только предоставили романтикам «необходимую духовную и эстетическую опору»¹⁴, но и приучили публику к сверхъестественному и «ужасному» в литературе. Кроме того, писатели обращались к малороссийским народным источникам. Среди писателей, представлявших в пору младенчества русской фантастики и демонологии и повлиявших на Гоголя, выделяется В.Т. Нарезный, стоявший еще на рационалистических позициях эпохи Просвещения, и такие писатели-романтики, как Антоний Погорельский и О.М. Сомов.

Степень разработанности темы исследования. Фантастика и демонология относятся к числу характерных особенностей поэтики Н.В. Гоголя и проявляются на протяжении всего его творческого пути, начиная с идиллии «Ганц Кюхельгартен» (дебют писателя в печати). Наиболее яркое воплощение они получили в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», в повести «Вий» из сборника «Миргород», в некоторых из «петербургских повестей» (прежде всего – в повести «Портрет»), а в завуалированной форме

¹³ См.: Вацуро В.Э. Готический роман в России. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 1–7.

¹⁴ Маркович В.М. Балладный мир Жуковского и русская фантастическая повесть эпохи романтизма // Жуковский и русская культура: Сб. научн. трудов. Л.: Наука, 1987. С. 160.

присутствуют и в других произведениях, в том числе в поэме «Мертвые души». Если в ранней гоголевской прозе фантастика и демонология часто представлены в эксплицитной, зримой форме, то в поздний период творчества писателя они приобретают более сложную, имплицитную форму выражения, переходя от очевидного присутствия к скрытой и подтекстовой¹⁵. Проблем фантастики и демонологии в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» так или иначе касались едва ли не все писавшие о творчестве Гоголя и специально об этой книге критики и ученые. Однако специальные обобщающие работы и монографии по данной теме отсутствуют; можно назвать лишь давнюю кандидатскую диссертацию Т.А. Грамзиной (1972) «“Вечера на хуторе близ Диканьки” и “Вий”: к проблеме фантастического в творчестве Гоголя»¹⁶.

Уже в первых критических откликах на «Вечера на хуторе близ Диканьки» (в статьях Н.А. Полевого, О.М. Сомова, Н.И. Надеждина, А.Я. Стороженко (псевдоним – Андрей Царинный), П.А. Кулиша, М.А. Максимовича) поднимался вопрос о соотношении в ней фантастического и реального, при этом особое внимание уделялось проблеме достоверности изображения малороссийской народной жизни и обычаев (в частности, в повести «Сорочинская ярмарка»). В рамках символизма возникло новое прочтение произведений Гоголя, в том числе ранних произведений, акцентирующее внимание на мистических и иррациональных аспектах их содержания, в частности и на демонологии. Д.С. Мережковский в работе «Гоголь и черт» (1906) усматривал в смехе и веселье малороссийских повестей Гоголя противопоставление «христианского начала» «демоническому сладострастию»¹⁷. Особой популярностью у критиков начала XX века пользовалась повесть «Страшная месть». В.В. Розанов в статье «Магическая страница у Гоголя» (1909) с мифопоэтической точки зрения проводил

¹⁵ См. об этом особый раздел в книге: *Мани Ю.В.* Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Coda, 1996. С. 54–120 («Глава третья. Реальное и фантастическое»).

¹⁶ *Грамзина Т.А.* «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Вий»: к проблеме фантастического в творчестве Н.В. Гоголя: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1972.

¹⁷ *Мережковский Д.С.* Гоголь и черт. М.: Скорпион, 1906. С. 86.

параллели между сюжетной линией Катерины и ее отца-колдуна и библейской историей о Лоте и его дочерях¹⁸. Андрей Белый в своей знаменитой книге «Мастерство Гоголя» (1934) рассматривает эту же повесть как наиболее показательную для первой творческой фазы развития писателя (анализируя демонический образ колдуна, он выделяет используемый Гоголем прием отрицания – «прием “не”»¹⁹, который впоследствии Ю.В. Манн предложил называть «приемом исключения»²⁰).

Проблема фантастики и демонологии в ранней прозе писателя получила освещение во многих исследовательских работах. Практически все авторы, писавшие о раннем творчестве писателя, в той или иной степени затрагивали эту тему. В.В. Гиппиус посвятил данному вопросу отдельную главу («Демонология и фарс») в упомянутой выше монографии 1924 года. Г.А. Гуковский отмечал, что первая книга Гоголя, являющаяся «прологом» к его творчеству, изображает мир народной мечты, и даже ужасная «демонология» в «Вечере накануне Ивана Купала» и «Страшной мести» носит «мечтательный характер»²¹. Ю.В. Манн, анализируя явную и «завуалированную» фантастику в ранней прозе писателя, отмечает: «Гоголь отодвигает образ носителя фантастики в прошлое, оставляя в последующем времени лишь его влияние»²². Исследователь особо подчеркивает амбивалентность гоголевской демонологии: с одной стороны, в «Вечерах...» очевидно снижение и дедемонизация нечистой силы (образ «глупого черта»), а с другой – эта комическая редукция не означает полного исчезновения страха перед потусторонним, что особенно ярко воплощено в образе ребенка²³. А.Х. Гольденберг, выделивший основные фольклорные празднично-

¹⁸ Розанов В.В. Магическая страница у Гоголя // Розанов В.В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 383–421. (Впервые: Весы. 1909. № 8, 9).

¹⁹ Белый А. Мастерство Гоголя. М.; Л.: Худож. лит., 1934. С. 57.

²⁰ Манн Ю.В. Указ. соч. С. 41.

²¹ Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. М.; Л.: Худож. лит., 1959. С. 36.

²² Манн Ю.В. Указ. соч. С. 74.

²³ См.: Там же. С. 22–27; 65–76.

обрядовые архетипы в малороссийских повестях Гоголя, указывает, что именно во время народных праздников, свадебных или похоронных обрядов нечистая сила проявляет наибольшую активность²⁴. И.А. Виноградов, считающий, что уже в раннем творчестве Гоголь выступал в ортодоксального христианского проповедника, обратил внимание на то, что даже в своей первой напечатанной повести «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала», как и в целом «Вечерах на хуторе близ Диканьки», Гоголь продемонстрировал критическое отношение к некоторым народным религиозным обычаям и суевериям²⁵. Акцент на изучение духовно-нравственной и проповеднической составляющей раннего творчества Гоголя делает в своих работах и В.А. Воропаев²⁶. Нужно также назвать монографию В.Д. Денисова о ранней гоголевской прозе²⁷, однако в ней речь идет преимущественно о взглядах писателя на историю Малороссии и их отражениях в его «малороссийских повестях», а проблемы фантастики соответственно оказываются на периферии исследовательского внимания. (Подробнее об истории изучения «Вечеров на хуторе близ Диканьки» см. в разделе 2.3 нашей работы).

О происхождении фантастических сюжетов и некоторых образов цикла повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» мы говорим в разделе 2.4. Особое внимание в нем уделяется анализу спорных случаев, в которых сложно определить, является ли связь генетической или типологической. Среди писателей, у которых есть фантастика и демонологии, отчасти сходные с гоголевскими, выделяются Антоний Погорельский и О.М. Сомов (отчасти

²⁴ См.: Гольденберг А.Х. Архетипы в поэтике Гоголя. Волгоград: Перемена, 2007. С. 11–16.

²⁵ См.: Виноградов И.А. Учительство и проповедь в первой напечатанной повести Н.В. Гоголя («Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала», 1830) // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 1. С. 54. См. также: Виноградов И.А. Вечера на хуторе близ Диканьки // Виноградов И.А. Гоголевская энциклопедия. Произведения, наброски, подготовительные материалы: В 7 т. Т. 1: А–Ж. М.: ИМЛИ РАН; Река времен, 2024. С. 305–371.

²⁶ См.: Воропаев В.А. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Паломник, 2014.

²⁷ См.: Денисов В.Д. Ранняя гоголевская проза (1829–1834): пути развития, жанровое своеобразие, типология героев. СПб.: РГГМУ, 2012.

повлиявшие на Гоголя), а также В.Ф. Одоевский и М.Н. Загоскин. Сборники их повестей, зачастую фантастических по содержанию, типологически связаны между собой как ориентацией на изображение чудесного мира, так и композиционной и нарративной системой (анализ функций вымышленных повествователей в русской фантастической прозе см. ниже – в разделе 2.5 нашей работы).

Типологическое исследование творчества писателя рассматривает его наследие в контексте мировой литературной и фольклорной традиции, не предполагая наличия генетической связи между изучаемыми текстами²⁸. Изучение произведений Гоголя в типологическом аспекте началось в XX веке и продолжается в настоящее время. В современном гоголеведении данный подход уже применялся при анализе таких произведений, как «Ревизор», «Нос» и «Мертвые души»²⁹. «Вечера на хуторе близ Диканьки» в типологическом освещении рассматривались преимущественно в связи с проблемой карнавализации, чему положил начало М.М. Бахтин³⁰. Наиболее значимые исследования об этом принадлежат Ю.В. Манну и А.Х. Гольденбергу³¹. Рассмотрение Гоголя как явления мировой литературы, первые полноценные компаративистские исследования его произведений

²⁸ См., например: *Храпченко М.* Типологическое изучение литературы и его принципы // Вопросы литературы. 1968. № 2. С. 55–82; *Тюпа В.И.* Художественность литературного произведения. Вопросы типологии. Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1987.

²⁹ См., например, докторскую диссертацию А.А. Слюсаря «Эпическая проза А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя в типологическом сопоставлении» (Киев, 1992), кандидатские диссертации О.В. Федуловой «Гоголь и Ирвинг» (Тверь, 2005), А.Ю. Бычковой «Ринология Н.В. Гоголя: типологические аспекты» (Томск, 2014) и др. См. также статьи: *Лившиц Е.* К вопросу о сходстве «Чар любви» Л. Тика и «Вечера накануне Ивана Купала» Н.В. Гоголя // Русская филология. 1996. С. 106–112 (в работе обосновывается тезис о том, что оба автора следуют сюжетной схеме волшебной сказки); *Мацапура В.И.* «Ревизор» Н.В. Гоголя и «Приезжий из столицы» Г.Ф. Квитки-Основьяненко (типологический аспект) // Художній світ Гоголя. Полтава, 2008. С. 11–19; *Шульц С.А.* «Мертвые души» Н.В. Гоголя и жанр карнавализованных видений потустороннего мира (Кеведо, Филдинг) // Восток – Запад: диалог культур в пространстве русской словесности. Волгоград, 2015. С. 132–138.

³⁰ *Бахтин М.М.* Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура) [1940, 1970] // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 4(2). М.: Языки славянских культур, 2010. С. 517–522.

³¹ *Манн Ю.В.* Указ. соч.; *Гольденберг А.Х.* Указ. соч.

относятся ко второй половине XX века. В этой связи можно упомянуть, например, коллективные монографии «Гоголь и мировая литература» (1988) и «Гоголь как явление мировой литературы» (2003) (обе под ред. Ю.В. Манна), книги А.А. Елистратовой, М.Я. Вайскопфа, Е.Е. Дмитриевой³².

В типологическом аспекте исследование фантастики и демонологии как важнейших черт поэтики ранней прозы Гоголя до настоящего времени не предпринималось. В нашей работе предлагается первый опыт типологического анализа ранней книги Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» в сопоставлении с книгой новелл китайского прозаика Пу Сунлина (1640–1715) «Рассказы Ляо Чжэя о необычайном» (кит. «聊斋志异»).

Актуальность темы нашего исследования обусловлена, с одной стороны, постоянным интересом к творчеству Гоголя в России и за ее пределами, а с другой стороны – востребованностью в современной науке работ, посвященных проблемам фольклорной и литературной демонологии и фантастики, которым посвящена, например, одна специальная продолжающаяся серия научных сборников³³.

Цель нашего исследования – изучение фантастики и демонологии в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» в типологическом и историко-литературном аспектах. Эта цель потребовала решения ряда следующих **задач**:

1) Изучить теоретические основы типологического подхода в литературоведении, проследить динамику развития понятия «типологическая связь», а также выявить среди чрезвычайно многочисленных научных работ о Гоголе те, в которых так или иначе реализовывался типологический подход;

³² Елистратова А.А. Гоголь и проблемы западноевропейского романа. М.: Наука, 1972; Вайскопф М. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. М.: РГГУ, 1993; Дмитриева Е.Е. Гоголь в западноевропейском контексте: между языками и культурами. М.: ИМЛИ РАН, 2011.

³³ In Umbra: Демонология как семиотическая система. Альманах / Отв. ред. и сост.: Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. Вып. 1–12. М.: РГГУ, 2012–2025. См. также, например, недавно изданный свод фольклорных материалов: Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80-90-х гг. XX века: [В 4 т.] / Сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. М.: Языки славянских культур, 2010–2020.

2) изучить и описать развитие фантастики и демонологии в русской литературе до Гоголя и в современной ему литературе;

3) опираясь на существующую гоголеведческую литературу, выявить наиболее важные для него в период создания «Вечеров на хуторе близ Диканьки» фольклорные и литературные образцы и обратить особое внимание на спорные случаи (когда не до конца установлено, с генетической или типологической связью мы имеем дело);

5) систематически выявить наиболее показательные рассказы Пу Сунлина для типологического сопоставления с повестями Гоголя;

6) выявить и истолковать типологические параллели между сборниками Гоголя и Пу Сунлина в изображении фантастического и демонологического.

Научная новизна работы заключается в опыте комплексного изучения фантастики и демонологии в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», рассматриваемых как единое произведение (поэтому мы не рассматриваем специально ни повесть «Вий», ни так называемые «петербургские» повести, относящиеся к позднейшим периодам творчества писателя), а также в опыте совмещения историко-литературного подхода с типологическим. Типологические параллели между произведениями Гоголя и Пу Сунлина в нашей работе проводятся впервые.

Методологической основой диссертации является комплексный исследовательский подход, который включает в себя историко-литературный, компаративистский, семиотический и культурологический методы.

Теоретическая значимость диссертации состоит в разработке методологии типологического анализа фантастической прозы гоголевского времени на материале «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

Практическая значимость исследования определяется его результатами, которые могут быть использованы в общих и специальных вузовских курсах по творчеству Гоголя, по истории русской литературы и ее международным связям, по русско-китайским литературным отношениям, сравнительному литературоведению и фольклористике.

Положения, выносимые на защиту:

1. В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» гармонично сочетаются фольклорные и литературные традиции; для этой книги Гоголя наиболее характерны мотивы проклятого места, кладоискательства, договора с дьяволом, родового проклятия, карточной игры, наказания великого грешника и другие, восходящие как к фольклорным, так и к литературным источникам.
2. Демонология в данной книге Гоголя лишь отчасти основана на фольклорных источниках, его подход к народным суевериям не столько описательный, сколько избирательный. Он не стремится к созданию обширной демонологической системы, а использует сверхъестественные образы как инструмент для раскрытия нравственно-религиозных тем, показывая разрушительные последствия греха.
3. При сопоставлении сборников Гоголя и Пу Сунлина выявляются значимые для их художественных миров параллели: сходная типология сюжетов и персонажей (молодые мужчины, вступающие в контакт со сверхъестественными существами; юные девушки, олицетворяющие соблазн инфернального; животные, маркирующие присутствие запредельного, и проч.).
4. Оба автора используют опосредованное повествование через фигуру рассказчика (Рудый Панько у Гоголя, Ляо Чжай у Пу Сунлина). Их проза демонстрирует склонность к циклизации: у Гоголя повести можно разделить на категории, соответствующие народным праздникам; у Пу Сунлина представлены циклы текстов, связанные с определенными персонажами.
5. Как для Гоголя, так и для Пу Сунлина характерно мистическое восприятие реальности, религиозное (и, в частности, религиозно-этическое) измерение в их произведениях является первостепенно важным. Пу Сунлин принимает идею «бессмертия души» из даосизма и

понятия «кармы и реинкарнации» – из буддизма, разграничивает царства людей и призраков, обличает пороки общества и апеллирует к утопическим идеалам: его фантастика часто связана со стремлением героев убежать от жестокой реальности. Мистический мир Гоголя наполнен страхом перед адом, дьяволом и его обманами, а утопические элементы в нем отсутствуют. Сталкиваясь с «нечистой силой», герои Гоголя стремятся как можно быстрее вернуться в мир реальности, который противопоставлен фантастическому миру как более надежный – более опасному и враждебному для человека.

6. В произведениях Гоголя и Пу Сунлина обнаруживаются сходные хронотопы, с которыми связаны их фантастика и демонология (*ночное время, дом, кабинет, окно, дорога, лес, кладбище, мост, заброшенное поместье, пространство сна и т. д.*). Их можно интерпретировать как особые сферы, в которых герой встречается с демоническими персонажами, а затем выходит оттуда невредимым или гибнет – в зависимости от тех нравственных решений, которые он принимает.

Достоверность и научная обоснованность результатов исследования обеспечивается системным подходом к анализу произведений Гоголя, использованием апробированных и традиционных литературоведческих методов, в том числе сравнительно-исторического и типологического, верифицируемостью представляемых сведений, по возможности полным учетом достижений современного гоголеведения, последовательной аргументацией.

Апробация работы. Основные результаты работы были апробированы в 7 публикациях (в том числе 6 в изданиях, определенных Положением о присуждении ученых степеней в МГУ имени М.В.Ломоносова).

Основные положения исследования также были апробированы в 5 докладах на научных конференциях: Международные научные конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2022» и «Ломоносов-

2023» (Москва, МГУ, апрель 2022, 2023 г.); XXV Международная научная конференция «Русистика и современность» (Чанша (КНР), Хунаньский педагогический университет, 14–16 октября 2022 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Текст и контекст: классика в зеркале современности» (Москва, Центр родных языков и культур народов РФ Российской академии образования, 19 октября 2022 г.); Международная научная конференция «Проблемы преемственности в словесном искусстве Серебряного века и Русского зарубежья» (VI Смирновские чтения) (Москва, МГОУ, 8–25 февраля 2024 г.). Диссертация также прошла апробацию при защите НКР на кафедре истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова 5 сентября 2024 года.

I. Статьи в рецензируемых научных изданиях, определенных Положением о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова:

1) *Сунь Вэньцзюнь*. Пограничный хронотоп в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя и «Рассказах Ляо Чжая о необычайном» Пу Сунлина // Отечественная филология. 2024. № 2. С. 20–28. Импакт-фактор 0,317 (РИНЦ). Объем 0, 643 п.л. DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-20-28. EDN: JIXQWA.

2) *Сунь Вэньцзюнь*. Онейрические мотивы в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя и «Рассказах Ляо Чжая о необычайном» Пу Сунлина: сон как путешествие // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 7(888). С. 153–158. Импакт-фактор 0,031 (РИНЦ). Объем 0,487 п.л. EDN: QUNGLA.

3) *Сунь Вэньцзюнь*. Реальные и ирреальные персонажи в ранней прозе Н.В. Гоголя и новеллах Пу Сунлина (сопоставительный аспект описания) // Вестник Пятигорского государственного университета. 2024. № 3. С. 83–87. Импакт-фактор 0,190 (РИНЦ). Объем 0,601 п.л. DOI: 10.53531/25420747_2024_3_83. EDN: OZGQER.

4) *Сунь Вэньцзюнь*. Мотив праздника и народная демонология в ранней прозе Н.В. Гоголя и новеллах Пу Сунлина // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 3(106). С. 434–437. Импакт-фактор 0,364 (РИНЦ). Объем 0,502 п.л. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-3106-434-437. EDN: QHQJDF.

5) *Сунь Вэньцзюнь*. Отражение авторских религиозных взглядов в фантастических образах и народной демонологии в ранней прозе Н.В. Гоголя и новеллах Пу Сунлина: типологический аспект описания // Litera. 2025. № 2. С. 167–175. Импакт-фактор 0,203 (РИНЦ). Объем 0,478 п.л. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73479. EDN: JRHHZQ.

6) *Сунь Вэньцзюнь*. Функции вымышленных повествователей в русской фантастической прозе 1820–1830-х годов и «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Казанская наука. 2025. № 5. С. 208–212. Импакт-фактор 0,101 (РИНЦ). Объем 0,425 п.л. EDN: HWLZGQ.

II. Статьи в других рецензируемых научных изданиях

7) *Сунь Вэньцзюнь*. Сравнительное изучение ранней прозы Н.В. Гоголя и новелл Пу Сунлина: постановка проблемы // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 2(12). С. 73–88. Объем 0,876 п.л. DOI: 10.20323/2658-7866-2022-2-12-73-88. EDN: YBOYVD.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

Текст «Вечеров на хуторе близ Диканьки» в нашей работе, кроме особо оговоренных случаев, цитируется по новейшему научному изданию: *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. – Т. 1. Ганц Кюхельгартен. Вечера на хуторе близ Диканьки / Подгот. текста и коммент. И.Ю. Виноцкого, Е.Е. Дмитриевой, Ю.В. Манна [и др.]; отв. ред. тома Е.Е. Дмитриева. – М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. – 919 с.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Проблемы типологического изучения литературы и современное гоголеведение

1.1. «Типологическая связь» в литературоведении: (история понятия)³⁴

С момента появления в европейском сознании понятия «мировая литература», освященного авторитетом И.В. Гёте ³⁵, международные литературные связи являются постоянным предметом внимания ученых, интересующихся вопросами о сходстве и различиях далеких друг от друга культур, а изучение типологических соответствий между произведениями, принадлежащими разным национальным литературным традициям, стало одной из важных задач науки о литературе. В центре внимания европейских писателей и ученых долгое время находилась французская культура, потому она и стала отправной точкой для сравнительных, а затем и типологических исследований национальных литератур.

Французская школа компаративистики возникает к середине XIX века. Один из ее основоположников – Виктор-Эфемион-Филарет Шаль (фр. Charles; 1799–1873), который уже в 1828 г. представил на суд публики свою работу «Изображение развития и прогресса французского языка и литературы» (*Tableau de la marche et des progrès de la langue et de la littérature françaises depuis*

³⁴ При подготовке данного раздела были использованы материалы статьи: *Сунь Вэньцзюнь. Сравнительное изучение ранней прозы Н.В. Гоголя и новелл Пу Сунлина: постановка проблемы // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 2. С. 73–88.*

³⁵ Считается, что само понятие «мировая литература» (нем. ‘Weltliteratur’) впервые употребил именно Гёте в разговоре с Эккерманом 31 января 1827 г., упомянув при этом и китайскую литературу: «...я охотно вглядываюсь в то, что имеется у других наций, и рекомендую каждому делать то же самое. Национальная литература сейчас мало что значит, на очереди эпоха всемирной литературы, и каждый должен содействовать скорейшему ее наступлению. Но и при полном признании иноземного нам негоже застревать на чем-нибудь выдающемся и почитать его за образец. Негоже думать, что образец – китайская литература, или сербская, или Кальдерон, или “Нибелунги”» (*Эккерман И.П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни / Пер. с нем. Н. Манн. М.: Худож. лит., 1986. С. 214–215*).

le commencement du XV le siècle jusqu'en 1610. Paris, 1828), в которой предложил взгляд на французскую культуру как на обширную сеть литературных и языковых влияний (фр. *influences*), внутри которой происходит интенсивный информационный обмен³⁶. Абель-Франсуа Вильмен (фр. Abel-François Villemain; 1790–1870), один из выдающихся французских историков литературы, своей книгой «Курс французской литературы» (*Cours de littérature française*. Bruxelles, 1847) начал новую эпоху в сравнительном литературоведении, заявив о своем труде именно как об «сравнительной истории литературы» и применив для описания аналогичных явлений в смежных литературах самостоятельно разработанную систему аналитических приемов и описательных жанров, таких как этюд, картина и анализ. Существенным был вклад Жан-Жака Ампера (фр. Jean-Jacques Ampère; 1800–1864), чьи труды, такие как «Из истории поэзии» (*De l'histoire de la poésie*. Marseille, 1830) и «История литературы в Средние века», «*Histoire de la littérature au moyen âge*. Paris, 1841), стали важной вехой ранней компаративистики.

Один из основателей современного сравнительного литературоведения – британский филолог-классик Хатчесон Маколей Познетт (англ. Hutcheson Macaulay Posnett; 1855–1927), обращается к типологии литературных явлений, когда раскрывает источники сходства между ранними драмами Афин и современной Европы с точки зрения взаимосвязи между определенными формами социальной организации и безличным представлением человеческого характера³⁷. Он утверждает, что одним из ключевых принципов развития человеческой цивилизации и, в частности, литературы является процесс эволюции личного характера, производного от безличного.

В русском, а затем и советском литературоведении решающую роль сыграли работы Александра Николаевича Веселовского (1838–1906). Ему принадлежит создание понятия и филологической дисциплины, которую он

³⁶ См. о нем: Дмитриева Е.Е. Виктор-Эфемион-Филарет Шаль // Вопросы литературы. 2015. № 4. С. 256–269.

³⁷ См.: Posnett H.M. *Comparative Literature*. London: Kegan Paul, Trench, & Co., 1886. P. 65.

назвал «Историческая поэтика». Во многом находясь в рамках позитивистской науки, А.Н. Веселовский интерпретирует причины одномерности поэтического выражения у архаических народностей. По мысли ученого, на заре человеческого общества естественные выражения мыслей и чувств и соответствующие им бытовые условия имели большое сходство, поэтому элементы стиля, ритмики и образности поэтических форм, как и мотивы и сюжеты, также были до некоторой степени сходны³⁸. *Повторяемость* и *общность* компонентов структуры литературных явлений, таких как мотивы, сюжеты, типичные внутренние образы и другие, можно объяснить двумя причинами — единством человеческой психологии и историческими влияниями. Исследование литературных жанров, относящихся к ранним этапам развития человечества (миф, эпос, сказка, роман и т. д.), проведенное А.Н. Веселовским, показывает, что вышеупомянутые сходства и повторы наиболее ярко проявляются через мотивы и сюжеты³⁹. С помощью мотива можно лучше отразить те яркие, типичные и повторяющиеся впечатления от действительности, которые были у разных народов на ранних стадиях общественного развития и пробуждения человеческого сознания. Например, одни и те же мотивы появляются как в восточных, так и в западных мифах и сказках: похищение солнца (солнечное затмение), явление полумесяца (чудовище, затмевающее луну в китайском фольклоре — лунное затмение) и т. д. А.Н. Веселовский указывает, что такие мотивы у каждого народа зарождались самостоятельно, а их сходство нельзя объяснить заимствованием или влиянием, то есть описывает вид литературной связи, который его последователи назовут типологическим. И.О. Шайтанов, современный исследователь трудов А.Н. Веселовского, отмечает, что в совокупности своих работ ученый предлагал целостную программу создания новой литературоведческой области, которая объединяет компаративистический и

³⁸ См.: *Веселовский А.Н. Поэтика сюжета (1897–1906)* // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л.: Худож. лит., 1940. С. 493.

³⁹ Там же. С. 499.

историко-поэтологический подходы, и, хотя «...мы не имеем завершенного текста книги “Историческая поэтика”, но система исторической поэтики достаточно ясна и закончена»⁴⁰. И.О. Шайтанов доказывает, что, хотя «Историческая поэтика» А.Н. Веселовского не состоялась в виде законченного произведения, она сформировалась в его черновых текстах на концептуальном уровне.

Итак, А.Н. Веселовский заложил основы дальнейшего развития сравнительного литературоведения как магистрального направления литературных исследований: «метод новой поэтики будет сравнительный»⁴¹. Однако в классическом сравнительном литературоведении, представленном Веселовским, типология во многом ограничивается сближением отдельных компонентов структуры литературных явлений (прежде всего таких, как мотивы и сюжеты). Позднее, в середине XX века, В.М. Жирмунский и Н.И. Конрад сделают ряд ценных замечаний о целостности структуры литературных явлений и их исторической обусловленности.

Параллельно типологическое изучение литературы развивалось и в европейской науке первой половины XX века. Поль Азар и Поль Ван Тигем – выдающиеся представители французской школы компаративистики начала XX века, которые внесли значительный вклад в развитие сравнительного литературоведения. Поль Азар (фр. Paul Hazard; 1878–1944) выступал в качестве исследователя его теории уже в диссертации «Французская революция и итальянская литература» («La Révolution française et les lettres italiennes»), посвященной взаимодействию между различными культурами. Полю Ван Тигему (фр. Paul Van Tieghem; 1871–1948) принадлежит академическое описание методологии компаративистики: в его книге «Сравнительное литературоведение» (La littérature comparée. Paris, 1931)

⁴⁰ См.: Шайтанов И.О. Классическая поэтика неклассической эпохи // Веселовский А.Н. Избранное: Историческая поэтика. СПб.: Университетская книга, 2011. С. 5–50, здесь С. 18. См. также: Шайтанов И.О. Зачем сравнивать? Компаративистика и/или поэтика // Филологическая регионалистика. 2009. № 1–2. С. 99–107.

⁴¹ Веселовский А.Н. Указ. соч. С. 83.

представлен глубокий очерк проблематики и методики сравнительного литературоведения, в том числе типологического метода исследования литературных произведений. Ван Тигем предлагал разделить сравнительное литературоведение на две части: первая – собственно «сравнительное литературоведение», изучающее связи между текстами, т.е. преимущественно прикладная дисциплина; а вторая часть, называемая им «общим литературоведением», должна сосредоточиться на создании истории мировой литературы как системы международных литературных связей.

В СССР с середины XX веков типологические исследования литературы базировались на философии марксизма. Как показывает в своих трудах В.М. Жирмунский (1891–1971), сравнительно-исторический метод на марксистском этапе его развития позволяет достичь объективного сопоставления фактов художественной литературы. Для этого необходимо учитывать условия изучаемого литературного явления в рамках местного исторического или специального литературного развития, его связи с отражаемой им социально-экономической реальностью, его исторической, национальной и индивидуальной спецификой⁴². Основной предпосылкой сравнительно-исторического изучения литератур разных народов является идея единства и закономерности общего процесса исторического развития человеческого общества, которая определяет закономерность общего процесса развития литературы как одного из видов идеологической надстройки. В.М. Жирмунскому принадлежит теоретическое обоснование понятия «типологические схождения»⁴³, которое постулирует изучение сходных процессов в разных литературах, возникающих при отсутствии непосредственного взаимодействия и контакта – на сходных ступенях общественного развития или по причине универсальных закономерностей

⁴² См.: *Жирмунский В.М. Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур* // Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л.: Наука, 1979. С. 66.

⁴³ Там же. С. 68.

человеческого сознания. Несомненно, сравнительное изучение литературной конвергенции важно, поскольку оно позволяет установить общую модель литературного развития в его общественной обусловленности. По мнению В.М. Жирмунского, типологические схождения представляют собой один из трех аспектов сравнительно-литературных исследований, к которым также относят генетический подход и контактные типы. Генетический подход устанавливает, что сходство между литературными явлениями зависит от их родства, но различия в их проявлениях могут возникать в различных социальных контекстах (так, реализм зарождается на почве романтизма). В то же время исследователь подчеркивает, что контактный тип связей является чрезвычайно важным в сравнительных исследованиях, а благодаря сходству исторического и социального развития между народами, «влияния» и «заимствования» между культурами также распространены (Вальтер Скотт – Гоголь; Байрон – Пушкин).

Выдающийся востоковед Н.И. Конрад (1891–1970) предпринимает ряд успешных сравнительных исследований восточных (преимущественно китайской и японской) и западных литератур. В своих трудах он фокусируется на «взаимопроникновении» литературы (т. е. на междисциплинарных связях), и перевод в этом процессе становится «главным орудием»⁴⁴. Конрад разрабатывает новый метод, применяемый в сравнительном литературоведении, – анализ междисциплинарных связей в контексте исторического развития мировой литературы, что, по мысли ученого, не только не уменьшает самостоятельность каждой национальной литературы в отдельности, но, напротив, ярко проявляет своеобразие литератур народов Востока и Запада.

Словацкий компаративист Диониз Дюришин (1929–1997) подробно рассматривает с марксистских позиций важнейшие положения теории сравнительного изучения литературы. Он дает системную классификацию

⁴⁴ Конрад Н.И. Проблемы современного сравнительного литературоведения // Конрад Н.И. Избранные труды. Литература и театр. М.: Наука, 1978. С. 29.

типологических схождений, выделяя такие их виды как общественно-типологические, литературно-типологические и психолого-типологические аналогии. Литературно-типологические аналогии представляют собой результат имманентных законов развития художественной литературы, поэтому требуют всестороннего рассмотрения принципов литературного процесса⁴⁵. Для этого необходимо не только восприятие аналогий и отличий в контексте литературных направлений, жанров и жанровых форм, но и рассмотрение различных компонентов художественного произведения, таких как идейно-психологическая направленность, характеристика персонажей, композиция и сюжет, мотивы и др., что становится отправной точкой для комплексного изучения компаративной типологии.

На фоне кризиса компаративистики 1950-х годов у американских ученых происходит полемика с французскими коллегами об соотношении между компаративистикой и поэтикой⁴⁶. Примечательно, что она становится поворотным пунктом в судьбе сравнительного изучения литературы. В рамках спора чешско-американский ученый Рене Уэллек (René Wellek; 1903–1995) указал на одну из самых ярких особенностей французской школы компаративистики – привязанность к фактам. По его мысли, акцент лишь на фактах десятилетиями служил неким методологическим оберегом в мировом масштабе и породил нелюбовь к теории сравнительного литературоведения. Ограничение исключительно непосредственным рассмотрением «источников и влияний» препятствует построению внятной типологической модели. Как полагает Уэллек, в современной компаративной типологии невозможно упускать из виду сопоставление на уровне культуры и слепо следовать принципу формального соответствия двух иноязычных литератур. Так, в статье «The Crisis of Comparative Literature» («Кризис сравнительного

⁴⁵ Дюришин Д. Типологические схождения // Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М.: Прогресс, 1979. С. 183.

⁴⁶ Шайтанов И.О. Зачем сравнивать? Компаративистика и / или поэтика // Филологическая регионалистика. 2009. № 1–2. С. 102.

изучения литературы», 1958) Уэллек утверждает, что проблемы компаративистики связаны с тремя основными причинами: «разграничением предмета и методологии, механистической концепцией источников и влияний, а также мотивацией культурного национализма»⁴⁷. Поэтому существенное развитие сравнительного литературоведения во многом зависит от радикальной переориентации этих трех черт. Он считает, что следует отказаться от искусственного разделения на «сравнительное» и «общее» литературоведение, поскольку оно несостоятельно и непрактично, а также подчеркивает необходимость сочетания теоретического, критического и исторического подходов в сравнительном литературоведении для достижения его центральной задачи – описания, интерпретации и оценки произведений искусства или любой группы произведений искусства. Проблема «литературности» как центральный вопрос эстетики становится особенно актуальной в литературоведении, а потому последнее следует отличать от изучения истории идей или религиозных и политических концепций⁴⁸. С этой точки зрения, литературное произведение представляет собой центр исследования. Компаративисты «кризисной эпохи» ввели концепцию «онтологического разрыва», существующего между психологией автора и произведением, между обществом и эстетическим объектом, т. е. изучение произведения искусства называется «внутренним», а его отношения к психологии автора, к обществу – «внешним».

Французский компаративист середины XX века Франсуа Жо (François Jost) также указывал на новые перспективы для развития сравнительного литературоведения. Например, он фокусируется на «получателе» информации в процессе развития литературы, поскольку в этом случае можно исследовать результат посредничества или степень усвоения оригинала. С точки зрения Жо, серьезная проблема позитивизма, лежащего в основе классических концепций

⁴⁷ *Wellek R. The Crisis of Comparative Literature // Wellek R. The Concepts of Criticism. New Haven; London: Yale University Press, 1976. P. 290.*

⁴⁸ Там же. С. 292–293.

сравнительного литературоведения, в том, что наличие личных связей между авторами или прямых связей между конкретными литературными явлениями является необходимым условием для проведения любого исследования. Однако в процессе развития сравнительного литературоведения, будь то «влияния» или «анalogии», следует учитывать социальный климат культурных групп, непосредственный контакт между людьми и произведениями и, наконец, личное творчество писателей, которые придают каждому произведению свою уникальность и своеобразие⁴⁹.

На современную теорию типологического изучения литературы значительно повлияла статья выдающегося немецкого ученого Эриха Ауэрбаха (Erich Auerbach) «Филология мировой литературы», впервые опубликованная в 1952 году. По его словам, в современном обществе наблюдается тенденция к стандартизации культурного состояния, когда процесс гомогенизации, исходящий от европейской культуры, продолжает оказывать мощное влияние. В результате внутренние особенности национального бытия постепенно распадаются, а процесс приобретения общих черт и единообразия, наоборот, интенсивно развивается. В таких условиях уже ощущается привычка людей к стандартизации культуры и даже языка. «Weltliteratur» – «мировая литература» в гётевской трактовке – уже находится в состоянии кризиса. Из-за неограниченного разнообразия материалов, методов и способов видения предмета проведение фундаментальных филологических исследований сталкивается со значительными трудностями. В связи с этим Ауэрбах утверждает, что филологические исследования, основанные на историческом подходе, до сих пор обладают практической ценностью, а наличие необходимого «чувства исторической перспективы» является неотъемлемым условием для проведения таких исследований⁵⁰.

⁴⁹ Jost F. Part II. Relations: Analogies and Influences, Prolegomenon A // Jost F. Introduction to comparative literature. Indianapolis: Pegasus, 1974. P. 35–40.

⁵⁰ Ауэрбах Э. Филология мировой литературы // Вопросы литературы. 2004. № 5. С. 127.

Современный американский исследователь Дэвид Феррис (David Ferris) в своей статье «Why Compare» утверждает, что сравнение в гуманитарных науках возникает при изучении мира, поскольку стремление к мировой литературе было задачей сравнения с самого начала. Подробные пояснения были представлены ученым с точки зрения трудов Аристотеля и Платона соответственно. Феррис ввел два типа сравнения: исторический, закрытый, поскольку ограничен тем, что уже существует; второй остается открытым, так как он опирается на возможность: это то, что могло бы уже существовать⁵¹.

Другой американский исследователь Дэвид Дэмрош (David Damrosch) демонстрирует новые способы эффективного чтения нового материала в сравнительной перспективе, выявляя сходства и различия, которые могут помочь читателям понять смысл менее знакомых произведений, а также преодолеть культурные барьеры. Дэмрош утверждает, что, даже если между произведениями различных авторов нет общих литературных связей, существует множество способов сравнения произведений таких текстов. На примере сопоставления «Царя Эдипа» Софокла и «Абхиджняна-Шакунталы» индийского драматурга Калидасы (IV–V века). Дэмрош показывает различные методы сравнения текстов с учетом категорий жанра, характера и сюжета, тем и образов, а также параллельных моделей культуры.

Остановимся подробнее на аргументации американского исследователя, так как его методология и опыт релевантны для нашей работы. Софокл и Калидаса находятся в сопоставимом положении как основоположники драматургии в своих традициях, однако связь между драматургией Древней Греции и Древней Индии практически не прослеживается. Разумеется, Калидаса и Софокл не знали друг о друге, а «Абхиджняна-Шакунтала» и «Царь Эдип» созданы независимо. При этом можно отметить сходство в основных темах, персонажах, сюжете и фабуле этих текстов. Дэмрош утверждает, что пьеса как литературный жанр существовала во многих

⁵¹ См.: *Ferris D. Why Compare // A companion to comparative literature*. Chichester: Wiley-Blackwell Publishing house, 2011. P. 35.

культурах, и, несмотря на различия театральных традиций, исторически каждый драматург архаической эпохи видит ее только на сцене (феномен *Lesedrama*, т.е. драмы для чтения, непредназначенной для сцены, возникает только в Новое время). Софокл, опираясь на миф из эпической традиции, создает своего «Царя Эдип» как драму познания, сосредоточенную на раскрытии прошлого протагониста. «Шакунтала», напротив, представляет собой драму чувств и лирических размышлений. Как и Софокл, Калидаса драматизирует инцидент, переданный в эпической традиции. Поскольку главные герои страдают от потери памяти и подсознательных желаний, она также становится психологической драмой и в этом отношении сближается с трагедией «Царь Эдип». Образы усиливают сходство характеров и сюжетов пьес. Зрение играет важную роль в драматической традиции: в обеих пьесах оно является воплощением прозрения главных героев. Кроме того, исследователь подробно останавливается на концепции трагического в обоих этих произведениях. Начиная с эпохи Возрождения европейские драматурги уделяли внимание индивидуальному характеру героя, а трагические герои рассматривались с точки зрения гордости и высокомерия, которые и приводили их к гибели. Софокл, наоборот, стремится показать силу судьбы в жизни человека. Фокусируясь на судьбе, а не на личных качествах, Софокл ближе к Калидасе, чем к более поздним драматургам Запада, например, к таким как Шекспир⁵².

Краткая история изучения типологических связей в литературе (иначе «схождений» и «совпадений», согласно более старой терминологии) показывает динамику интерпретации этого понятия в науке. Изучение типологических связей в литературе отражает динамику их научной интерпретации. Классический подход, сформированный в рамках позитивизма, предполагал изучение текстов, объединенных общими или схожими историческими условиями (А.Н. Веселовский, Х.М. Познетт и др.).

⁵² См.: *Damrosch D. Reading across culture* // *Damrosch D. How to Read World Literature*. Hoboken: John Wiley & Sons, 2009. P. 50–55.

Марксистская концепция расширила рамки сравнительного литературоведения, интерпретируя культуру как продукт экономических отношений (В.М. Жирмунский, Н.И. Конрад и др.). Однако с середины XX века, в период кризиса идентичности компаративистики, акцент сместился с исключительно генетических связей на установление типологических сближений (Р. Уэллек и др.). В новейшее время утвердилось представление о познавательной активности исследователя, который, опираясь на логику, эрудицию и методологическую строгость, способен осуществлять рациональное и научно обоснованное сопоставление текстов, принадлежащих к различным культурным традициям (Э. Ауэрбах, Д. Дэброш и т. п.). Современный подход позволяет сделать вывод о том, что анализ типологических связей выходит за рамки социального контекста и включает в себя глубокое изучение поэтики отдельных авторов, расширяя горизонты интерпретации и понимания литературных явлений.

1.2. К проблеме типологического изучения художественных произведений Н.В. Гоголя

Исследование творчества Н.В. Гоголя имеет давнюю историю. Произведения писателя стали предметом научного изучения уже в появившихся во второй половине XIX века трудах Н.С. Тихонравова, В.И. Шенрока, Н.А. Котляревского, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, С.К. Шамбинаго и др. Основное внимание в этих работах уделялось изучению биографических, текстологических, идеологических и историко-литературных аспектов творчества писателя. Позднее в рамках советского и российского литературоведения, были предложены новые подходы к анализу произведений писателя, включая и типологический аспект, что значительно расширило горизонты исследований творчества Гоголя.

Рассмотрение Гоголя как явления мировой литературы и первые полноценные компаративные исследования гоголевских повестей относятся ко второй половине XX века. В последние десятилетия такая работа ведется особенно активно⁵³. Долгое время научный дискурс фокусировался на выявлении европейских литературных параллелей к раннему творчеству писателя. Эти комплексы сопоставления, как правило, не ограничивались лишь обнаружением прямых текстуальных заимствований, а иногда подчеркивали типологическое сходство, обусловленное общностью эстетических принципов романтической эпохи и тождеством культурно-исторического контекста. Развитие типологического метода в российском и мировом литературоведении дало импульс к его применению для исследований творчества Гоголя. Типологическое исследование творчества

⁵³ См., например: Гоголь и мировая литература. М.: Наука, 1988.; Гоголь как явление мировой литературы. Сб. ст. по материалам международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня смерти Н.В. Гоголя. М.: ИМЛИ РАН, 2003; *Елистратова А.А.* Гоголь и проблемы западноевропейского романа. М.: Наука, 1972; *Вайскопф М.* Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. М.: РГГУ, 1993; *Дмитриева Е.Е.* Гоголь в западноевропейском контексте: между языками и культурами. М.: ИМЛИ РАН, 2011.

писателя рассматривает его наследие в контексте мировой литературной и фольклорной традиции и не предполагает наличия генетической связи между изучаемыми текстами. Возникновение черт сходства объясняется аналогичными эстетическими, историко-литературными, социально-политическими или иными условиями генезиса художественного текста⁵⁴. Особенное распространение это явление по отношению к Гоголю приобретает во второй половине XX – начале XXI века. Современный период изучения произведений писателя демонстрирует ряд неожиданных типологических сближений его творчества и произведений мировой литературы.

Существенным для изучения творчества Гоголя в типологическом аспекте стало появление первого издания книги Ю.В. Манна «Поэтика Гоголя» (1978), которая популяризировала по отношению к произведениям русской литературы теорию карнавала русского философа и филолога М.М. Бахтина и развила ряд наблюдений последнего за художественным миром писателя.

В статье М.М. Бахтина «Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура)» (1940, 1970) акцентируется взаимосвязь малороссийской праздничной традиции с гоголевской смеховой литературой. Ученый, не углубляясь «...в вопрос о прямом или опосредованном влиянии Рабле (через Стерна или французскую натуральную школу)», подчеркивает, что «...ключевые черты смеховой эстетики у Гоголя обусловлены его непосредственной связью с народно-праздничными формами, укорененными в украинской культурной почве»⁵⁵. Историк Е.В. Тарле, выступая в качестве официального оппонента бахтинской диссертации, оценил новаторство предложенного сопоставления смеховых систем Рабле и Гоголя. По его мнению, выявление типологической общности в их творчестве «несомненно

⁵⁴ См., например: *Храпченко М.* Типологическое изучение литературы и его принципы // Вопросы литературы. 1968. № 2. С. 55–82; *Тюпа В.И.* Художественность литературного произведения. Вопросы типологии. Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1987.

⁵⁵ См.: *Бахтин М.М.* Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура) [1940, 1970] // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 4(2): М.: Языки славянских культур, 2010. С. 511.

заинтересует русских историков литературы»⁵⁶. Продолжая научную традицию Бахтина, типологический подход к изучению творчества Гоголя был применен в работах других ученых, включая Ю.В. Манна, А.Х. Гольденберга и др.

Более современные исследования демонстрируют большие успехи в применении типологического подхода к творчеству писателя. Например, в докторской диссертации А.А. Слюсаря осуществлен типологический анализ эпической прозы А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя. Автор сопоставляет исторический роман «Капитанская дочка» Пушкина с произведениями Гоголя «Гетман», «Тарас Бульба» и «Мертвые души». Кроме того, в исследовании затрагивается и раннее творчество Гоголя, в частности сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки», который сопоставляется с пушкинской книгой «Повести покойного Ивана Петровича Белкина». По словам исследователя, «...фантастика выполняет в пушкинской и гоголевской прозе ряд функций. Являясь одной из форм параболы, она служит задачам синтеза: выражает в условно-обобщенном виде мысль о раздробленности действительности, передает апокалипсические мотивы, намекает на существование явлений, представляющихся необъяснимыми. Вместе с тем она выступает в качестве облачения бессознательного; и, наконец, отображение сверхъестественного связано с воссозданием мифологического мировосприятия персонажей»⁵⁷.

В кандидатской диссертации О.В. Федуловой «Гоголь и Ирвинг»⁵⁸ рассматривается более спорный случай: работа не ограничивается лишь вопросами генетической связи; особое внимание уделяется мифологическим мотивам в творчестве Гоголя и Вашингтона Ирвинга, которые характеризуются как сходные именно в типологическом аспекте. Особенно

⁵⁶ *Тарле Е.В.* Отзыв Е.В. Тарле // Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7-ми томах. Т. 4(1): «Франсуа Рабле в истории реализма» (1940 г.). Материалы к книге о Рабле (1930–1950-е гг.). Комментарии и приложения. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 1015.

⁵⁷ *Слюсарь А.А.* Эпическая проза А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя в типологическом сопоставлении: автореф. дисс. ... д. ф. н. Киев, 1992. С. 11.

⁵⁸ *Федулова О.В.* Гоголь и Ирвинг: автореф. дисс. ... к. ф. н. Тверь, 2005.

интересно для нас, что в работе характерные фантастические мотивы Гоголя, например мотив волшебного сна в повести «Майская ночь...», сопоставляются с новеллой «Дольф Хейлигер» (1822), а мотив кладоискательства в повестях «Вечер накануне Ивана Купала» и «Заколдованное место» анализируется в сравнении с новеллами «Кладоискатели» (1824) и «Дьявол и Том Уокер» (1824).

В кандидатской диссертации А.Ю. Бычковой проводится системный анализ повести «Нос» и проблемы типологических параллелей ринологии в творчестве Н.В. Гоголя и других западноевропейских писателей (У. Шекспира, Л. Ариосто, И.В. Гёте, Э.Т.А. Гофмана, В. Гауфа и др.). Автор приходит к значимому выводу о существовании «устойчивых сквозных ассоциативных мотивов, окружающих ядерный мотив носа в произведении писателя любой историко-культурной эпохи и национальной литературной традиции»⁵⁹.

Статья Е. Лившиц «К вопросу о сходстве “Чар любви” Л. Тика и “Вечер накануне Ивана Купала” Н.В. Гоголя»⁶⁰ также является одной из наиболее показательных для нас работ. Повесть Гоголя «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала. Малороссийская повесть (из народного предания), рассказанная дьячком Покровской церкви» была опубликована в февральском и мартовском номерах в журнале «Отечественные записки» в 1830 году. Примерно через неделю перевод повести Л. Тика «Чар любви» («Liebeszauber») увидел свет в журнале «Галетей» (N 10/11 за 1830 г.). По словам автора статьи, повесть Тика не упоминается в письмах Гоголя и нет прямых свидетельств о знакомстве писателя с оригиналом этого произведения. Поэтому в статье не рассматривается проблема возможных заимствований Гоголя у Тика, а обосновывается тезис о том, что оба автора следуют сюжетной схеме

⁵⁹ Бычкова А.Ю. Ринология Н.В. Гоголя: типологические аспекты: автореф. дисс. ... к. ф. н. Томск, 2014. С. 4.

⁶⁰ Лившиц Е. К вопросу о сходстве «Чар любви» Л. Тика и «Вечера накануне Ивана Купала» Н.В. Гоголя // Русская филология. Сб. 7. 1996. С. 106–112.

волшебной сказки: потеря – поиск – обретение. (О творческих переключках Гоголя и Тика см. также в разделе 2.4 нашей работы).

В статье В.И. Мацапуры⁶¹ подвергается сомнению тезис о непосредственном влиянии комедии Г.Ф. Квитки-Основьяненко «Приезжий из столицы» на гоголевского «Ревизора». Автор обосновывает малую вероятность подобного заимствования, предлагая вместо этого принципиально новый типологический подход к сравнительному анализу данных драматургических произведений. Статья Н.В. Хомука⁶² посвящена типологическому анализу поэмы Гоголя «Мертвые души» и романа Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый кит» в контексте онтологического реализма. В контексте изучения типологических связей гоголевской поэмы следует также отметить статью Ш. Липке⁶³, в которой проводится сравнительный анализ «Мертвых душ» с поэтическим циклом Г. Гейне «Германия. Зимняя сказка» и романом филиппинского писателя Хосе Рисаля (1861–1896) «Не прикасайся ко мне».

Если ранее основное внимание уделялось европейским литературным параллелям в творчестве Гоголя, то можно сказать, что сегодня увеличивается интерес к типологической связи творчества Гоголя с азиатскими, в частности китайскими, литературными традициями.

В статье Л.В. Жаравиной⁶⁴ рассматривается проблема антропологических воззрений Н.В. Гоголя в контексте духовных традиций древнекитайской философии. Автор проводит типологический анализ мировоззренческих

⁶¹ *Мацапура В.И.* «Ревизор» Н.В. Гоголя и «Приезжий из столицы» Г.Ф. Квитки-Основьяненко (типологический аспект) // *Художній світ Гоголя*. Полтава, 2008. С. 11–19.

⁶² *Хомук Н.В.* «Мертвые души» Н.В. Гоголя и «Моби Дик, или Белый кит» г. Мелвилла: формы эпизации в онтологическом реализме // *Имагология и компаративистика*. 2014. № 2. С. 136–153.

⁶³ *Липке Ш.* Образы автора и отечества в произведениях Н.В. Гоголя, Г. Гейне и Х. Рисаля // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология*. 2022. № 1. С. 56–73.

⁶⁴ *Жаравина Л.В.* Антропологические воззрения Н.В. Гоголя в духовном пространстве древнекитайской мудрости // *Восток – Запад: диалог культур в пространстве русской словесности*. Волгоград, 2015. С. 50–57.

систем, выявляя неожиданные параллели между гоголевской антропологией и восточной мудростью.

В статье А. Посохова ⁶⁵ исследуется особенно интересная тема: автор предпринимает попытку установить типологические соответствия между образом Акакия Акакиевича Башмачкина из гоголевской «Шинели» и китайскими каллиграфами.

Р.Ф. Бекметов продолжал свое исследование на тему «Гоголь и Восток», в своей статье «Образ гоголевского Башмачкина в проекциях восточной культуры» ⁶⁶ он дистанцируется от традиционных православно-агиографических трактовок и предлагает новый интерпретационный подход – пытается воспринять образ Акакия Акакиевича через призму восточной культуры. Далее он рассматривает образ Павла Ивановича Чичикова из поэмы «Мертвые души» в парадигме китайской классической традиции, в частности сквозь призму концепции конфуцианства⁶⁷.

Статьи Сун Инънань ⁶⁸ посвящены выявлению типологических созвучий между гуманистическими идеями Конфуция и Гоголя. В статье Инь Тяньлэ⁶⁹ предлагается типологический анализ гастрономической образности в романе современного автора Юй Хуа «Как Сюй Саньгуань кровь продавал» и поэме Гоголя «Мертвые души». Следует отметить, что пока на современном этапе

⁶⁵ *Посохов А.* Гоголевский Акакий Акакиевич и китайские каллиграфы // Русская словесность. М., 2016. № 2. С. 17–20.

⁶⁶ *Бекметов Р.Ф.* Образ гоголевского Башмачкина в проекциях восточной культуры // Филология и культура / Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, 2018. № 1. С. 174–180.

⁶⁷ *Бекметов Р.Ф.* Чичиков и «китайщина»: образ гоголевского героя в зеркале китайской классической традиции // Ученые записки Казанского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. Казань, 2018. Т. 160. № 1. С. 42–65.

⁶⁸ *Сун Инънань.* Межкультурное взаимодействие через века гуманистических идей Конфуция и Гоголя // Актуальные проблемы обучения русскому языку как иностранному и русскому языку как неродному: сб. статей. М., 2016. С. 231–238; *Сун Инънань.* Конфуций и Гоголь: диалог об искусстве через столетия // *Litera*. М., 2019. № 4. С. 221–227.

⁶⁹ *Инь Тяньлэ.* Сопоставительный анализ гастрономической образности в романе «Как Сюй Саньгуань кровь продавал» и поэме «Мертвые души» // Современные вызовы и перспективы развития молодежной науки. Петрозаводск, 2020. С. 227–234.

нет прямых доказательств о наличии непосредственных интертекстуальных связей между вышеупомянутыми произведениями.

В статье У Хао «Мотив “утопление” в русской и китайской мифологиях – его наследие в литературе и лингвокультурная интерпретация»⁷⁰ проводится типологический анализ мифопоэтических традиций в русской и китайской культурах. В поле исследования включены гоголевских повестей «Майская ночь, или Утопленница» и «Вий».

В статье профессора Лю Хунбо «Н.В. Гоголь и его творчество сквозь призму теории Инь-Ян»⁷¹ поднимаются вопросы типологического соответствия между элементами гоголевской поэтики и принципами традиционной китайской философии даосизма.

Таким образом, можно сказать, что все эти исследования демонстрируют возможность нового подхода к изучению гоголевского наследия – через призму восточной культуры.

В нашей статье «Сравнительное изучение ранней прозы Н.В. Гоголя и новелл Пу Сунлина: постановка проблемы»⁷² обосновывается методологическая правомерность типологического сопоставления творчества двух авторов. Поскольку они принадлежат различным культурам (имперская Россия у Гоголя и патриархальный Китай эпохи Цин у Пу Сунлина), различным эпохам (первая половина XIX века и рубеж XVII–XVIII века), различным литературным традициям (и, в частности, связаны с различными жанровыми традициями: для Гоголя был актуальным жанр романтической «фантастической повести», для Пу Сунлина – жанр средневековой китайской

⁷⁰ У Хао. Мотив «утопление» в русской и китайской мифологиях – его наследие в литературе и лингвокультурная интерпретация // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, 2020. № 1. С. 393–396.

⁷¹ Лю Хунбо. Н.В. Гоголь и его творчество сквозь призму теории Инь-Ян // Гоголь и мировая художественная культура. Двадцатые Гоголевские чтения. М.; Новосибирск: Новосибирский изд. дом, 2021. С. 71–78.

⁷² Сунь Вэньцзюнь. Сравнительное изучение ранней прозы Н.В. Гоголя и новелл Пу Сунлина: постановка проблемы // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 2. С. 73–88.

новеллы, называемой *сяошо*), необходимо обратиться к теории сравнительного литературоведения.

Изучение произведений Гоголя и Пу Сунлина возможно в рамках типологического подхода. Хотя классик китайской литературы жил гораздо раньше автора «Вечеров на хуторе близ Диканьки», его произведения не были известны в Европе и в России, что объяснялось отсутствием интереса к самобытной китайской литературе со стороны проникнутой классическими, сентименталистскими, а затем и романтическими тенденциями западной цивилизации. Не было и должного числа переводчиков с китайского языка. Таким образом, какие-либо контакты между творчеством Гоголя и Пу Сунлина следует признать невозможными. А типологическое исследование становится приоритетным, когда объект изучения с русской и китайской стороны хронологически расположен раньше XX века – до начала систематических контактов двух литератур незадолго до Синьхайской революции 1911 года.

На данный момент типологический анализ литературы фокусируется на обнаружении схожести текстов, а не на исследовании того, какие общие социальные характеристики они содержат (что отмечает Ф. Жо⁷³). Последнее также едва представимо в случае двух исследуемых авторов. Так, Е.М. Болдырева в новейшей монографии о диалоге между русской и китайской литературами (2023) указывает на то, что российско-китайские литературные параллели осуществляются в трех основных парадигмах. Первая является самой распространенной формой: основываясь на генетической связи и поиске творческих переключек между российскими и китайскими писателями, автор предлагает концепцию «писателей-двойников»; второй подход российско-китайского литературного диалога состоит во обнаружении мотивных параллелей между произведениями русских и китайских авторов в рамках типологических связей; третье направление

⁷³ Jost F. Introduction to comparative literature. Indianapolis: Pegasus, 1974.

исследования этого диалога заключается в анализе функционирования вечных и «странствующих» сюжетов и образов в русской и китайской литературе⁷⁴. Таким образом, изучение произведений Н.В. Гоголя и Пу Сунлина возможно в рамках двух последних типологических подходов.

Изучение творчества русских и китайских писателей показывает активное ими использование фольклорных и литературных материалов, их увлечение фантастикой и демонологией, яркую художественную детализацию сцен из повседневной жизни. Эти характеристики становятся предварительной мотивацией для сравнительного анализа творчества Гоголя и Пу Сунлина. Более того, при анализе «Вечеров на хуторе близ Диканьки» как «прозаического цикла» (по определению А.С. Янушкевича⁷⁵) и сборника «Рассказы Ляо Чжая о необычайном» можно обнаружить значительное число типологических параллелей. Например, в этих сборниках обнаруживается сходная типология литературных героев (молодые мужчины, вступающие в контакт со сверхъестественными существами; юные девушки, олицетворяющие соблазн инфернального; животные, маркирующие присутствие запредельного, и проч.) и сюжетов (ноктюрнальный переход в иномирную реальность; разрушительное соблазнение героя «темной» стороной; преступления, мотивированные отходом от религиозного закона, и соответствующие наказания и т.д.). Более того, оба писателя были мастерами, которые обладали особым мистическим видением реальности. Наконец, их творчество затрагивает религиозное (в частности, религиозно-этические) измерение. По словам И.А. Виноградова, «для Гоголя сказка – возможность заговорить с читателем на языке художественных образов о самой истине, в

⁷⁴ Болдырева Е.М. «Мой далёкий двойник где-то там, на другом берегу...»: Российско-китайский литературный диалог. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2023. С. 46–47.

⁷⁵ Янушкевич А.С. Особенности композиции «Вечеров на хуторе близ Диканьки» // Янушкевич А.С. Мастерство писателя и проблемы жанра. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1975. С. 100.

незамысловатом повествовании преподать серьезный нравственный урок»⁷⁶. Фэн Чжэньлуань считал, что Пу Сунлин известен своими новеллами, которые содержат глубокие философские и религиозно-моральные мысли⁷⁷. Все вышеперечисленные составляющие позволяют провести сравнительный анализ двух авторов в контексте трактовки мифологических, фантастических мотивов, мотивов, связанных с демонологией в их творчестве.

Таким образом, современное типологическое исследование литературы требует активности исследователя и способности проводить рациональные и методологически обоснованные сопоставления текстов, так что изучение произведений Гоголя и Пу Сунлина, принадлежащих различным культурам и эпохам, возможно в рамках типологического подхода и представляется нам многообещающей научной задачей.

⁷⁶ Виноградов И.А. Гоголь художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М.: Наследие, 2000. С. 9.

⁷⁷ 冯镇峦. 《聊斋志异》点评. 长沙, 2011. 217 页. [Фэн Чжэньлуань. Рецензия на «Ляо Чжай Чжи И». Чанша: Юэлу шушэ, 2011. С. 217.] (На кит. яз.).

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя и становление жанра фантастической повести в русской литературе

2.1. Фантастика и демонология в древнерусской литературе и русской беллетристике XVIII века

По словам В.В. Сдобнова, автора единственного специального исследования о становлении русской литературной демонологии до времени Пушкина и Гоголя включительно, «в основе русской литературной демонологии лежат преимущественно библейские и славянские языческие верования, древнейшие анимистические и дуалистические воззрения на природу»⁷⁸. Особенно в древнерусской литературе демонологические образы тесно переплетаются в первую очередь с христианскими представлениями, отражая убежденность писателей в существовании Бога и посмертного инобытия. Православная традиция привносит в демонологию строго отрицательную оценку. В рамках средневековой литературы чудесные события воспринимаются как реально происходившие. Фантастика и демонология во многих произведениях тесно связаны с христианским мировоззрением, в которых нечистая сила противостоит божественной. Чудеса происходят при вмешательстве Бога, и злые персонажи действуют под влиянием дьявола, а добрые герои побеждают благодаря Божьей помощи.

Особого внимания заслуживает «Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим» – один из самых значимых памятников древнерусской литературы, датируемый XV веком. Эта повесть – часть Жития Иоанна, архиепископа Новгородского, который жил в XII веке, и основана на

⁷⁸ Сдобнов В.В. Русская литературная демонология: этапы развития и творческого осмысления. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2002. С. 309.

легендарном сказании⁷⁹. В ней повествуется о том, как черт, которого Иоанн поймал в рукомойнике, запечатлев крестным знаменем, в обмен на освобождение пообещал архиепископу свозить его в святой город Иерусалим и выполнил свое обещание, превратившись в черного коня. Архиепископ согласился на его предложение, потому что очень хотел увидеть Святую землю, то есть его желание было благочестивое, но он все равно в итоге был наказан за то, что воспользовался помощью черта: тот потом отомстил ему, подстроив так, что новгородцы стали подозревать своего архиепископа в прелюбодеяниях и едва не изгнали из города. Сюжет о путешествии Иоанна на черте нашел свое развитие и в литературе Нового времени, прежде всего – в повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» (см. подробно о сюжетных параллелях в разделе 2.4).

На протяжении длительного времени славянская демонология, сохранявшаяся в фольклоре, обрядах и календарных праздниках, подвергалась резкому осуждению. В.В. Сдобнов указывает в своей монографии: «Особенно возмущала проповедников зрелищная сторона языческих праздников и обрядов». В качестве примера исследователь приводит «Послание игумена Памфила» (начало XVI века), где упоминается праздник Ивана Купала. Автор послания, монах Елизаровской пустыни, обращается к наместнику Пскова с просьбой запретить «сатанинское веселие», видя в этом празднике «ликование и возвышение дьявола и торжество бесов в людях, не знающих истины», а вместо языческих игрищ он призывает праздновать «день Рождества великого Иоанна Предтечи в чистоте, целомудрии, духовности и молитвах»⁸⁰.

В период XV–XVII веков в древнерусской литературе наблюдается первое проявление сознательного вымысла в форме политических легенд, включая летописи, публицистику и другие исторические жанры. Исследование этого

⁷⁹ Об этой повести см., например: *Дмитриев Л.А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII веков. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний*. Л.: Наука, 1973. С. 152–159 («Слово о путешествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим»).

⁸⁰ *Сдобнов В.В. Указ. соч.* С. 42

феномена провел Д.С. Лихачев, который назвал его «государственным вымыслом» и подчеркнул его «документальность» такого вымысла, хотя читатели продолжали воспринимать эти тексты как достоверные исторические повествования. Он полагает, что «элементы фантастического начали проникать в русскую литературу через переводы произведений, таких как “Александрия”, “Повесть об Индийском царстве” и “Стефанит и Ихнилат”»⁸¹. Поскольку эти переводы выходили за рамки реальности русской жизни, их устойчиво воспринимали как реальные события или истолковывали в контексте библейских нравоучений и притч. Под влиянием сказки в этот период появляются первые оригинальные беллетристические сочинения, такие как «Повесть о Басарге», «Повесть о старце» и «Повесть о Петре и Февронии».

В период с XVII к началу XVIII века произошла значительная трансформация в восприятии фантастики и демонологии в русской литературе. Если ранее, в эпоху Средневековья, элементы фантастики и демонологии в литературных текстах были неразрывно связаны с церковными представлениями о злых духах и использовались в религиозно-дидактических целях, то в начале Нового времени, в переходный период, эти же элементы уже могли осознаваться как художественный вымысел – как литературный прием, используемый для развлечения читателей, а не как часть реальности. Этот процесс отражает общую тенденцию секуляризации и вестернизации русской литературы. Фантастика часто ассоциируется с демоническим началом, так как основные сюжеты строятся вокруг столкновения человека с нечистой силой, которая воплощает зло и искушение. И демонология сохраняет дидактическую функцию и по-прежнему «служит для укрепления религиозной нравственности и обличения человеческих пороков»⁸². Например, во второй половине XVII века самым важным литературным

⁸¹ Лихачев Д.С. Развитие вымысла // Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили. Л.: Наука, 1973. С. 132.

⁸² Сдобнов В.В. Указ. соч. С. 310.

памятником является «Повесть о Савве Грудцыне», который даже считается «первым русским романом». По мнению Е.К. Ромодановской, именно она представляет собой «энциклопедию всех возможных сюжетов в отношениях человека и дьявола»⁸³. В произведении повествуется о купеческом сыне Савве, заключившем сделку с нечистой силой ради мирских благ, но впоследствии раскаявшемся и освободившемся от дьявольского договора благодаря помощи Богородицы. Можно сказать, мотив договора с дьяволом, представленный в этой повести, находит дальнейшее художественное осмысление в русской литературе XVIII–XIX веков. Например, в ранней фантастической прозе Гоголя этот мотив получает разные интерпретации: в «Вечере накануне Ивана Купала» он раскрывается через трагическую историю Петруся, соблазненного нечистой силой, а в «Майской ночи» – через фольклорно-фантастическое повествование о столкновении Левко с русалкой.

Однако со временем, фантастика начинает восприниматься как безоценочная категория, колдовство и магия постепенно утрачивают прямую связь с религиозными представлениями, становясь нейтральными элементами повествования. Согласно Е.К. Ромодановской, это явление связано с процессом «обмирщения» литературы в XVII веке⁸⁴. По мнению Л.А. Курышевой, «уже на рубеже XVII–XVIII веков в произведениях, таких как “Повесть о Флорине” и “Гистория о принце Адолфе”, магия и волшебство уже не служат выражением борьбы добра и зла в религиозном смысле, а становятся частью жанровой поэтики»⁸⁵. Например, в «Повести о Флорине» образы волшебников и ведьм лишаются библейской дихотомии. Кроме того, переводчики активно адаптировали заимствованные инфернальные образы, такие как «фея» из французских сказок, заменяя их на русские эквиваленты, например, «баба-яга», что отражает влияние национального колорита. При

⁸³ Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск: Наука, 1994. С. 122.

⁸⁴ Там же. С. 159.

⁸⁵ Курышева Л.А. Сказочная фантастика в русской рукописной беллетристике конца XVII – первой трети XVIII века // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 37–38.

описании магических действий часто использовалась лексика, связанная с народными верованиями, такие как «вороженье» и «заговорные слова», что подчеркивает глубокую связь сказочной фантастики с фольклорной традицией.

В XVIII веке параллельно с предромантическим процессом, в Европе, а позже и в России, происходит эстетическое возрождение средневековья, которое проявляется в интересе к фольклору, готическому стилю и античности. Это движение включает в себя такие значимые явления, как перевод сборника арабских сказок «Тысяча и одна ночь» А. Галлана, который в начале XVIII века познакомил европейских читателей с экзотической фантастикой; расцвет готического романа с его мрачной и страшной атмосферой, представителями которого являются Х. Уолпол, А. Рэдклиф и др.; а также мистификацию «Песен Оссиана» Д. Макферсона, которая, несмотря на свою подложность, оказала большое влияние на развитие фантастического в литературе.

Термин «предромантизм», как писал в свое время еще В.М. Жирмунский, «...употребляется в истории литературы для обозначения совокупности литературных явлений второй половины XVIII века, предшествующих романтизму и в значительной мере предвосхищающих его основные тенденции»⁸⁶. Одним из ключевых аспектов предромантизма становится возрождение интереса к эпохе Средневековья. В рамках классицизма с его культом рационального античное искусство воспринимается как высший эстетический идеал, что делает его основным каноническим образцом для художественного творчества, но во второй половине XVIII столетия ощущается, что средневековый материал в значительном степени не может удовлетворить писателей и читателей. Это приводит к формированию новых эстетических принципов. К числу таких новых понятий красоты и прекрасного

⁸⁶ Жирмунский В.М. Английский предромантизм // Жирмунский В.М. Из истории западноевропейских литератур. Избранные труды. Л.: Наука, 1981. С. 149.

относятся «живописное», «романтическое» («романическое») и «готическое»⁸⁷.

Интерес к необычному, ужасному и грандиозному заметно возрастает, что способствует распространению готических романов, наполненных таинственными и пугающими сюжетами⁸⁸. Изначально готический стиль связан в основном с архитектурой, однако постепенно он проникает и в сферу литературы. Такие произведения, как «Замок Отранто» Х. Уолпола, «Удольфские тайны» А. Рэдклиф и «Монах» М. Льюиса, становятся классическими образцами английского готического романа. Впоследствии элементы готики начинают проникать и в русскую литературу. В нашем случае можно вспомнить о мотивных параллелях между романом М. Льюиса «Монах» и повестью «Страшная месть» Гоголя. Так, например, мотив инцеста в обоих произведениях представлен как форма inferнального греха.

Эпоха классицизма в целом препятствовала развитию литературной демонологии, однако и ориентация на античность, свойственная этой эпохе, сыграла определенную роль в ее становлении, в особенности – персонифицированная демонология в мифологии древних греков⁸⁹. Так, М.В. Ломоносов в «Древней Российской истории» описывал мифологическую систему древних славян, устанавливая соответствия с античной мифологией. В главе «О княжении Владимирове прежде крещения» он специально рассматривает политеистические верования славянских народов дохристианского периода, уделяя особое внимание, в частности, культу Купалы, богу плодов земных: его «...праздновали перед началом сенокоса и жатвы в двадцать четвертый день июня. Остатки сего идолопоклонства толь твердо вкоренились, что и поныне почти во всей России ночные игры, особливо скакание около огня, в великом употреблении; и святая Агриппина,

⁸⁷ Луков В.А. Предромантизм в литературе: поэзия и проза // Луков В.А. Предромантизм. М.: Наука, 2006. С. 219.

⁸⁸ См.: Вацуро В.Э. Готический роман в России. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 1–7.

⁸⁹ См.: Сдобнов В.В. Указ. соч. С. 117–123.

которой тогда память празднуется, по древнему идолу проименована от простонародия Купальницею»⁹⁰. Связанные с культом Купалы ритуальные практики, описанные Ломоносовым, – ночные игры с плясками вокруг костра, имевшие сакральное значение в языческой традиции, – находят соответствие и художественное воплощение в повести «Вечер накануне Ивана Купала».

В русской литературе второй половины XVIII века, под воздействием идей сентиментализма и предромантизма, писатели активнее обращаются к народным традициям, мифам и сказкам, начинается собирание и изучение фольклорного материала. Тогда же складывается традиция литературной переработки произведений устного народного творчества. Основными фигурами этого «народного» направления становятся М.Д. Чулков, М.И. Попов и В.А. Левшин, которые, опираясь на устное народное творчество, предприняли целенаправленные попытки включения фольклорных элементов в художественные тексты⁹¹. Позднее поэты и прозаики эпохи романтизма во многом именно из их книг извлекали информацию о древних верованиях и обычаях славян, которую использовали в своем творчестве. Следует отметить, что в сравнении с XVII веком отношение к народно-демонологическим элементам в литературных сказках изменилось – «...от насмешливого и критического до добродушного и уважительного»⁹².

В.П. Степанов отмечает, что М.Д. Чулков стал первопроходцем в русской прозе своего времени. Особенно значителен по своей новизне и оригинален был его подход к освоению фольклорного материала в сборнике «Пересмешник, или Славенские сказки» (1766–1768). Здесь он успешно вплетает в повествование сюжеты бытовых сказок и анекдотов, во многом уже

⁹⁰ Ломоносов М.В. Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года // Ломоносов М.В. Полн. собр. сочинений. Т. 6: Труды русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 163–286, здесь С. 251–253.

⁹¹ См.: Троицкий В.Ю. Художественные искания русских прозаиков 60-х–80-х годов XIII в. // Троицкий В.Ю. Художественные открытия русской романтической прозы 20-30-х годов XIX века. М.: Наука, 1985. С. 28.

⁹² Сдобнов В.В. Указ. соч. С. 133.

отказываясь от подражания европейским образцам. «Пересмешник» Чулкова, по словам В.П. Степанова, стал «...первым оригинальным сочинением в прозе, где прямо, а не иносказательно изображалась русская жизнь»⁹³. В словаре «Абевега русских суеверий», составленном Чулковым, в алфавитном порядке приводится подробная информация о языческих верованиях, традициях и обрядах, причем присущих не только славянским народам, но и некоторым другим народам России.

Книга другого представителя раннего русского фольклоризма М.И. Попова, сначала изданная под названием «Славянские древности, или Приключения славянских князей» (1770–1771), а затем переизданная под заглавием «Старинные диковинки, или Приключения славянских князей», представляет собой увлекательное произведение, в котором рассказывается о захватывающих приключениях князей до христианской эры на Руси. Она является важным примером создания мифологических историй в жанре сказочно-рыцарского романа, завораживая читателей загадочным миром легенд и историй.

Сборник В.А. Левшина «Русские сказки» (1780) находится на стыке устного народного творчества и литературы. Значительная часть его текстов представляет собой адаптацию фольклорных материалов, в частности – русских сказок и былин. Он оказал значительное влияние на творчество ряда литераторов. В частности, поэт Г.П. Каменев активно использовал мотивы и сюжеты из сказок В.А. Левшина и М.Д. Чулкова при создании своей баллады «Громвал», которая также испытала влияние готической традиции. В «Руслане и Людмиле» Пушкина также просматривается явное обращение к левшинским образам. Перу Левшина также принадлежит цикл волшебных-авантюрных повестей «Вечерние часы, или Древние сказки славян древлянских» (1787).

По мнению В.И. Ереминой, Гоголь продолжал традицию этого «народного» направления XVIII века: в его ранней прозе мир «чудесного» и

⁹³ Степанов В.П. Чулков и «фольклорное» направление в литературе // Русская литература и фольклор (XI–XVIII века). Л.: Наука, 1970. С. 230.

«сверхъестественного» воплощает элементы как русского, так и малороссийского фольклора⁹⁴. Кроме того, в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» прослеживается преемственность по отношению к русской прозе XVIII века. Проблема творческих переключек между «Вечерами...» Гоголя и «Пересмешником» М.Д. Чулкова подробно рассматривается, например, в статье Дж. Страно⁹⁵. Автор приходит к выводу, что в своей первой книге Гоголь чаще использует русские образы, чем европейские, и особенно она близка к русской прозе XVIII века, в частности к прозе Чулкова. Так, у Чулкова представлен сочинитель «страшных рассказов», выполняющий функции подобные тем, которые у Гоголя эту функцию выполняет пасечник Рудый Панько, выступающий одновременно как рассказчик и издатель. Что касается мотива преодоления нечистой силы, то в рассказе Чулкова «Дьявол и отчаянный любовник» одоление черта достигается через молитву, что находит отражение в гоголевских «Пропавшей грамоте» и «Ночи перед Рождеством», где аналогичным образом утверждается сила Божественного начала.

Таким образом, фантастика и демонология в русской литературе XVIII века развиваются в рамках фольклорной традиции. Под влиянием сентиментализма и предромантизма, отвергавших элитарный взгляд на культуру, возникает интерес к изучению фольклора и славянской мифологии. В это время начинается становление фольклористики как науки, что тоже способствовало проникновению фольклорных мотивов в новеллистику, особенно в жанр литературной сказки. Творчество таких русских литераторов XVIII века, как М.Д. Чулков, М.И. Попов и В.А. Левшин, способствовало переосмыслению образов славянской демонологии, в которых стали видеть не только следы языческих суеверий, но и проявления самобытного творчества и фантазии русского народа.

⁹⁴ См.: Еремина В.И. Н.В. Гоголь // Русская литература и фольклор (первая половина XIX в.). Л.: Наука, 1976. С. 249–251.

⁹⁵ Страно Дж. Европейские и русские литературные источники в творческом процессе Гоголя (Гоголь и Чулков) // Гоголь как явление мировой литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 297–305.

2.2. Поэзия и проза русского романтизма: баллады и фантастические повести

В середине 1820-х годов, когда в русской прозе проявляется возрастающий интерес к фантастике, мистике, демонологии, а также к элементам страшного и завоораживающего, постепенно появляется необычный жанр, получивший название «фантастическая повесть»⁹⁶. В последующие десятилетия многие писатели-прозаики последовательно начинают творить в фантастическом роде.

Становление русской фантастики в эпоху романтизма происходило под воздействием двух литературных традиций – европейской и русской отечественной. Значительное влияние оказала западноевропейская романтическая литература конца XVIII – начала XIX века, включая баллады Ф. Шиллера, И.В. Гёте, и Г. Бюргера, а также прозу Э.Т.А. Гофмана и Л. Тика⁹⁷. Однако ключевую роль сыграла и русская литературная традиция, в частности развитие фантастической прозы было неразрывно связано с богатым опытом романтических баллад, причем особенно значимым было балладное творчество В.А. Жуковского, которое в значительной мере вызывали интерес читателей к «страшному» и «ужасному» жанру.

Баллады В.А. Жуковского «Людмила» (1808) и «Светлана» (1808–1812) представляют собой вольную переработку баллады немецкого поэта Готфрида Бюргера «Ленора». В «Светлане» Жуковский наиболее активно использует фольклорные мотивы, насыщая произведение элементами колорит национальной архаики⁹⁸. Обращаясь к характерным для русского народа образам зимних гаданий, сновидений, а также к символике русской зимы (снег,

⁹⁶ Измайлов Н.В. Фантастическая повесть // Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Л.: Наука, 1973. С. 130.

⁹⁷ См.: Ботникова А.Б. Э.Т.А. Гофман и русская литература // Ботникова А.Б. Немецкий романтизм: диалог художественных форм. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. С. 205–237; Данилевский Р.Ю. Людвиг Тик и русский романтизм // Эпоха романтизма: Из истории международных связей русской литературы. Л.: Наука, 1975. С. 68–114.

⁹⁸ Янушкевич А.С. Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1985. С. 90.

сани, колокольчики, иконы), поэт создает национально самобытный художественный мир. Он изображает свою героиню с присущими русской культуре чертами – ее нежностью, верностью, смирением перед судьбой⁹⁹. Сверхъестественные элементы в балладах Жуковского существенно отличаются от западноевропейской традиции: если в европейском романтизме потусторонние силы часто предстают как неконтролируемая и необъяснимая опасная угроза, то русский балладник подчеркивает именно морально-дидактическую функцию существования адской силы. В.Л. Коровин отмечает: «Баллады Жуковского, поразившие современников романтическими инфернальными “ужасами”, прежде неизвестными русской литературе (большинство из них переводные), как правило, содержат нравоучение. <...> В отличие от многих европейских романтиков Жуковский не представляет человека игрушкой в руках враждебных ему потусторонних сил: выбор между добром и злом делает он сам, спасаясь или обрекая себя на адские муки, т. е. балладный мир Жуковского “справедлив”, назидателен и в конечном счете не так уж страшен»¹⁰⁰. По мнению В.В. Сдобнова, Жуковский, безусловно, представляет романтическую демонологию, однако, как отмечает исследователь, «в его поэзии, по мнению балладника, недопустимо идейное доминирование демонических сил. Можно поразить читателя ужасом, напугать страшными выходцами с того света, но нельзя оставить без Божественного Провидения, без положительного мистического идеала... В его творчестве тесно переплелись религиозная вера в демонический мир и поэтическая фантазия, религиозно-назидательные и художественные функции демонических образов»¹⁰¹.

⁹⁹ См.: Семенко И.М. Жизнь и поэзия В.А. Жуковского. М.: Худож. лит., 1975. С. 166–170.

¹⁰⁰ Коровин В.Л. Жуковский Василий Андреевич // Православная энциклопедия. Т. 19 (Ефесянам послание – Зверев). М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. С. 381.

¹⁰¹ Сдобнов В.В. Русская литературная демонология: этапы развития и творческого осмысления. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2002. С. 312–313.

Изображение сверхъестественных явлений в литературе было одной из самых трудных эстетических проблем в начале XIX века. Как пишет В.М. Маркович, именно «...в жанровых границах баллады сверхъестественное отвечало требованию “вероятия” (т. е. художественной правомерности)»¹⁰². От читателей не требуется верить в реальность изображенных чудесных и сверхъестественных явлений – достаточно признавать их как поэтические феномены в балладах или фантастических повестях. С этой точки зрения, можно полагать, именно баллады Жуковского помогают писателям-романтикам обрести «необходимую духовную и эстетическую опору», освобождают чувство и воображения читателей той эпохи от «контроля рассудочной логики и повседневного опыта»¹⁰³.

Еще одна причина, по которой баллады Жуковского подготовили русскую публику того времени к восприятию сверхъестественного и фантастического, заключалась в том, что он сознательно создает дистанцию между читателями и ужасными сюжетами, все страшное относится к временам и странам, далеким от читателя. Так, в «Людмиле» время действия (с явлением мертвого жениха и страшными проклятиями) отнесено к XVI веку, ко времени Ивана Грозного (жених погибает на Ливонской войне). Однако в «Светлане» действие происходит в современную Жуковскому эпоху, тем не менее, здесь балладник смягчает тревожный сюжет хорошей развязкой, раскрывающейся как сон героини, делая inferнальное «страшное» более приемлемым для читательского восприятия.

Художественный мир Гоголя в ранней фантастической прозе, особенно в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», в значительной степени сближается с балладным миром Жуковского. Так, время действия в повестях с особенно мрачными событиями – в «Вечере накануне Ивана Купала» и «Страшной мести» – отнесено Гоголем к далекому прошлому; в «Ночи перед Рождеством»

¹⁰² Маркович В.М. Балладный мир Жуковского и русская фантастическая повесть эпохи романтизма // Жуковский и русская культура: Сб. научн. трудов. Л.: Наука, 1987. С. 142.

¹⁰³ Там же. С. 141, 160.

демонические силы действуют в относительно недавнюю екатерининскую эпоху и уже приобретают комическую окраску, а в «Сорочинской ярмарке» или «Майской ночи...», время действия которых мыслится как максимально приближенное к читателям, элементы фантастического (красная свитка, образы панночки, ведьмы...), по мнению Ю.В. Манна, «отодвинуты на задний, “вчерашний” план»¹⁰⁴, тем самым утрачивая свою пугающую функцию.

Следуя примеру Жуковского как автора баллад, авторы романтических повестей в 1820–1830-х гг. обнаруживают тенденцию к изображению «ужасного», о чем свидетельствует заимствование сюжетов и мотивов из баллад Жуковского в «Лафертовской маковнице» Антония Погорельского, «Страшном гадании» А.А. Бестужева-Марлинского, в ранней прозе Гоголя.

В нашем случае необходимо отметить, что между Жуковским и Гоголем с начала 1830-х гг. до конца их жизни (они умерли в один год) поддерживались личные и творческие контакты, проявлявшиеся, в частности, в сюжетно-образных перекличках их произведений. Например, как отмечает А.С. Янушкевич, «...в мире баллад Жуковского и гоголевских “Вечеров” тема преступления и наказания была заявлена во всей романтической гиперболичности, со всей неистовостью страсти»¹⁰⁵.

Особенно показательны в этом отношении параллели между балладой Жуковского «Громобой» и повестью Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала», где обнаруживаются схожие мотивы, в частности мотив нарушения нормы морали и соответственно мотив наказания и возмездия. Еще более явные параллели наблюдаются при сопоставлении гоголевского «Вия» и переводной баллады Жуковского «Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на чёрном коне вдвоём, и кто сидел впереди» (перевод произведения английского поэта Роберта Саути «The old woman of Berkeley...»). Переклички

¹⁰⁴ Манн Ю.В. Реальное и фантастическое // Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Coda, 1996. С. 71.

¹⁰⁵ Янушкевич А.С. В.А. Жуковский и Н.В. Гоголь // Янушкевич А.С. В мире Жуковского. М.: Наука, 2006. С. 300.

проявляются в схожих образах ведьмы (старуха у Жуковского и панночка у Гоголя) и аналогичный мотив отпевания ведьмы, совершаемого в храме молодым человеком.

Формирование фантастической прозы в русской литературе первой половины XIX века осуществлялось в связи с освоением малороссийской тематики. Петербургские литературные круги проявляли особый интерес к Малроссии, который засвидетельствовал и Гоголь в письме к матери от 30 апреля 1829 года: «Здесь так занимает всех все малороссийское...»¹⁰⁶.

В.Т. Нарезный – один из первых писателей, кто обращается к малороссийской теме как к богатому и самобытному художественному материалу. Он был земляком Гоголя. В своем цикле повестей «Славенские вечера» (первая часть издана в 1809 году, вторая – в 1826 году) он активно использует малороссийские предания, песни и обряды, создавая яркие образы украинского быта. Этот подход к фольклору и этнографическим деталям впоследствии становится одной из ключевых особенностей ранней прозы Гоголя. Как отмечает Ю.В. Манн, «сами “вечера” как обрамление, как фон с описываемым событиям, короче, как художественный прием»¹⁰⁷ находят отражение в таких сборниках, как «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» Антония Погорельского, «Вечер на Хопре» М.Н. Загоскина, а в первую очередь – в гоголевских «Вечерах на хуторе близ Диканьки».

Творчество Нарезного оказало большое влияние на раннее творчество Гоголя, что проявляется не только в обращении к малороссийской тематике, но и в сходстве названий произведений. Например, заглавие повести Нарезного «Два Ивана, или Страсть к тяжбам» напоминает заглавие гоголевской «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», включенной в сборник «Миргород». В отношении

¹⁰⁶ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 10: Переписка 1820–1834. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010. С. 101.

¹⁰⁷ Манн Ю.В. У истоков русского романа // Нарезный В.Т. Сочинения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1983. С. 10.

фантастических элементов в творчестве Нарезного и Гоголя следует отметить, что художественные миры двух авторов принципиально различаются. В произведениях Гоголя, таких как «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Вий», нечистая сила активно вторгается в повседневную жизнь человека, а границы реального и потустороннего размываются. Нарушение религиозных законов у Гоголя неизбежно ведет героев к гибели, а противостояние дьяволу возможно лишь с помощью Божественной силы (креста, молитвы и т. д.). У Нарезного же фантастика является мнимой и в конечном итоге находит какое-то рациональное объяснение. А.С. Немзер заметил по этому поводу: «Мир Нарезного однородный; в нем возможны эксцессы, случайности, совпадения, путаница и т. п., но все они находят естественное объяснение, укладываются в обычные нормы»¹⁰⁸.

Формирование русской фантастики и демонологии в эпоху романтизма происходило под воздействием как литературных, так и народно-поэтических традиций.

А.А. Перовский, известный под псевдонимом Антоний Погорельский, – один из зачинателей русской фантастической прозы. Его повесть «Лафертовская маковница» (1825) становится одним из наиболее известных произведений в жанре фантастической повести¹⁰⁹. По мнению В.М. Марковича, появление этой первой повести Антония Погорельского можно рассматривать как «отправную точку в развитии русских форм прозаической фантастики»¹¹⁰. Под влиянием фантастики Э.Т.А. Гофмана эта повесть композиционно и семантически построена на постоянном переплетении мотивов волшебной фантасмагории с житейской повседневностью. Изображая демонические образы, писатель также вводит

¹⁰⁸ Немзер А.С. Еще раз о Гоголе и В.Т. Нарезном // Немзер А.С. При свете Жуковского. Очерки истории русской литературы. М.: Время, 2013. С. 311.

¹⁰⁹ См.: Измайлов Н.В. Фантастическая повесть // Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Л.: Наука, 1973. С. 141.

¹¹⁰ Маркович В.М. Дыхание фантазии // Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820–1840 гг.): Сб. произведений. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1991. С. 7.

элементы юмора и гротеска, и несмотря на то, что в повести две четкие линии – повседневная и фантастическая, их трагическое противостояние не столь очевидно, как в немецком романтизме. В продолжение балладной традиции Жуковского у Погорельского доброе начало всегда торжествует над темным. Книга «Двóйник, или Мои вечера в Малороссии» (1828) также написана в ярком фантастическом роде. Даже по заглавию можно судить о двойственности содержания этой книги: с одной стороны, в ней прослеживается зависимость от традиционной модели немецкого романтизма, интересовавшегося двойственностью человеческой природы, а с другой – писатель заявляет о своем интересе к малороссийской тематике и связанной с ней фольклорной традицией, фантастикой и демонологией.

Значителен вклад в русскую романтическую фантастику О.М. Сомова, который с большим вниманием обрабатывал народные предания Малороссии. В его сборнике «Были и небылицы» отдельные повести, такие как «Русалка. Малороссийское предание» (1829), «Оборотень. Народная сказка» (1829) и более поздние «Киевские ведьмы» (1833), считаются яркими образцами в жанре русской фольклорной фантастики. Сомов придавал большое значение созданию самобытной национальной словесности. С его точки зрения, обращение к национальному малороссийскому прошлому, к фольклору, к сокровищам местной природы и истории, и традиции является самым верным путем¹¹¹. Поэтому он всегда увлечено сочиняет были и небылицы, связанные с Малороссией, в его художественном мире существуют иномирные существа, такие как русалки, колдуны, ведьмы и упыри. В одном из примечаний к своим «Сказкам о кладах», опубликованных в «Невском альманахе на 1830 год» (СПб., 1829. С. 1–154) Сомов писал: «Читатели, конечно, поняли цель сей повести собрать сколько можно более народных преданий и поверий, распространенных в Малороссии и Украине между простым народом, дабы оные не вовсе были потеряны для будущих археологов и поэтов. И теперь уже

¹¹¹ См.: *Петрунина Н.Н.* Орест Сомов и его проза // Сомов О.М. Были и небылицы. М.: Сов. Россия, 1984. С. 6, 11.

многие из них позабыты; другие, по смутным рассказам старых людей, еще удерживаются в памяти простодушных сельских жителей. С распространением просвещения они и вовсе исчезнут»¹¹². С помощью искусной литературной рамки писатель помещает мир сказочный и фантастический в реальный культурный контекст. Например, в «Киевских ведьмах» действие разворачивается на фоне достоверных исторических событий, что усиливает его подлинность.

Творчество Сомова оказало заметное влияние на раннее творчество Гоголя. На повествовательном уровне в отдельных повестях в цикле «Были и небылицы» присутствует вымышленный рассказчик – Порфирий Байский, который подготовил Рудого Панька в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголя. Более того, Гоголь в своей ранней прозе во многом наследует сомовскую традицию изображения малороссийской демонологии.

Сомов, как известно, был одним из редакторов «Литературной газеты», ближайшим помощником издававших ее Пушкина и Дельвига. Именно он стал посредником между Гоголем и литературным кругом этого журнала. Благодаря ему писатель смог познакомиться с Жуковским, а затем и с Пушкиным. Это знакомство переросло в тесное общение: лето 1831 года Гоголь прожил в Павловске по соседству с Пушкиным и Жуковским, жившими в Царском Селе. О новом круге общения он с восторгом сообщал А.С. Данилевскому 2 ноября 1831 года: «Почти каждый вечер собирались мы: Жуковский, Пушкин и я. О, если бы ты знал, сколько прелестей вышло из-под пера сих мужей»¹¹³. В это время писатель как раз работал над своей первой книгой «Вечера на хуторе близ Диканьки».

В 1830-х годах «мистическая» фантастика в русской романтической литературе постепенно трансформируется в фантастику реалистическую и социальную, о чем можно судить, в частности, по прозе Пушкина. В повестях

¹¹² Сомов О.М. Были и небылицы. М.: Сов. Россия, 1984. С. 217.

¹¹³ Гоголь Н.В. Полн. собр. сочинений и писем: В 17 т. Т. 10: Переписка 1820–1834. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010. С. 171.

«Гробовщик» (1830, из сборника «Повести покойного Ивана Петровича Белкина») и «Пиковая дама» (1833) Пушкин использует фантастический, гротесковый и иронический эффекты для раскрытия пороков общества и злодеяний человека. По всей видимости, за чудесным скрываются размышления самого писателя о нравственности и совести. В «Гробовщике» Адриан Прохоров сталкивается с последствиями своих действий через фантастический прием сновидения (по С.Г. Бочарова, «необъявленного сна»¹¹⁴), что помогает ему осознать свой скрытый грех (он, как мы знаем, обманывал клиентов, заменяя дубовый гроб сосновым). В «Пиковой даме» также затрагиваются прежде всего моральные аспекты, а уже в связи с ними – вопрос о действительности мира потустороннего и его влияния на нас. Элементы фантастического безумия и азарта к карточной игре и деньгам у Германа отражают моральную деградацию человека нового времени.

Кроме уже упомянутых писателей-романтиков, таких как Антоний Погорельский, О.М. Сомов и А.С. Пушкин, в числе других прозаиков фантастических повестей 1820–1830-х годов следует назвать еще В.Ф. Одоевского и М.Н. Загоскина (об их сборниках в связи с Гоголем см. ниже в разделе 2.5 нашей работы).

Таким образом, формирование жанра «фантастической повести» русской романтической эпохи определялось множеством факторов, включая влияние как литературных, так и фольклорных традиций. Литературные истоки можно разделить на иноземные и отечественные. Среди иностранных источников особую роль играет немецкий романтизм (важными представителями являются Э.Т.А. Гофман и Л. Тик). Значительную роль также играют переводы и адаптации западноевропейских романов, новеллистических и балладных текстов, которые знакомят русских читателей с новыми эстетическими принципами и способствуют открытию самобытного народного жанра фантастического. В русской литературе развитие жанра было

¹¹⁴ Бочаров С.Г. О смысле «Гробовщика» // Бочаров С.Г. О художественных мирах. М.: Сов. Россия, 1985. С. 66.

тесно связано с балладным творчеством В.А. Жуковского. Его баллады не только заложили эстетические основы фантастической прозы 1820–1830-годов, приучив читателей к восприятию сверхъестественного и «ужасного» в литературе, но и стали источником сюжетов и мотивов для некоторых русских прозаиков, авторов «фантастических повестей».

2.3. Фантастика и демонология в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»: их оценки в литературной критике и история изучения

«Вечера на хуторе близ Диканьки»— первая книга повестей Н.В. Гоголя, впервые изданная в двух частях (первая вышла в сентябре 1831 года, вторая – в марте 1832 года), почти сразу после своего выхода в свет принесла ему широкую литературную известность.

По-видимому, писатель взялся за сочинение «Вечеров» в 1829 году, после переезда из Нежина в Петербург. Это намерение становится очевидным из его писем к матери, отправленных из Петербурга 30 апреля 1829 года, в письме он пишет: «<...> Вы имеете тонкий, наблюдательный ум, вы много знаете обычаи! и нравы малороссиян наших, и потому я знаю, вы не откажетесь сообщать мне их в нашей переписке. Это мне очень, очень нужно. В следующем письме я ожидаю от вас описания полного наряда сельского дьячка, от верхнего платья до самых сапогов с поименованием, как это всё называлось у самых закоренелых, самых древних, самых наименее переменившихся малороссиян; равным образом название платья, носимого нашими крестьянскими девками до последней ленты, также нынешними замужними и мужиками. <...> Еще обстоятельное описание свадьбы, не упуская наималейших подробностей; об этом можно расспросить Демьяна (кажется, так его зовут, прозвания не вспомню), которого мы видели учредителем свадеб и который знал, по-видимому, все возможные поверья и обычаи. Еще несколько слов о колядках, о Иване Купале, о русалках. Если есть, кроме того, какие-либо духи или домовые, то о них подробнее с их названиями и делами; множество носится между простым народом поверий, страшных сказаний, преданий, разных анекдотов, и проч. и проч. и проч. Всё это будет для меня чрезвычайно занимательно»¹¹⁵. В следующем письме к матери, датированном 22 мая 1829 года, Гоголь вновь подчеркивает настоятельную необходимость получения

¹¹⁵ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 10: Переписка 1820–1834. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010. С. 99–100.

материалов, связанных с Малороссией. Он повторно просит мать собрать сведения о различных аспектах украинской народной культуры, включая карточные игры, традиционные танцы и другие элементы быта: «Я думаю, вы не забудете моей просьбы извещать меня постоянно об обычаях малороссиян. Я всё с нетерпением ожидаю вашего письма. <...>, Между прочим, я прошу узнать вас, почтеннейшая маминька, теперь о некоторых играх, из карточных: у Панхвиля как играть и в чем состоит он, равным образом, что за игра пашок, семь листов; из хороводных в хрещика, в журавля. Если знаете другие какие, то не премините. У нас есть поверья в некоторых наших хуторах, разные повести, рассказываемые простолюдинами, в которых участвуют духи и нечистые»¹¹⁶. Значительная часть сведений, упомянутых Гоголем в письме к матери, впоследствии нашла свое отражение в сюжетах его цикла. Кроме того, важно упомянуть о гоголевской записной тетради под названием «Книга всякой всячины, или подручная энциклопедия». В ней систематически фиксировались разнообразные сведения, связанные с малороссийской тематикой.

Первая повесть – «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала. Малороссийская повесть (из народного предания), рассказанная дьячком Покровской церкви» – была опубликована в 1830 году: первая часть появилась в февральском номере журнала «Отечественные записки», издаваемого П.П. Свиньиным¹¹⁷, а вторая – в следующем, мартовском номере того же журнала¹¹⁸. Однако в новой редакции, включенной в «Вечера на хуторе близ

¹¹⁶ Там же. С. 102.

¹¹⁷ *Гоголь Н.В.* Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала. Малороссийская повесть (из народного предания), рассказанная дьячком Покровской церкви // *Отечественные Записки*. 1830. Ч. 41. Февраль. № 118. С. 238–264.

¹¹⁸ *Гоголь Н.В.* Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала. Малороссийская повесть (из народного предания), рассказанная дьячком Покровской церкви. (Окончание) // *Отечественные Записки*. 1830. Ч. 41. Март. № 119. С. 421–442.

Диканьки», писатель дал ей другое название: «Вечер накануне Ивана Купала. Быль, рассказанная дьячком ***ской церкви»¹¹⁹.

Гоголь опубликовал свой сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки» в двух частях: первая книга вышла в сентябре 1831 года¹²⁰ и включала в себя повести «Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь, или Утопленница» и «Пропавшая грамота». Вторая часть была издана в марте 1832 года¹²¹ и содержала повести «Ночь перед Рождеством», «Страшная месть», «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» и «Заколдованное место». Эти две книги образуют единый литературный памятник, состоящий из восьми повестей, объединенных общей тематикой и стилистикой. Каждая часть предваряется предисловием, написанным от лица вымышленного издателя – гостеприимного пасечника Рудого Панька.

В настоящее время некоторый итог изучению «Вечеров...» был подведен в первом томе новейшего академического полного собрания сочинений и писем Гоголя, работа над которым велась много лет и завершилась в 2001 году выпуском первого тома (в 2003 году вышел его дополнительный тираж без изменений текста)¹²². Здесь был представлен фундаментальный научный аппарат (три четверти от объема всей книги), включающий подробные комментарии и библиографические списки. Не будет преувеличением сказать, что эта работа открыла перспективы для изучения раннего творчества Гоголя.

Фантастика и демонология относятся к числу характерных особенностей поэтики Гоголя и проявляются на протяжении всего его творческого пути. В его дебютной идиллии «Ганц Кюхельgarten» прослеживаются характерные

¹¹⁹ Гоголь Н.В. Вечер накануне Ивана Купала. Быль, рассказанная дьячком ***ской церкви // Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Первая книжка. СПб., 1831. С. 77–125.

¹²⁰ Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Первая книжка. СПб., 1831. 244 с.

¹²¹ Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Вторая книжка. СПб., 1832. 354 с.

¹²² Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. Ганц Кюхельgarten. Вечера на хуторе близ Диканьки / Отв. ред. тома Е.Е. Дмитриева. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2001, 2003.

фантастические образы (например, «двое рыцарей косматых» в Ночных Видениях, «феи спит в плену», «мертвец в белом саване подымается»¹²³). Наиболее яркое воплощение они получили в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», в повести «Вий» из сборника «Миргород». Фантастические и демонологические элементы проявляются и в его петербургских повестях («Невский проспект», «Записки сумасшедшего», «Портрет», «Нос», «Шинель»), а в завуалированной форме присутствуют и в других произведениях, в том числе в поэме «Мертвые души». Если в ранней гоголевской прозе фантастика и демонология часто представлены в эксплицитной, зримой форме, то в поздний период творчества писателя они приобретают более сложную, имплицитную форму выражения, переходя от очевидного присутствия к скрытой и подтекстовой. Как пишет К.В. Мочульский в своей монографии «Духовный путь Гоголя», после повести «Вий» «следующий шаг – окончательный разрыв с народной фантастикой и перенесение проблемы в плоскость современной, вполне реальной действительности. Демонические силы развоплощаются: рога, копыта и мордочки с пяточком исчезают. Мы в мире взрослых и образованных людей, которые в черта не верят. Отныне Гоголь будет изображать не веселую суматоху, поднимаемую “бесовским пламенем”, а невидимые глазом “порождения злого духа, возмущающие мир”»¹²⁴.

Проблема фантастики и демонологии в раннем творчестве Гоголя представляет особый научный интерес, так как ее исследование позволяет раскрыть особенности мировоззрения, художественного метода и стиля писателя. Однако, несмотря на очевидную значимость, данная проблема остается недостаточно изученной. Традиционная интерпретация творчества Гоголя, сложившаяся в XIX – начале XX века, акцентировала внимание

¹²³ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 51–53.

¹²⁴ Мочульский К.В. Духовный путь Гоголя // Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. С. 16–17.

прежде всего на его реализме и социально-критическом значении. Советское литературоведение, следуя идеологическим установкам, в значительной степени игнорировало фантастические и демонологические компоненты в раннем творчестве писателя. До сегодняшнего дня можно отметить лишь отдельные работы, посвященные данной проблематике, среди которых выделяется кандидатская диссертация Т.А. Грамзиной (1972)¹²⁵.

Сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки» сразу после своего выхода в свет получил широкое признание в литературных кругах. Пушкин, характеризуя его художественные достоинства произведения, особо отмечал присущую сборнику «настоящую веселость, искреннюю, непринужденную, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! Какая чувствительность»¹²⁶. После второго издания «Вечеров», в 1836 году, Пушкин писал о том, что «все обрадовались этому живому описанию племени поющего и пляшущего, этим свежим картинам малороссийской природы, этой веселости, простодушной и вместе лукавой. Как изумились мы русской книге, которая заставляла нас смеяться, мы, не смеявшиеся со времен Фонвизина!»¹²⁷

Князь В.Ф. Одоевский также дал свой положительный отзыв о первой книжке «Вечеров...» В его письме А.И. Кошелеву от 23 сентября 1831 года читаем: «...На сих днях вышли *Вечера на хуторе* – Малороссийские народные сказки. Они, говорят, написаны молодым человеком, по имени Гоголем, в котором я предвижу большой талант: ты не можешь себе представить, как его повести выше и по вымыслу, и по рассказу, и по слогу всего того, что доньше издавали под названием русских романов»¹²⁸.

¹²⁵ Грамзина Т.А. «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Вий»: к проблеме фантастического в творчестве Н.В. Гоголя: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1972.

¹²⁶ Пушкин А.С. Письмо к издателю «Литературных прибавлений к русскому инвалиду» // Гоголь в русской критике: Антология / Сост. С.Г. Бочаров. М.: Фортуна ЭЛ, 2008. С. 15.

¹²⁷ Пушкин А.С. «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Гоголь в русской критике: Антология / Сост. С.Г. Бочаров. М.: Фортуна ЭЛ, 2008. С. 37.

¹²⁸ Чичерин А.В. Неизвестное высказывание В.Ф. Одоевского о Гоголе // Труды кафедры русской литературы Львовского гос. ун-та. Литературоведение. 1958. Вып. 2. С. 72.

Вопрос о соотношении малороссийской и общерусской литературы был поднят В.А. Ушаковым в рецензии на «Вечера...», напечатанной в двух номерах газеты «Северная пчела» за 29-30 сентября 1831 года (№ 219–220). Критик подчеркивал самобытную народность первой части «Вечеров...» Пасечника (Рудого Панька), отмечая: «Небольшое Литературное Общество, издавна составившееся в Малороссии и постоянно действовавшее в духе местного патриотизма, <...> имело сперва целью сохранить во всей чистоте особенность своего наречия и оригинальность давно прошедшего быта <...>. Но в последнее время малороссийская школа оставила сию слишком местную цель свою и обратилась к мысли более глубокой – удерживать только характерное отличие своего наречия, поставляя главнейшею целью раскрывать народность во всей обширности этого понятия <...>. Повести, изданные пасичником Рудым Паньком, представляют нам новый, изящный плод этого же умного и истинно народного усилия»¹²⁹.

Вопрос о народности и достоверности «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (по выражению Е.Е. Дмитриевой – оппозиция «правда и вымысел»¹³⁰) находился в центре внимания литературных критиков той эпохи. В контексте романтического и реалистического направлений книга Гоголя получала двойственную интерпретацию. Среди недоброжелательных отзывов выделялись статьи Н.А. Полевого и А.Я. Стороженко.

Николай Полевой возразил Ушакову и подверг критике фольклорные элементы в повестях Пасечника, выразив сомнение в малороссийском происхождении автора: «Благодарим вас за то, что вы разрыли клад Малороссийских преданий и присказок, но воспользовались вы этим кладом не искусно. Во-первых, все ваши сказки так не связны, что несмотря на многие прелестные подробности, которые принадлежат явно народу, с трудом

¹²⁹ Цит. по: *Виноградов И.А.* Вечера на хуторе близ Диканьки // *Виноградов И.А.* Гоголевская энциклопедия. Произведения, наброски, подготовительные материалы: В 7 т. Т. 1: А–Ж. М.: ИМЛИ РАН; Река времен, 2024. С. 314.

¹³⁰ *Дмитриева Е.Е.* Гоголь в западноевропейском контексте: между языками и культурами. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 10.

дочитываешь каждую из этих сказок. Желание подделаться под малоруссизм спутало до такой степени ваш язык и все ваше изложение, что в иных местах и толку не доберешься»¹³¹.

А.Я. Стороженко, публиковавшийся под псевдонимом Андрий Царынный, поддержал позицию Полевого и также подверг этнографической критике гоголевскую прозу. Он утверждал, что повести писателя искажают народные обычаи и обряды, особенно в первой повести цикла – «Сорочинская ярмарка». Среди его замечаний были следующие: «Молодые парубки у нас не написаются допьяна... <...>...Статочное ли дело, чтобы какой-нибудь из них видя первый раз в жизни пожилую женщину <...> приветствовал <...> бранью?...»¹³²; «На ярмарке добрые люди <...> не ищут женихов меж народом...»¹³³; «Возможно ли, чтобы поселяне Малороссии, строго наблюдающие обычаи, освященные временем, такой торжественный обряд, как свадьба, стали праздновать среди ярмарки?...»¹³⁴. Кроме того, критик полагал, что фантастические элементы у Гоголя не поддаются объяснению, а потому приписал их проделкам цыгана: «Кто перепугал беседовавших в хате у кума, выставя в разбитое кем-то окно свиную рожу? – Каким чудом, среди белого дня, у Черевика, не слепого, вдруг исчезла из рук кобыла <...>? Земляку моему Паньку не угодно было объяснить всего этого, и вместо развязки стольким чудесам он предоставил нам, как кажется, догадываться, что все сии фокусы проделаны цыганом... Намерение ладно; но мало ли кто что думает и не выполняет!»¹³⁵.

¹³¹ <Полевой Н.А.> Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Книжка первая // Московский телеграф. 1831. Ч. 41. № 17. С. 91–95.

¹³² Царынный Андрий. Мысли малороссиянина, по прочтении повестей пасичника Рудого Панька, изданных им в книжке под заглавием «Вечера на хуторе близ Диканьки», и рецензий на оныя // Сын отечества и Северный архив. 1832. № 2. С. 110–111, 114.

¹³³ Царынный Андрий. Мысли малороссиянина, по прочтении повестей пасичника Рудого Панька, изданных им в книжке под заглавием «Вечера на хуторе близ Диканьки», и рецензий на оныя // Сын отечества и Северный архив. 1832. № 3. С. 162.

¹³⁴ Царынный Андрий. Мысли малороссиянина, по прочтении повестей пасичника Рудого Панька, изданных им в книжке под заглавием «Вечера на хуторе близ Диканьки», и рецензий на оныя // Сын отечества и Северный архив. 1832. № 4. С. 226.

¹³⁵ Там же. С. 224–225.

В защиту Гоголя тогда публично выступили О.М. Сомов и Н.И. Надеждин. Первый, скрывшийся под псевдонимом «Никита Луговой», подверг критике Полевого за незнание малороссийской истории и этнографии¹³⁶. Надеждин же в своих статьях неоднократно выражал поддержку писателю, в частности отмечая: «“Вечера на хуторе близ Диканьки” состоят из прекрасных отрывков народной украинской жизни. Кто не знает, по крайней мере понаслышке, что наша Украина имеет в своей физиономии много любопытного, интересного, поэтического? <...> Малороссия естественно должна была сделаться заветным ковчегом, в коем сохраняются живейшие черты славянской физиономии и лучшие воспоминания славянской жизни. Ее народный быт, ограждаемый пока от чуждого влияния детской привязанностью к родной старине, сохраняет поныне сие достоинство. Тем занимательнее посему должны быть для нас ее картины. Но никто еще доныне не умел представлять их так верно, так живо, так очаровательно, как добрый Пасичник Рудый Панько»¹³⁷.

В 1835 году С.П. Шевырѐв в статье «О “Миргороде” Гоголя» рассматривает фантастику как предмет искусства – «Еще в первых “Вечерах Диканьки” фантазия автора блистала роскошью оригинальных описаний, из которых описание Днепра, вероятно, памятно каждому читателю»¹³⁸. Однако он скептически относился к повести «Вий». По его словам, – «она (повесть “Вий”) пересказана им почти точь-в-точь с народного предания. <...> Эти видения не

¹³⁶ См.: <Сомов О.М.> *Никита Луговой*. Письмо к издателю «Литературных Прибавлений» о «Вечерах на хуторе близ Диканьки», о критике на них г. Полевого и о прочем // Н.В. Гоголь: pro et contra: личность и творчество Н.В. Гоголя в оценке русских писателей, критиков, философов, исследователей: антология / Сост., вступ. статья С.А. Гончарова, коммент. Н.Н. Акимовой и К.Г. Исупова. СПб.: Изд-во РХГА, 2009. С. 42–45. (Впервые: Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду. 1831. № 94)

¹³⁷ *Надеждин Н.И.* «Вечера на хуторе близ Диканьки». Повести, изданные пасичником Рудым Паньком // Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. М.: Худож. лит., 1972. С. 280–283.

¹³⁸ Шевырѐв С.П. «Миргород». Повести, служащие продолжением «Вечером на хуторе близ Диканьки» Н. Гоголя [1835] // Шевырѐв С.П. Полное собрание литературно-критических трудов: В 7 т. / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. Т. 2, кн. 1: 1831–1836. СПб.: Росток, 2020. С. 354. (Впервые: Московский наблюдатель. 1835. Кн. 2. Март).

производят ужаса, потому что они слишком подробно списаны. Ужасное не может быть подробно: призрак тогда страшен, когда в нем есть какая-то неопределенность»¹³⁹. А у Гоголя, ужасное превращается в уродливое.

В.Г. Белинский в статье «О русской повести и повестях Гоголя» (1835) отмечал, что «Г-н Гоголь сделался известным своими “Вечерами на хуторе”. Это были поэтические очерки Малороссии, очерки, полные жизни и очарования. Все, что может иметь природа прекрасного, сельская жизнь простолюдинов обольстительного, все, что народ может иметь оригинального, типического, все это радужными цветами блестит в этих первых поэтических грезах г. Гоголя»¹⁴⁰. Однако критически оценивал его опыты в фантастическом жанре. Особенно резкой критике подверглась повесть «Портрет», которую он назвал «неудачной попыткой в фантастическом роде», хотя и подчеркнул, что даже в этом случае «он и в самом падении остается талантом». Обобщая свои наблюдения, Белинский заключал: «Вообще надо сказать, фантастическое как-то не совсем дается г. Гоголю»¹⁴¹.

В литературной критике 1850–1860-х годов, в связи с подготовкой к крестьянской реформе, также поднимался вопрос о степени достоверности изображения народной жизни в ранней прозе Гоголя. Так, в 1852 году П.А. Кулиш писал: «Надобно быть жителем Малороссии, или, лучше сказать, малороссийских захолустий лет тридцать назад, чтобы постигнуть, до какой степени общий тон этих картин верен действительности. <...> не только слышишь знакомый склад речей <...>, но видишь лица собеседников и обоняешь пропитанную запахом пирогов со сметаной или благоуханием сотов атмосферу...»¹⁴². Однако в 1861 году в цикле статей «Гоголь как автор повестей из украинской жизни» тот же Кулиш уже отмечал определенные погрешности

¹³⁹ Там же. С. 354.

¹⁴⁰ Белинский В.Г. О русской повести и повестях г. Гоголя [1835] // Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. Т.1. М.: Худож. лит, 1976. С. 178.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² <Кулиш П.А.> Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя // Отечественные записки. 1852. № 4. Отд. VIII. С. 191.

в «Вечерах ...», указывая, что малороссийская жизнь в изображении Гоголя не всегда соответствует этнографической и исторической реальности. В частности, в «Сорочинской ярмарке» молодой человек, по его замечанию, слишком грубо обращается со своим будущим тестем (имелся в виду следующий фрагмент: «Ты, верно, человек добрый, не знаешь меня, а я тебя тотчас узнал». – Может и узнал. – Если хочешь, и имя, и прозвище, и всякую всячину расскажу: тебя зовут Солопий Черевик. – Так, Солопий Черевик. – А взглядишь-ко хорошенько: не узнаешь ли меня? – Нет, не познаю. Не во гнев будь сказано, на веку столько до- велось наглядеться рож всяких, что черт их и припомнит всех!»¹⁴³). По мнению Кулиша, так «...мог бы обратиться к Солопию только близкий к нему сверстник»¹⁴⁴. М.А. Максимович, напротив, подчеркивал художественную достоверность и глубокую народную основу гоголевских повестей. В статье «Об историческом романе г. Кулиша “Черная рада”» он писал: «Он (Гоголь) человек с отличными дарованиями и знает Малороссию как пять пальцев; в ней воспитывался, а сюда приехал не более, как года три тому назад. <...> Что Гоголь очень достаточно знал историю Малороссии, язык и песни ее народа, и всю народную жизнь ее, и понимал их глубже и вернее многих новейших писателей Малороссийских, то известно мне положительно и достоверно...»¹⁴⁵. Однако с нашей точки зрения, фольклорные элементы в творчестве Гоголя служили скорее художественным материалом, нежели строгим воспроизведением народного уклада – писатель не ставил перед собой задачи документально достоверного изображения народного быта.

В статье поэта и критика И.Ф. Анненского «О формах фантастического у Гоголя» (1890) анализируется проблема соотношения фантастики и

¹⁴³ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 82.

¹⁴⁴ Кулиш П.А. Гоголь как автор повестей из украинской жизни // Основа. 1861. № 4. С. 78.

¹⁴⁵ Максимович М.А. Об историческом романе г. Кулиша «Черная рада», 1857 г. (Письмо к Г. П. Галагану). Фрагмент // Виноградов И.А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 640.

реальности в творчестве писателя. Уже во вступительной части своей речи критик характеризует Гоголя как «реалиста», который реалист «...и сам по себе и как глава целой школы реалистов»¹⁴⁶. Он в основном выделяет три формы фантастического у Гоголя: комически-бытовую (представленную в повести «Нос»), мистически-ужасающую (находящую воплощение в «Страшной мести» и «Вие») и нравственно-карающую (например, в «Шинели»). Анненский подчеркивает, что «искусство сближается с жизнью вовсе не в действительности, а в правде, т. е. в различении добра и зла. Торжеству же правды фантастическое служит столько же, а может быть, еще лучше, чем реальное»¹⁴⁷.

На рубеже XIX–XX веков проблема фантастики и демонологии стала объектом глубокого анализа в работах символистов, которые рассматривали Гоголя как анти-реалиста и анти-натуралиста. В рамках символизма возникло новое прочтение ранних произведений Гоголя, акцентирующее внимание на мистических, иррациональных и демонических аспектах, особенно скрытых в ранней прозе писателя. Этот подход нашел отражение в статьях и книгах В.В. Розанова, Д.С. Мережковского, С.К. Шамбинаго и А. Белого.

В.В. Розанов отрицал реалистическую природу творчества Гоголя, утверждая, что его художественный мир представляет собой «чуждо отошедший от нас вдаль мир»¹⁴⁸. В своей критической статье он сопоставлял гоголевский мир с пушкинским: «Пушкин есть как бы символ жизни <...> Ничего напряженного в нем нет, никакого болезненного воображения или неправильного чувства»¹⁴⁹. В противоположность этому, Гоголь – «гений другого, противоположного типа <...> он стоит одиноким гением, и мир его не похож ни на какой мир. Он один жил в нем; но и нам входить в этот мир,

¹⁴⁶ Анненский И.Ф. О формах фантастического у Гоголя (Речь, читанная на годичном акте гимназии Гуревича 15 сентября 1890 г.) // Анненский И.Ф. Книги отражений. М.: Наука, 1979. С. 207. (Впервые: Русская школа. 1890. № 10).

¹⁴⁷ Там же. С. 216.

¹⁴⁸ Розанов В.В. Пушкин и Гоголь [1891] // Гоголь в русской критике: Антология / Сост. С.Г. Бочаров. М.: Фортуна ЭЛ, 2008. С. 179.

¹⁴⁹ Там же. С. 174.

связывать его со своею жизнью и даже судить о ней по громадной восковой картине, выкованной чудным мастером, – это значило бы убийственно поднимать на себя руку. На этой картине совершенно нет живых лиц: это крошечные восковые фигурки, но все они делают так искусно свои гримасы, что мы долго подозревали, уж не шевелятся ли они»¹⁵⁰. Кроме того, Розанов полагал, что в сравнении с Пушкиным и Тургеневым «гоголевская восторженная лирика, плод изнуренного воображения, сделала то, что всякий стал любить и уважать только свои мечты, в то же время чувствуя отвращение ко всему действительному, частному, индивидуальному. Все живое не притягивает нас более, и от этого-то вся жизнь наша, наши характеры и замыслы стали так полны фантастического»¹⁵¹. Особой популярностью у символистов пользовалась фантастическая повесть «Страшная месть», причем Розанов проводил параллель между сюжетной линией Катерины и ее отца-колдуна и библейской историей о Лоте и его дочерях¹⁵².

Д.С. Мережковский в работах «Гоголь и черт» (1906) и «Гоголь. Творчество, жизнь и религия» (1909) интерпретировал раннее творчество писателя с точки зрения мистицизма. В его произведениях, включая его малороссийскую прозу, было выявлено устойчивое присутствие элементов языческого. По его мнению, в гоголевском фантастическом мире сохраняется языческие элементы, противостоящие христианскому мировоззрению, в своей монографии он пишет, «Гоголь в глубине своей русской, даже малороссийской, казацкой природы, в первозданной стихии своего языка и языка, иногда прощупывает это как будто навеки противоположное христианству языческое начало, эту языческую радость жизни, крепость плоти, не потрясаемую твердь “земного неба”»¹⁵³. Исследователь полагал, что

¹⁵⁰ Там же. С. 178.

¹⁵¹ Там же. С. 180.

¹⁵² См.: Розанов В.В. Магическая страница у Гоголя // Розанов В.В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 383–421. (Впервые: Весы. 1909. № 8, 9)

¹⁵³ Мережковский Д.С. Гоголь и черт. М.: Скорпион, 1906. С. 88–89.

творческая и религиозная судьба Гоголя была обусловлена глубинным противоречием между двумя фундаментальными началами – языческим и христианским, телесным и духовным, реальным и сверхъестественным. В «Авторской исповеди» Гоголь отмечает: «причина той веселости, которую заметили в первых сочинениях моих, показавшихся в печати, заключалась в некоторой душевной потребности. На меня находили припадки тоски, мне самому необъяснимой, которая происходила, может быть, от моего болезненного состояния. Чтобы развлекать себя самого, я придумывал себе все смешное, что только мог выдумать. Выдумывал целиком смешные лица и характеры, поставлял их мысленно в самые смешные положения, вовсе не заботясь о том, зачем это, для чего и кому от этого выйдет какая польза»¹⁵⁴. Таким образом, Мережковский, анализируя природу гоголевского смеха, считает, что в ранний период творчества «первоначально это был именно только смех для смеха, переливающийся через край избыток жизни, молодости, веселья. Он опьянялся смехом, как вином; грелся в нем от петербургского холода, как в луче родного малороссийского или римского солнца. Во всяком случае, Гоголь – молодой казак, пляшущий в одной рубашке трепака, – столь же реален, столь же значителен, как и Гоголь, – угрюмый монах, пророчествующий о «бестелесных видениях», о загробных “страшилищах”. Отсюда же, из этой первозданной стихии языческой, – и столь особенное, столь чуждое нашему христианскому “ложу нескверному”, иногда для нас прямо жуткое, “демоническое” сладострастие Гоголя»¹⁵⁵.

В 1909 году была опубликована статья Андрея Белого «Гоголь», в которой автор отрицает традиционное восприятие Гоголя как реалиста, утверждая, что писатель «оторвался от того, что мы называем действительностью»¹⁵⁶. Белый

¹⁵⁴ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 6: Выбранные места из переписки с друзьями; Духовная проза; Критика; Публицистика. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. С. 221.

¹⁵⁵ Мережковский Д.С. Указ. соч. С. 86.

¹⁵⁶ Белый А. Гоголь // Гоголь в русской критике: Антология / Сост. С.Г. Бочаров. М.: Фортуна ЭЛ, 2008. С. 268.

отмечает, что даже в ранний период творчества гоголевская действительность нередко предстает «под романтической вуалью из месячных лучей»¹⁵⁷. В 1934 году была опубликована монография Белого «Мастерство Гоголя», которая стала важной вехой в развитии символистского подхода к изучению гоголевского наследия. Андрей Белый особенно интересовался повестью «Страшная месть» и посвятил ей целую главу в своей монографии. Он рассматривает эту повесть как наиболее показательную для первой «фазы» творческого развития писателя: «“Страшная месть” – квинт-эссенция первой фазы; все здесь подано наиярчайше, нигде нет прописей; все, надлежащее быть прочитанным, показано как бы под вуалью приема, единственного в своем роде. <...> Сила достижений невероятна в “Страшной мести”; только “Мертвые души” оспаривают произведение это»¹⁵⁸. Демонический образ колдуна находится в центре внимания исследователя. Белый выделяет используемый Гоголем прием отрицания – «прием “не”»: «Приехал угрюмый, суровый, как будто сердится... Ну, недоволен, зачем и приезжать. Не хотел выпить за козацкую волю! не покачал на руках дитяти!»¹⁵⁹; «хоть бы раз развеселился, как добрый козак! Не захотел выпить! слышишь, Катерина, не захотел меду выпить, который я вытрусил у брестовских жидов. <...> Мне кажется, пани Катерина, что он и в Господа Христа не верует!»¹⁶⁰; «По стенам чудные знаки. Висит оружие, но все странное: такого не носят ни турки, ни крымцы, ни ляхи, ни християне, ни славный народ шведский»¹⁶¹ ... Впоследствии Ю.В. Манн предложил называть этот прием «приемом исключения»: «Вероятно, основной «прием» обрисовки колдуна (мы пока ограничимся только им) правильнее видеть не в системе отрицаний, но в системе исключений»¹⁶².

¹⁵⁷ Там же. С. 266.

¹⁵⁸ Белый А. Мастерство Гоголя. Исследование. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1934. С. 54.

¹⁵⁹ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 189.

¹⁶⁰ Там же. С. 193.

¹⁶¹ Там же. С. 195.

¹⁶² Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Coda, 1996. С. 41.

Значительным этапом в исследовании романтических и фантастических элементов творчества Гоголя стала монография С.К. Шамбинаго «Трилогия романтизма (Н.В. Гоголь)» (1911), выполненная во многом в рамках символистской традиции. Шамбинаго указывал на барочную сущность гоголевской демонологии и утверждал, что «сверхъестественное должно было служить не только украшающим дополнением (как греческие мифы в ложноклассицизме), но и символом единства мира, выражающимся в соединении прошедшего и настоящего»¹⁶³. В первой главе своей книги («Романтизм символический. Гоголь и Гойя») Шамбинаго проводит параллели между фантасмагорическими образами Гоголя и гротескной живописью испанского художника Ф. Гойи, указывая на то, что оба мастера «сумели увидеть, что ужасное внешнее должно отражать и ужасное внутреннее, что в чертовщине мало видеть плод одного воображения, она уже – сверхвоображение, она – страшная действительность»¹⁶⁴.

В трудах Н.А. Котляреского и Д.Н. Овсяннико-Куликовского проблема фантастического и демонологического начал в творчестве Гоголя получает несколько другое осмысление: они пытались выяснить вопрос о соотношении романтизма и реализма в раннем творчестве писателя. Н.А. Котляреский полагал, что «нельзя было решить, куда клонятся симпатии автора – к реальному ли изображению жизни или к символизации ее в романтических образах. И то и другое в “Вечерах...” смешано и слито. <...> “Вечера на Хуторе” стояли таким образом на распутье двух литературных течений, старого – романтического и нового – реального, и скорее принадлежали прошлому, чем открывали дорогу новому. Романтика в них преобладала. Она проявлялась прежде всего в обилии фантастического элемента, которым большинство этих повестей было насквозь пропитано»¹⁶⁵. Д.Н. Овсяннико-Куликовский, в свою

¹⁶³ Шамбинаго С.К. Трилогия романтизма (Н.В. Гоголь). М.: : Польза, 1911. С. 9.

¹⁶⁴ Там же. С. 13.

¹⁶⁵ Котляревский Н.А. Николай Васильевич Гоголь 1829–1842. Очерк из истории русской повести и драмы. СПб.: Типограф. М.М. Стасюлевича. 1903. С. 106–107.

очередь, утверждал, что «Вечера...» не укладываются в рамки реализма, поскольку «особенность раннего творчества Гоголя, состоящая в том, что оно как бы витает над поверхностью жизни, не проникая в ее глубь»¹⁶⁶.

В ранней советской критике осмысление фантастического и демонологического аспектов творчества писателя нередко ассоциировалось с иррационализмом, а эти элементы тогда зачастую оценивались как проявление «реакционности». Так, А.В. Луначарский в статье «Н.В. Гоголь» (1924) писал: «Кто же не знает теперь, что Гоголь был романтик и вместе с тем натуралист. Его положительные типы даже в сказочных произведениях всегда трафаретны и лубочны; напр.: знаменитые описания его, припомним хотя бы “Днепр”, не имеют ничего общего с действительностью и сбиваются на велеречивые фразы»¹⁶⁷. Сходную точку зрения выразил А.М. Горький, рассматривая раннюю гоголевскую фантастику как проявление особого течения романтизма («пассивного, а не активного»), которое «не имеет иных задач, кроме желания выразить смутную тревогу, а иногда – ужас пред чем-то непонятным»¹⁶⁸.

Однако в советском гоголеведении литературное и эстетическое своеобразие ранней прозы писателя стало предметом глубокого анализа. Такие исследователи, как В.В. Гиппиус, Н.Л. Степанов, Г.А. Гуковский и др., уделяли особое внимание уникальным художественным приемам, жанровым особенностям этих повестей. В их монографиях о творчестве Гоголя проблема фантастики и демонологии частично освещалась.

В монографии В.В. Гиппиуса «Гоголь» (1924) представлен комплексный анализ творчества писателя, сочетающий психологические и эстетические подходы. Исследователь предпринимает попытку систематизировать достижения в области гоголеведения, начиная с работ В.В. Розанова, и анализирует творческую эволюцию Гоголя в контексте литературных

¹⁶⁶ Овсянко-Куликовский Д.Н. Гоголь в его произведениях. К 100-летию рождения великого писателя. 1809–1909. М.: Товарищество И.Д. Сытина, 1909. С. 18–19.

¹⁶⁷ Луначарский А.В. Классики русской литературы. М.: Гослитиздат, 1937, С. 190–192.

¹⁶⁸ Горький М. История русской литературы. М.: Гос. изд-во Худож. лит-ра 1939. С. 43–44. (Архив А.М. Горького. Т. 1).

традиций и эстетических исканий его времени. По словам Гиппиуса, писатель «усвоил нарождавшийся в нашей литературе жанр, внес в него много совершенно нового»¹⁶⁹ (не новый материал, а свой стиль и синтаксис). Кроме того, он размышляет о противоречиях между Гоголем-реалистом и Гоголем-романтиком, Гоголем-разоблачителем и Гоголем-реакционером, Гоголем-юмористом и Гоголем-проповедником.

В главе «Демонология и фарс» Гиппиус предлагает свою классификацию повестей «Вечеров ...» по характеру фантастического элемента: «трагически-фантастические повести (“Вечер накануне Ивана Купала” и “Страшная месть”); лирически-фантастические повести (“Майская ночь...” и “Ночь перед Рождеством”); комически-фантастические (“Пропавшая грамота” и “Заколдованное место”))»¹⁷⁰. Исследователь при этом выделяет повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» (лишенные демонологического элемента) и «Сорочинскую ярмарку» (где, этот элемент минимален). Основную группу произведений в «Вечерах...», по словам Гиппиуса, объединяет мотив «вторжения в жизнь людей демонического начала и борьбы с ним»¹⁷¹.

В.В. Гиппиус среди прочего отмечает, что Гоголь наверняка читал переводную версию статьи В. Скотта «О чудесном в романе» (1829), которая печаталась в журнале «Сын отечества и Северный архив». Именно в этом издании было опубликовано и первое анонимное стихотворение «Италия»¹⁷² (1829) Гоголя. Таким образом, можно предположить, что мнения, изложенные в этой статье, могли оказать влияние на формирование гоголевской поэтики фантастического, в частности, элементы «комической стороны сверхъестественного»¹⁷³ в его «Вечерах...».

¹⁶⁹ Гиппиус В.В. Гоголь. Л.: Мысль, 1924. С. 32–33.

¹⁷⁰ Там же. С. 30.

¹⁷¹ Там же. С. 32.

¹⁷² [Гоголь Н.В.] Италия («Италия – роскошная страна!...» // Сын Отечества и Северный архив. 1829. Т. 2. № 12. С. 301–302.

¹⁷³ Скотт В. О чудесном в романе // Сын отечества и Северный архив. 1829. Т. 7. № 44. С. 237.

Н.Л. Степанов в монографии «Н.В. Гоголь: Творческий путь» (1955, 1959) предлагает другую трактовку фантастики в раннем творчестве писателя, акцентируя её социально-сатирическую природу. По мнению исследователя, демонические персонажи (черти, ведьмы и прочая нечисть) лишены подлинного мистического содержания, представляя собой гротескные образы провинциальных «любезников и франтов»¹⁷⁴. Они лишены фантастического смысла, а действуют в реалистичном бытовом контексте и наделены человеческими слабостями. Он считает, что «в отличие от мистической фантастики Гофмана или Тика, где фантастика, народные предания и легенды являлись лишь средством для своего рода мистической мифологизации, для утверждения ирреальности, иллюзорности действительности, у Гоголя фантастика народного творчества способствует созданию жизненных сатирических образов, является выражением глубокого сродства мировоззрения писателя с народом»¹⁷⁵.

В монографии Г.А. Гуковского «Реализм Гоголя» (1959) большое внимание уделяется исследованию специфики фантастики в художественной системе писателя. Ученый рассматривает сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки» как «пролог к Гоголю» и утверждает, что он выполняет роль «введения в реалистическое искусство писателя»¹⁷⁶. В книге изображается мир народной мечты и даже ужасная «демонология» в «Вечере накануне Ивана Купала» и «Страшной мести» носит «мечтательный характер»¹⁷⁷. Кроме того, Гуковский предлагает классификацию гоголевской фантастики, выделяя два её типа: «малороссийскую» – основанную на романтической интерпретации фольклорных традиций, и «петербургскую» – построенную на принципах реалистической анти-фольклорности. По его словам, «вообще фантастическое в “Вечерах” не индивидуально, привычно читателю, не дает никаких

¹⁷⁴ Степанов Н.Л. Вечера на хуторе близ Диканьки // Степанов Н.Л. Н.В. Гоголь: Творческий путь. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1959. С. 77.

¹⁷⁵ Там же. С. 76.

¹⁷⁶ Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. М.; Л.: Худож. лит., 1959. С. 29.

¹⁷⁷ Там же. С. 36.

неожиданных или парадоксальных поворотов изображения действительности, предстает именно как форма народной мечты. Всего этого нет в петербургских повестях. Здесь (в петербургских повестях) фантастическое, наоборот, индивидуально и неожиданно»¹⁷⁸.

В 1970-е годы научный интерес к поэтике «Вечеров...» сосредоточился преимущественно на ее романтических аспектах. Значительный вклад в эту сферу внес Ю.В. Манн. Его работы «Поэтика русского романтизма» (1976) и «Поэтика Гоголя» (1978, переизд.: 1988, 1995) стали ключевыми для понимания поэтики художественных особенностей творчества писателя. Проблемы фантастики и поэтики фантастического, как показал Ю.В. Манн, являются крайне важными в особенности при изучении раннего Гоголя. В своем исследовании он фокусируется на «парности категорий “реального” и “фантастического”, и роде их взаимоотношения и отталкивания»¹⁷⁹, рассматривая их не столько как отражение философских взглядов и мировоззрения автора, а сколько как «опору своего художественного мира, элементы структуры своих произведений»¹⁸⁰. Ученый анализирует эстетику «завуалированной или неявной»¹⁸¹ фантастики, характерную для творчества Жан-Поля (И.П.Ф. Рихтера) и Э.Т.А. Гофмана, отмечая, что подобные художественные принципы нашли свое воплощение уже в раннем творчестве писателей-романтиков первой трети XIX века, в частности в сборнике «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» Антония Погорельского, в «Русских ночах» В.Ф. Одоевского и в пушкинской «Пиковой даме».

В разделе, посвященном гоголевской «завуалированной» фантастике, Манн проводит более детальную классификацию, разделяя её на «прошлую» и «современную». Из сборника «Вечера...» пять повестей относятся к «прошлой» фантастике, тогда как лишь две – «Сорочинская ярмарка» и

¹⁷⁸ Там же. С. 271.

¹⁷⁹ Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Coda, 1996. С. 54.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Там же. С. 58.

«Майская ночь...» (за исключением «Ивана Фёдоровича Шпоньки...») – представляют собой образцы «современной». В рамках «современной» «фантастическое (в форме предания) приурочено к <...> прошлому <...>, на события же сегодняшнего временного плана словно ложится излучаемый из прошлого фантастический свет»¹⁸². Кроме того, Манн подчеркивает ключевую особенность фантастики в ранней прозе Гоголя: его концепция сверхъестественного основана на дуализме добра и зла, божественного и дьявольского. Однако, несмотря на это противопоставление, в его творчестве практически отсутствует «добрая» фантастика – гоголевский сверхъестественный мир преимущественно несёт в себе злое, демоническое начало.

Анализируя гоголевскую трактовку демонического, Манн отмечает, что «народная смеховая культура на протяжении нескольких веков выработала устойчивые традиции опрощения, дедемонизации и одомашнивания христианско-мифологических образов зла»¹⁸³. Этот процесс привел к возникновению «глупого черта» – самого распространенного демонического образа в ранней прозе писателя. Однако, подобная комическая редукция не означает полной элиминации страха перед нечистой силой. Манн считает, что «в повествовательном плане страшное в “Вечерах” часто опосредствовано восприятием ребенка»¹⁸⁴.

На рубеже XX–XXI столетий в гоголеведении сформировался научный интерес к духовно-нравственной и проповеднической составляющей раннего творчества Гоголя, сохраняющий свою значимость и в современных исследованиях. В этой связи проблема фантастического и демонологического в его произведениях в первую очередь осмысливается через призму православного мировоззрения. Важными вехами в изучении данной темы в

¹⁸² Там же. С. 72–73.

¹⁸³ Там же. С. 20.

¹⁸⁴ Там же. С. 24.

свое время стали монография К.В. Мочульского «Духовный путь Гоголя» (1934) и труд протопресвитера В.В. Зеньковского «Н.В. Гоголь» (1961).

Среди современных исследований особого внимания заслуживают труды ведущих специалистов-гоголеведов И.А. Виноградова и В.А. Воропаева, в которых детально исследуется христианская основа наследия писателя. В 2000 году И.А. Виноградов публикует монографию «Гоголь – художник и мыслитель: Основы христианского мирозерцания», где убедительно доказывает, что «характер ранней гоголевской прозы не может быть вполне понят, если не иметь в виду последующего духовного и творческого развития Гоголя»¹⁸⁵. И.А. Виноградов утверждает, что даже «в самой первой напечатанной повести “Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала” (1830) Гоголь выступает в роль сознательного духовного наставника и проповедника»¹⁸⁶, при этом Гоголь продемонстрировал критическое отношение к некоторым народным религиозным обычаям и суевериям¹⁸⁷.

В.А. Воропаев в статье «Полтора века спустя. Гоголь в современном литературоведении» (являющейся откликом на выход первого тома академического полного собрания сочинений Гоголя в 2001 и 2003 годах), раскрывает особенности демонологических мотивов в ранней фантастической прозе Гоголя, предлагая осмыслять их сквозь призму православной традиции. Он пишет: «Авторы комментариев (нового Академического издания) к ранним произведениям Гоголя неправомерно выводят поэтический мир гоголевских повестей из немецкого романтизма, где человек как бы не может противостоять мировому злу. При всей яркости и художественном богатстве первых произведений Гоголя в них присутствует твердый и ясный взгляд на

¹⁸⁵ Виноградов И.А. Гоголь художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М.: Наследие, 2000. С. 10–11.

¹⁸⁶ Виноградов И.А. Учительство и проповедь в первой напечатанной повести Н.В. Гоголя («Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала», 1830) // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 1. С. 54.

¹⁸⁷ См.: Виноградов И.А. Вечера на хуторе близ Диканьки // Виноградов И.А. Гоголевская энциклопедия. Произведения, наброски, подготовительные материалы: В 7 т. Т. 1: А–Ж. М.: ИМЛИ РАН; Река времен, 2024. С. 305–371.

силы зла – взгляд православного христианина. Они у Гоголя неизбежно оказываются попранными и побежденными Божественной силой. <...> Если же герои Гоголя оказываются подчас уstraшены и даже побеждены бесовскими кознями, то это свидетельствует лишь о том, что в них самих был тот духовный изъян, который открыл к ним доступ и дал возможность так дерзко хозяйничать в их душах бесовской силе. Человеческие страсти и пороки – вот причина разгула и временной победы темных сил. <...> Для современных комментаторов Гоголя не только бесовщина – фольклорный мотив, но и крестное знамение, да и сила Божия. Для Гоголя же, как и для каждого православного человека, – это самая объективная духовная реальность. <...> Фольклорные и этнографические реалии, использованные Гоголем с таким мастерством в его ранних произведениях, выполняют роль притчи, иносказания, с помощью которых писатель говорит нам о том же, о чем будет сказано в “Ревизоре” и “Мертвых душах”, – то есть о добре и зле, о силе Божией и силах тьмы, поле битвы которых – сердце человеческое (как скажет об этом Достоевский)»¹⁸⁸.

Есть и другие статьи, частично посвященные данной теме. Например, в статье Л.Н. Белявской предпринято символическое прочтение образа нечистой силы в гоголевских текстах, включая его раннюю прозу¹⁸⁹; в статье А.И. Маргасюка анализируется образ темной силы в «Вечерах...» и славянской мифологии¹⁹⁰; в статье Е.С. Черновой рассматриваются фантастические образы и определяется роль фантастики и мистики в

¹⁸⁸ Воронаев В.А. Полтора века спустя (Гоголь в современном литературоведении) // Н.В. Гоголь и мировая культура: Вторые Гоголев. чтения: Сб. докл. М.: : Книжный дом «Университет», 2003. С. 29–41.

¹⁸⁹ Белявская Л.Н. Испытание чертом: Символическое прочтение гоголевских текстов // Синергия культуры: труды всероссийской конференции. Саратов, 2002. С. 326–329.

¹⁹⁰ Маргасюк А.И. Образы нечистой силы в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя и славянской мифологии // Традиционная культура славянских народов в современном социокультурном пространстве. Славянскна Кубани, 2008. Ч. 1. С. 299–303.

«Вечерах...»¹⁹¹; в статье Мяо Цзюнь анализируются образы нечистой силы в фантастическом мире «Вечеров...»¹⁹²; в статье Р.М. Хусаиновой выявляются типы фантастического в повестях «Вечеров...»¹⁹³; в статье О.А. Латкиной на основе анализа повестей «Майская ночь, или Утопленница», «Пропавшая грамота» и «Ночь перед Рождеством» рассматривается образ ведьмы в творчестве Гоголя¹⁹⁴; в статье Т.А. Волоконской рассматривается связь между малеваниями кузнеца Вакулы и русской иконографией демонического¹⁹⁵.

В современном гоголеведении можно выделить несколько важных этапов развития. О больших успехах в изучении гоголевской биографии свидетельствуют научные труды Ю.В. Манна и И.А. Виноградова. В последние десятилетия была опубликована биография-трилогия Гоголя от Ю.В. Манна: «Начало. 1809–1835 годы» (2004, 2012), «На вершине. 1835–1845» (2012) и «Завершение пути. 1845–1852» (2013). В них он интерпретирует известные науке факты и предпринимает попытку очистить гоголевскую биографию от идеологических наслоений предшествующей эпохи, в том числе и раннего творчества писателя. Иными принципами руководствовался И.А. Виноградов, подготовивший фундаментальное трехтомное издание «Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников»¹⁹⁶. В этом издании представлен монтаж свидетельств современников, из которого

¹⁹¹ Чернова Е.С. Фантастические образы в художественном мире Н.В. Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки») // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2010. Т. 10, № 3. С. 153–157.

¹⁹² Мяо Цзюнь. Фантастический мир в сборнике «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя // Актуальные проблемы современной науки. 2012. № 3. С. 36–40.

¹⁹³ Хусаинова Р.М. Типы фантастического в повестях сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19, № 2. С. 592–595.

¹⁹⁴ Латкина О.А. Образ ведьмы в произведениях Н.В. Гоголя // Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха: Сборник материалов VI международной молодежной научно-практической конференции. Магнитогорск, 2020. С. 163–166.

¹⁹⁵ Волоконская Т.А. Малевания кузнеца Вакулы в повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» и русская иконография демонического // Гоголь и мировая художественная культура. Двадцатые Гоголевские чтения. М.; Новосибирск: Новосибирский изд. дом, 2021. С. 196–201.

¹⁹⁶ Виноградов И.А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013.

складывается обширное, хронологически упорядоченное полотно. Следует отдельно упомянуть его же семитомную «Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852)», опубликованную в 2017–2018 годах¹⁹⁷. Это наиболее полный и систематический свод информации о жизни и творчестве Гоголя, включающий роспись родословной писателя. В 2024 году вышел первый том написанной И.А. Виноградовым «Гоголевской энциклопедии»¹⁹⁸, в котором среди прочего находятся большие статьи о «Вечере накануне Ивана Купала» и «Вечерах на хуторе близ Диканьки».

Нужно также назвать недавнюю монографию В.Д. Денисова «Ранняя гоголевская проза (1829–1834): пути развития, жанровое своеобразие, типология героев» (2012)¹⁹⁹. Она посвящена изучению закономерностей развития ранней прозы писателя в указанный период. Однако фантастика и демонология не являются специальными предметами внимания в данной работе, поскольку в основном внимание автора сосредоточено на изучении исторической основы «малороссийских» повестей Гоголя, включая незавершенный роман «Гетман», повести из сборников «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород» (в особенности – «Тарас Бульба») и, в частности, на их соотносении с представлениями писателя об истории Украины.

Отдельного внимания заслуживает монография Е.И. Анненковой «О Гоголе в историко-литературном контексте»²⁰⁰ (2023). Творчество писателя здесь анализируется в рамках широкого историко-культурного контекста. Анненкова акцентирует свое внимание на диалоге писателя с художественными и духовными традициями предшествующих эпох, включая его обращение к фольклору, древнерусской литературе и святоотеческому

¹⁹⁷ Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Научное издание: в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017–2018.

¹⁹⁸ Виноградов И.А. Гоголевская энциклопедия. Произведения, наброски, подготовительные материалы: в 7 т. Т. 1: А–Ж. М.: ИМЛИ РАН; Река времен, 2024.

¹⁹⁹ Денисов В.Д. Ранняя гоголевская проза (1829–1834): пути развития, жанровое своеобразие, типология героев. СПб.: РГГМУ, 2012.

²⁰⁰ Анненкова Е.И. О Гоголе в историко-литературном контексте. СПб.: Росток, 2023.

преданию. Хотя центральными объектами анализа в этой книге являются позднее творчество Гоголя и «Выбранные места из переписки с друзьями», некоторое внимание уделяется и его раннему периоду, рассматриваемому в историко-литературном контексте.

2.4. Источники сюжетов повестей в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»: (современное состояние изучения вопроса)

Вопрос о происхождении фантастических сюжетов и образов в творчестве Н.В. Гоголя давно привлекает внимание исследователей. Фольклорные и литературные традиции, лежащие в основе его повестей в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», подробно рассматриваются в работах Н.С. Тихонравова, Г.И. Чудакова, А. Белого, С.И. Машинского, Ю.В. Манна, М.Я. Вайскопфа.

При создании своих первых повестей Гоголь использовал разнообразные исторические, этнографические и фольклорные источники. В новейших комментариях к «Вечерам на хуторе близ Диканьки», подготовленных Е.Е. Дмитриевой, называется целый ряд таких источников, достоверно установленных. Среди них – “Записки о Малороссии, её жителях и произведениях” (1798) Я.М. Марковича, “Грамматика малороссийского наречия...” (1818) А.П. Павловского, “Опыт собрания старинных малороссийских песней” (1819) Н.А. Цертелева, “Малороссийские песни” (1827) М.А. Максимовича, а также “Малороссийская деревня...” И.Г. Кулжинского (1827) ²⁰¹.

В «Сорочинской ярмарке» Гоголь использовал элементы фольклорных произведений, таких как вертепные драмы, былички, бытовые сказки, анекдоты и т. д. Так, в повести встречаются распространенные фольклорные мотивы, такие как изгнание дьявола из ада, поиски нечистой силы в своих владениях, а также предметы, полученные от дьявола, которые приносят людям несчастья и беды. Мотив «бабьих уверток» имеет свои истоки в

²⁰¹ См.: *Дмитриева Е.Е. <Комментарий> // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 627–628.*

украинской вертепной драме и бытовой сказке, что было отмечено в исследованиях В.В. Гиппиуса²⁰² и В.А. Розова²⁰³.

Кроме фольклорных, у «Сорочинской ярмарки» были и литературные источники. Гоголь использовал элементы комедий своего отца, Василия Афанасиевича Гоголя-Яновского, которые были представлены в имении екатерининского вельможи Д.П. Трощинского. Эти элементы можно увидеть, например, в эпиграфах к повести. Кроме того, использование эпиграфов из «Энеиды» И.П. Котляревского также подчёркивает связь Гоголя с украинской литературной традицией²⁰⁴. Эпиграфы к III, IV и VIII главам «Сорочинской ярмарки» были заимствованы именно из этого произведения. Страшный эпизод с «красной свиткой», по мнению исследователей, отражает соотношение фольклорных и литературных традиций. Р.Ю. Данилевский указывает на возможные связи этой сцены с образом ведьмы в красной кофте из «Чар любви» Л. Тика, подчёркивая влияние немецкого романтизма²⁰⁵. Андрей Белый, в свою очередь, акцентирует внимание на фольклорной символике красного цвета, традиционно ассоциирующегося с нечистой силой, демоническими сущностями и потусторонним миром²⁰⁶. Образ цыгана наделён демоническими чертами, что соответствует народной традиции, где инородец часто воспринимается как представитель потустороннего мира. Как подчёркивает Ю.В. Манн, формирование образа цыгана, вероятно, находилось под влиянием западноевропейского романтизма²⁰⁷.

²⁰² Гиппиус В.В. Гоголь. Л.: Мысль, 1924. С. 30–31.

²⁰³ Розов В.А. Традиционные типы малорусского театра XVII-XVIII вв. и юношеския повести Н.В. Гоголя // Памяти Н.В. Гоголя: Сб. речей и ст. Киев: Имп. Ун-т св. Владимира, 1911. С. 99–169.

²⁰⁴ См.: Степанов Н.Л. Вечера на хуторе близ Диканьки // Степанов Н.Л. Н.В. Гоголь: Творческий путь. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1959. С. 55–56.

²⁰⁵ См.: Данилевский Р.Ю. Людвиг Тик и русский романтизм // Эпоха романтизма: Из истории международных связей русской литературы. Л.: Наука, 1975. С. 95.

²⁰⁶ См.: Белый А. Мастерство Гоголя. Исследование. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1934. С. 120–123.

²⁰⁷ См.: Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Coda, 1996. С. 68.

В повести «Вечер накануне Ивана Купала» вопрос о происхождении фантастических сюжетов, мотивов и демонических образов представляется особенно сложным. Как отмечал еще К.В. Мочульский, Гоголь своеобразно объединяет элементы украинского народного дуализма с европейской романтической демонологией²⁰⁸. Например, ключевые мотивы повести – сделка с дьяволом, кладоискательство, и срывание цветущего папоротника – имеют параллели как в славянском фольклоре, так и в литературных источниках. Насчет самого праздника И.А. Виноградова поясняет: «День Купала, производившийся на 24 июня (ст. ст.), день летнего солнцеворота, в древнем языческом календаре был одним из главных праздников года. С Крещением Руси этот день совпал с церковным праздником Рождества Иоанна Предтечи, вследствие чего праздник получил в народе название Ивана Купала»²⁰⁹. Представления о празднике Ивана Купала были очень популярны в фольклорной традиции славянских народов. По мнению П.И. Иванова, эпизоды, связанные с заключением договора с нечистой силой, были широко распространены в народных былинках, где такие сделки часто включали продажу души, проклятой крови и др.²¹⁰.

Н.С. Тихонравов обращал внимание на сюжетное сходство между повестью Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала» и произведением Л. Тика «Чары любви» («*Liebeszauber*», 1812)²¹¹. В обоих произведениях присутствуют такие мотивы, как двойное появление страшной ведьмы, потеря памяти и убийство невинного ребёнка и т. п. По мнению М. Вайскопфа, фантастический

²⁰⁸ См.: Мочульский К.В. Духовный путь Гоголя // Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. С. 20–21.

²⁰⁹ Виноградов И.А. Вечер накануне Ивана Купала // Виноградов И.А. Гоголевская энциклопедия. Произведения, наброски, подготовительные материалы: В 7 т. Т. 1: А–Ж. М.: ИМЛИ РАН; Река времен, 2024. С. 281.

²¹⁰ См.: Иванов П.И. Народные рассказы о кладах // Харьковский сборник. Литературно-научное приложение к «Харьковскому календарю». Вып. 4. Отд. 2. Харьков, 1890. С. 11, 40–41.

²¹¹ См.: Тихонравов Н.С. Комментарий // Гоголь Н.В. Сочинения Н.В. Гоголя: текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Николаем Тихонравовым и Владимиром Шенроком. Т. 1. М.: Кн. маг. В. Думнова под фирму «Наследники бр. Салаевых», 1889. С. 526.

сюжет, связанный с проклятым подземным золотом, которое завораживает кладоискателя, вероятно, был заимствован из повести Л. Тика «Руненберг» («Der Runenberg», 1802)²¹². Г.С. Виноградов и Р.Ю. Данилевский высказывают мнение, что совпадение некоторых мотивов в произведениях Гоголя и Тика не обязательно свидетельствует о прямом заимствовании. Они подчёркивают, что такие параллели могут быть объяснены типологическим сходством, обусловленным общими романтическими тенденциями эпохи. Гоголь черпал вдохновение из украинских и русских фольклорных сюжетов, как Тик опирался на традиции немецких народных сказок²¹³.

В повести «Майская ночь, или Утопленница» наиболее выразительными элементами, отражающими народные мотивы, являются сцена с русалкой, эпизод превращения ведьмы в оборотня, а также описание свидания Левко с его возлюбленной девушкой Ганной в первой главе повести. Как отметил еще современный Гоголю критик А.Я. Стороженко (Андрей Царынный), сюжет, связанный с этим свиданием, мог быть заимствован Гоголем из украинской народной песни «Солнце низенько»²¹⁴. Кроме того, как отмечает В.В. Гиппиус, сцена, в которой ведьма-мачеха превращается в черную кошку, вероятно, восходит к произведению О.М. Сомова «Кикимора»²¹⁵. Следует отметить, что хотя в традиционных народных представлениях русалки изображаются как обычные девушки без особой примечательной внешности, Гоголь, следуя духу русского романтизма своего времени, наделяет свою русалку необычайной красотой.

По словам С.А. Гончарова, «ранняя гоголевская сказка представляла собой соотнесение религиозно-мистической системы с фольклорно-

²¹² См.: Вайскопф М. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. М.: РГГУ, 2002. С. 94, 196.

²¹³ См.: Виноградов Г.С., Степанов Н.Л. Вечер накануне Ивана Купала. Комментарий // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 1. Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 527–528.; Данилевский Р.Ю. Указ. соч. С. 94.

²¹⁴ Царынный Андрей. Мысли малороссиянина, по прочтении повестей пасичника Рудого Панька, изданных им в книжке под заглавием «Вечера на хуторе близ Диканьки», и рецензий на оныя // Сын отечества и Северный архив. 1832. № 4. С. 226.

²¹⁵ См.: Гиппиус В.В. Указ. соч. С. 29.

мифологической»²¹⁶. В частности, Н.В. Гоголь помещает в свою повесть мотив лестницы, восходящий ко сну Иакова из ветхозаветной библейской книги Бытия (Быт. 28: 12). Этот мотив в повести «Майская ночь» раскрывается следующим образом: «<...> у Бога есть длинная лестница от неба до самой земли. Ее ставят перед светлым воскресением святые архангелы; и как только Бог ступит на первую ступень, все нечистые духи полетят стремглав и кучами попадают в пекло, и оттого на Христов праздник ни одного злого духа не бывает на земле»²¹⁷.

Одним из наиболее ярких фантастических эпизодов в повести «Пропавшая грамота» является сюжет путешествия главного героя, деда Фомы Григорьевича, в «пекло». Как отмечает В.В. Гиппиус, этот эпизод имеет определенные параллели с сюжетом повести В.Н. Олина «Кумова постеля», в которой рассказывается «о крестьянском парне, которого мать во время трудных родов продала черту, а великодушный работник – кум Вельзевула – впоследствии спас, сведя в ад и уничтожив “рукописание”»²¹⁸. Подобные мотивы, связанные с путешествием протагониста в подземный мир и взаимодействием с демоническими силами, отражают общие тенденции в литературе того времени. М.Г. Альтшуллер предполагает, что одним из возможных литературных источников для данного сюжета мог послужить роман Вальтера Скотта «Редгонтлет» (1824). Исследователь обращает внимание на сходство в структуре повествования: «...в обоих <произведениях> рассказчик (слепой скрипач – у Скотта, дьячок диканьской церкви – у Гоголя) рассказывает о похождениях своего деда. Оба деда в поисках утраченного документа побывали в аду, а затем при сходных обстоятельствах вернулись на землю»²¹⁹.

²¹⁶ Гончаров С.А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1997. С. 9.

²¹⁷ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 114.

²¹⁸ Гиппиус В.В. Указ. соч. С. 29. Ср.: Вайскопф М. Указ. соч. С. 74.

²¹⁹ Альтшуллер М.Г. Эпоха Вальтера Скотта в России. Исторический роман 1830-х годов. СПб.: «Академический проект», 1996. С. 260–261.

В подземном мире, куда попадает дед, Гоголь создает атмосферу, насыщенную фантастическими и мистическими элементами. Дед Фомы Григорьевича становится свидетелем ряд необычных явлений: он видит, как «ведьмы хмельные, отплясывали какого-то чертовского тропака»²²⁰. На столе перед ним предстает изобилие роскошных блюд: «свинина, колбасы, лук, крошенный с капустой, и много всяких сластей»²²¹. Во всех этих сюжетах прослеживается влияние народной традиции. Как отмечает В.Я. Пропп, в народном представлении сказочный герой, чтобы доказать свою приобщенность к миру мертвецов, должен вкусить пищу, предлагаемую в этом мире²²². Эпизод, в котором дед-казак играет в «дурня» с ведьмой, представляет собой еще характерный фантастический сюжет. Мотив карточной игры с нечистой силой, имеющий глубокие корни в фольклорных традициях, развивался в литературе 1820–1830-х годов. По замечанию Ю.М. Лотмана, тема азартных игр в этот период стала одним из значимых элементов как западной, так и русской литературы²²³.

Повесть «Ночь перед Рождеством», открывающая вторую часть сборника, представляет собой художественный сплав элементов фольклора и церковной книжности. И.А. Виноградов отмечает: «В этой повести, как и в “Вечере накануне Ивана Купала”, происходит противостояние языческих и христианских традиций. <...> подобно тому, как купальские обычаи в “Вечере накануне Ивана Купала” выступают в противоречие с праздником Рождества Иоанна Предтечи, так и колядование в “Ночи перед Рождеством” не вполне согласуется с христианским праздником»²²⁴.

²²⁰ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 141.

²²¹ Там же.

²²² См.: Пропп В.Я. Морфология. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. С. 161.

²²³ См.: Лотман Ю.М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 2: Статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX века. Таллинн, 1992. С. 389–415.

²²⁴ Виноградов И.А. Вечера на хуторе близ Диканьки // Виноградов И.А. Указ. соч. С. 346.

В повести находят отражение многочисленные фольклорные сюжеты и мотивы, такие как мотив продажи души черту, мотив поездки на чертовом коне, а также элементы из легенды, связанные с историей кузнеца и черта. Например, мотив поездки на чертовом коне в гоголевском случае перекликается со средневековым агиографическим фантастическим сюжетом в «Повести о путешествии Иоанна Новгородского на беса в Иерусалим». Данное произведение, представляющее собой агиографическое сказание о святителе Иоанне (XII в.), повествует о заключении договора между архиепископом и бесом, который превращается в черный конь и переносит архиепископа в Святой город. Аналогичным образом в «Ночи перед Рождеством» благочестивый кузнец Вакула подчиняет себе черта, заставляя его перенести себя в Петербург ради добычи черевиков Царицы для Оксаны.

Сюжет о мести черта кузнецу пользовался широкой популярностью в украинской культуре того времени. Образ благочестивого кузнеца занимает значительное место в славянской мифологии²²⁵. Как указывает Е.Е. Дмитриева, аналогичный мотив можно обнаружить, в частности, в «Легенде о благочестивом живописце» Н.Ф. Сумцова (1894). И Гоголь начинает свой рассказ, подчеркивая, что кузнец Вакула был «богобоязливым человеком, занимавшимся изображением образов святых, и можно найти в Т ... церкви его Евангелиста Луки и также святой Петр в день Страшного суда с ключами в руках»²²⁶. Испуганный черт всеми силами старался помешать кузнецу, но, потерпев неудачу, поклялся отомстить. В.А. Воропаев отмечает: «Раннее творчество писателя, рассматриваемое с духовной точки зрения, открывается с неожиданной для обыденного восприятия стороны: оно не просто собрание веселых рассказов в народном духе, но и обширное религиозное поучение, в котором происходит борьба добра со злом и добро неизменно побеждает, а

²²⁵ См.: *Петрухин В.Я.* Кузнец // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* в 5 т. Т. 3. М.: Международные отношения, 2009. С. 21–22.

²²⁶ *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 151.

грешники наказываются»²²⁷. Например, в «Вечерах...» мы встречаемся с частыми обращениями к мотиву вторжения «темной» силы. Этот мотив у Гоголя ассоциируется с победой божественной Благодати над злом. Согласно христианскому представлению, сатана, изначально являвшийся «утренней звездой» и «сыном зари» (Ис. 14: 12–15), стремился превзойти Божьи звезды и уравниаться со Всевышним, однако был низведен в ад, став владыкой мира мертвых. Черт в «Ночи перед рождеством» как «бес-искуситель, которому последняя ночь осталась шататься по белому свету и выучивать грехам добрых людей. Завтра же, с первыми колоколами к заутрене, побежит он без оглядки, поджавши хвост, в свою берлогу. <...> Одна только ночь оставалась ему шататься на белом свете»²²⁸.

Что касается книжных источников фантастических сюжетов с нечистой силой в «Ночи перед Рождеством», одним из важных источников, по указанию М.Я. Вайскопфа, был «...роман В. Скотта “Сент-Ронанские воды” (французский перевод которого появился в 1824 году, а русский – в 1828). Здесь, почти в самом начале, описана трактирная вывеска с изображением святого Ронана, «уловляющего, как о том правдиво повествует легенда, дьявола за хромую ногу своим крючковатым епископским посохом». (Потом вывеска станет таким же пугалом для детей, как картинка Вакулы в «Ночи перед Рождеством»))»²²⁹.

Вопрос об источниках фантастических сюжетов в «Страшной мести» представляется особенно сложным, поскольку в этой повести переплетаются традиции немецкого предромантизма и романтизма, а также элементы фольклора²³⁰. Многие исследователи, такие как Г.И. Чудаков и В.В. Гиппиус, указывают на значительное воздействие на нее новеллы Л. Тика «Пиетро

²²⁷ Воронаев В.А. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Паломник, 2014. С. 28–29.

²²⁸ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 151.

²²⁹ Вайскопф М.Я. Указ. соч. С. 74.

²³⁰ См.: Мочульский К.В. Указ. соч. С. 20.

Апоне» (перевод которой был опубликован в журнале «Московский Вестник» в 1828 году). В частности, отмечается сходство в сюжетной линии, связанной с демоническим образом колдуна, особенно в эпизодах заклинаний и вызова души²³¹. Однако Ю.В. Манн считает, что «все эти совпадения возможны, хотя и необязательно, чтобы они обуславливались прямым влиянием Тика на Гоголя: они скорее заданы общим духом фантастической повести того времени и характером избранного сюжета»²³². А.Б. Ботникова обратила внимание на наличие сюжетных параллелей между «Страшной местию» и новеллой Э.Т.А. Гофмана «Игнац Деннер» (перевод которой был опубликован в 1831 году). Она выделяет такие общие мотивы, как семейное проклятие, а также сцены, раскрывающие сложные отношения между отцом и его дочерью²³³. Во второй главе повести присутствует эпизод, в котором мертвецы восстают из могил: «Крест на могиле зашатался, и тихо поднялся из нее высохший мертвец»²³⁴. Этот мотив явно имеет романтические корни и находит свои параллели в европейской литературной традиции. В частности, аналогичное использование данного мотива, как отмечает Е.Е. Дмитриева, можно наблюдать в балладе Г. Бюргера «Ленора» (1773) и в «Людмиле» В.А. Жуковского (1808)²³⁵.

Помимо влияния немецкого романтизма на поэтику гоголевской фантастики, в «Страшной мести» явно прослеживается стремление автора к использованию элементов «страшного и ужасного», что во многом обусловлено воздействием традиций готического романа. В.В. Виноградов указывал также на влияние французской «неистовой» школы: «В “Страшной мести” налицо не только новое функциональное соотношение поэтических

²³¹ См.: Чудаков Г.И. Отношение творчества Гоголя к западно-европейским литературам. Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1908. С. 85; Гиппиус В.В. Указ. соч. С. 32.

²³² Манн Ю.В. Указ. соч. С. 49.

²³³ См.: Ботникова А.Б. Э.Т.А. Гофман и русская литература (первая половина XIX века): к проблеме русско-немецких литературных связей. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1977. С. 110.

²³⁴ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 188.

²³⁵ См.: Дмитриева Е.Е. Страшная месь. <Комментарий> // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2001. С. 796.

стилей, которые раньше обнаружили в поэтике Гоголя, в ней смутно проглядывает уклон художника в сторону “романтически-ужасного” стиля. <...> Но в “Страшной мести” звучат такие мотивы, которые, несомненно, восходят к поэтике “неистовой” школы (мотив преступной страсти отца к дочери, дочереубийства)»²³⁶.

Что касается возможных русских литературных источников, оказавших влияние на повесть Гоголя, М.Я. Вайскопф в своей монографии проводит сопоставление «Страшной мести» с повестью А.А. Бестужева-Марлинского «Изменник» (1825). Исследователь указывает на его стилистическое и сюжетное воздействие на творчество Гоголя и, в частности отмечает сходство между мольбой демонического злодея Бруно в произведении Марлинского «Замок Эйзен» («Кровь за кровь») (1827) и лживыми клятвами великого грешника в «Страшной мести»²³⁷.

В.И. Еремина подчеркивает, что элементы малороссийских народных песен служат важной основой для создания художественного мира этой повести²³⁸. Колдун в повести Гоголя воплощает собой типичный образ великого грешника, чьи действия, такие как попытка жениться на собственной дочери и убийство священника, символизируют крайнюю степень морального падения и богопротивления. Сам Гоголь указывает на источник этого сюжета, ссылаясь на историю апостола Павла (1 Тим. 1: 12–16): «Слышала ли ты про апостола Павла, какой был он грешной человек, но после покаялся и стал святым»²³⁹.

Эпизод братоубийства в финале повести, а также мотив проклятия в потомстве, имеют для Гоголя глубокую мифологическую и религиозную основу. Как отмечали Андрей Белый, Ю.В. Манн и Ю.М. Лотман²⁴⁰, убийство,

²³⁶ Виноградов В.В. Гоголь и натуральная школа // Виноградов В.В. Поэтика русской литературы: Избранные труды. М.: Наука, 1976. С. 216.

²³⁷ См.: Вайскопф М.Я. Указ. соч. С. 88–89.

²³⁸ См.: Еремина В.И. Н.В. Гоголь // Русская литература и фольклор (Первая половина XIX в.). Л.: Наука, 1976. С. 249–291.

²³⁹ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 200.

²⁴⁰ См.: Белый А. Мастерство Гоголя. Исследование. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1934. С. 69–70; Манн Ю.В. Указ. соч. С. 45–48; Лотман Ю.М. Из наблюдений над структурными

совершенное Петром, можно рассматривать как проекцию ветхозаветного сюжета о Каине и Авеле (Быт. 4: 8–12), а также новозаветной истории о предательстве Иуды (Ин. 13: 21–30).

Считается установленным, что повесть «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» была создана на завершающем этапе работы над циклом «Вечера на хуторе близ Диканьки»²⁴¹. По словам Д.Н. Овсяннико-Куликовского, это «...вещь неоконченная или, лучше сказать, только начатая, где уже намечается поворот от бездумного, беззаботного, показного творчества “Вечеров” к тому высшего порядка глубокому, проникновенному творчеству, которого первые всходы мы находим в двух частях “Миргорода”»²⁴². Об этом также писал С.И. Машинский: эта повесть «...стоит, казалось бы, несколько особняком в “Вечерах”, выделяясь из всех других повестей этого цикла и содержанием своим и манерой письма. Вдохновенный, красочный мир романтической сказки, опоэтизированный Гоголем в предшествующих произведениях, здесь уступил место совсем иной сфере и совершенно другим человеческим судьбам. Царство житейской прозы, пошлость и скука повседневного быта, мелочные интересы пустых, ограниченных людей – вот тот мир, который неожиданно представляет здесь читателю Гоголь»²⁴³. Как отметил В.В. Гиппиус, в отличие от всех остальных повестей в цикле, эта повесть представляет собой «образец беспримерного жанра, совершенно вне демонологии»²⁴⁴. Тем не менее, в рассказе присутствует отдельный фантастический мотив, например, тревожный сон Ивана Федоровича о вездесущей жене, который возникает перед сватовством. Среди других рассказов в сборнике именно «Шпонька» отличается своей относительной независимостью от народнопоэтической

принципами раннего творчества Гоголя // Ученые записки Тартуского государственного университета, 1970. Вып. 251. С. 17–45.

²⁴¹ См.: *Айзеншток И.Я.* Хронология написания «Вечеров на хуторе близ Диканьки» // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1962. Т. 21. Вып. 3. С. 252–262.

²⁴² *Овсяннико-Куликовский Д.Н.* Гоголь в его произведениях. К 100-летию рождения великого писателя. 1809–1909. М.: Товарищество И.Д. Сытина, 1909. С. 20.

²⁴³ *Машинский С.И.* Художественный мир Гоголя: Пособие для учителей. 2-е изд. М.: Просвещение, 1979. С. 67.

²⁴⁴ *Гиппиус В.В.* Указ. соч. С. 32.

традиций. Е.Е. Дмитриева высказывает предположение, что на стиль и тип повествования в данной повести значительное влияние оказало творчество Л. Стерна.

Заключительной повестью гоголевского сборника является «Заколдованное место». В этом рассказе развиваются сюжетные мотивы, уже знакомые читателю по другим повестям сборника, такие как мотив добывания клада (как в «Вечере накануне Ивана Купала») и тема проклятого места (как в «Сорочинской ярмарке»). По замечанию И.А. Виноградова, «последней повестью сборника Гоголь как бы подводит некий итог цикла и, подразумевая содержание других повестей “Вечеров...”, изображающих участие в жизни человека нечистой силы, еще раз подчеркивает легкомысленное простонародных представлений о нечистом и насущную необходимость осторожности и осмотрительности в невидимой брани»²⁴⁵. Помимо мотивов поиска клада и проклятого места, в повести также присутствует эпизод, в котором дед, находясь под воздействием демонических сил, оказывается в ирреальном локусе, после чего впадает в обморок. Особенно значимым оказывается мотив превращения клада в сор, что подчеркивает тщетность и обманчивость надежд, связанных с вмешательством нечистой силы. Все эти мотивы характерны для фольклорного жанра былички.

Подведя итог, можно заметить, при создании повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголь активно обращался к разнообразным источникам, включая исторические, этнографические и фольклорные материалы.

Писатель объединяет два различных литературных течения, стремясь к стилистическому единству. Первое течение включает в себя немецкую романтическую демонологию, представленную в повестях Л. Тика и Э.Т.А. Гофмана, где тоже находим ведьм, демонов, заклинания и колдовство. Второе течение представлено малороссийскими народными сказками, характеризующимися простым дуализмом и борьбой между Богом и дьяволом.

²⁴⁵ Виноградов И.А. Указ. соч. С. 361.

Рассмотренные произведения можно распределить по степени мрачности: от смешного бесовского поведения в «Пропавшей грамоте» и «Заколдованном месте» к более серьезной борьбе добра и зла в любовных историях «Майская ночь» и «Ночь перед Рождеством», где для победы над нечистыми силами требуется привлечение помощи утопленницы из потустороннего мира и набожный иконописец Вакула. А в двух повестях «Вечер накануне Ивана Купала» и «Страшной мести», близких к романтике Л. Тика, Гоголь почти отказывается от всяких комичных элементов, уступая место страшному и ужасному, создавая чудовищные и зловещие образы, такие как Басаврюк и колдун (отец Катерины). Повесть «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» как будто лишена явных фантастических элементов, однако и в ней присутствуют некоторые фантастические сцены с гротескными элементами такие, как тревожный сон Ивана Федоровича.

Значительное влияние на формирование фантастической прозы Гоголя оказала художественная проза русских романтиков-современников, таких как О.М. Сомов, А.А. Бестужев-Марлинский и А. Погорельский. Так что сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки» представляет собой гармоничное сочетание фольклорных традиций и книжной литературы, воплощенное в своеобразном языковом стиле, который стал одной из отличительных черт раннего творчества писателя.

2.5. «Вечера на хуторе близ Диканьки» в контексте русской фантастической прозы 1820–1830-х годов: функции вымышленных повествователей²⁴⁶

Русская литература 1820–1830-х годов характеризуется расцветом поэзии и прозы в духе романтической фантастики, когда многие писатели-прозаики проявляли возрастающий интерес к фантастическому, мистическому и ужасному. основополагающим принципом в жанре фантастики является концепция «удвоения мира»²⁴⁷, т.е. идея «двоемирия». Что касается жанрового своеобразия повестей данного периода, то прослеживается явная тенденция к их объединению в сборники с использованием рамочной конструкции. Помимо гоголевских «Вечеров на хуторе близ Диканьки», наиболее известные и показательные примеры – «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» Антония Погорельского (1828), «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» А.С. Пушкина (1831), «Пестрые сказки» В.Ф. Одоевского (1833) и «Вечер на Хопре» М.Н. Загоскина (1834).

Эти сборники типологически связаны между собой как ориентацией на изображение фантастического мира, так и композиционной и нарративной системой: во-первых, главный рассказчик (например, мелкий чиновник, помещик, сельский пасечник, ученый) выступают в качестве «авторской маски», использует предисловия, системы эпиграфов, автобиографические описания и авторские словари для построения повествовательного обрамления; во-вторых, главные рассказчики и второстепенные сменяют друг друга, пересказывают читателям или собеседникам различные чудесные и волшебные истории о сверхъестественных явлениях.

²⁴⁶ При подготовке данного раздела были использованы материалы статьи: *Сунь Вэньцзюнь*. Функции вымышленных повествователей в русской фантастической прозе 1820–1830-х годов и «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // *Казанская наука*. 2025. № 5. С. 208–212.

²⁴⁷ *Муравьев В.С.* Фантастика // *Литературный энциклопедический словарь*. М.: Сов. энцикл., 1987. С. 461.

Согласно определению Ц. Тодорова, важнейшим аспектом романтической фантастики является «сомнение или колебание, испытываемое читателем»²⁴⁸. Однако в данном случае читатель не является конкретным, реальным индивидом, а скорее представляет собой «фикцию читателя» или имплицитного читателя. Фантастическое в своей основе предполагает неуверенность: «... в хорошо знакомом нам мире <...> происходит событие, не объяснимое законами самого этого мира. Очевидец события должен выбрать одно из двух возможных решений: или это обман чувств, иллюзия, продукт воображения, и тогда законы мира остаются неизменными, или же событие действительно имело место, оно – составная часть реальности, но тогда эта реальность подчиняется неведомым нам законам. Или дьявол всего лишь иллюзия, воображаемое существо, или он реален, как реальны другие живые существа, с той только разницей, что его редко видят»²⁴⁹. В контексте изучения фантастического жанра следует также обратить внимание на более распространенную концепцию, предложенную Г.П. Лавкрафтом: «самое главное – это атмосфера, ибо определяющим критерием аутентичности [фантастического] является не структура интриги, а создание специфического впечатления... Вот почему мы должны судить о фантастическом рассказе не столько на основании намерений автора и механизмов интриги, сколько на основании интенсивности вызываемых им эмоций <...> Рассказ фантастичен просто потому, что читатель испытывает глубокое чувство страха и ужаса, чувствует присутствие необыкновенных миров и сил»²⁵⁰. В данном случае речь идет о настоящих читателях, а не об имплицитных. Согласно В.М. Марковичу, данный процесс описывается как духовный «отлет», когда читатели преодолевают границы своего разума, чтобы непосредственно пережить чувство сверхъестественного, откликаясь на него «сильными

²⁴⁸ Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 30.

²⁴⁹ Там же. С. 24.

²⁵⁰ Lovecraft H.P. Supernatural Horror in Literature. New York: Ben Abramson, 1945. P. 16.

чувствованиями», такими как «удивление, страх и восхищение»²⁵¹. Аналогичные высказывания есть и у А.С. Янушкевича: «для писателей-прозаиков таинственное, чудесное – поэтический прием, средство возбуждения сильных чувств, воздействия на воображение»²⁵². Таким образом, рассказчики в волшебной прозе романтиков выступают как связующее звено между реальностью и фантастикой, автором и читателем, и их роль заключается в создании атмосферы таинственности и загадочности происходящего.

Книга Антония Погорельского «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» (1828), по словам М.А. Турьяна, представляет собой «начало отечественной фантастической прозы и русской “гофманианы”»²⁵³. В цикле доминируют два повествовательных голоса: рассказчик Антоний и его «alter ego» – Двойник, именующий себя «Doppelganger»²⁵⁴, что отражает прямое влияние немецкого романтизма. Вместе они ведут повествование, состоящее из ночных рассказов, за исключением вводных частей – первого вечера в первой части и четвертого во второй. Каждая часть включает три вечера, в рамках которых оба нарратора излагают по две повести: Антонию принадлежат новеллы «Изидор и Анюта» и «Лафертовская Маковница», а Двойнику – «Пагубные последствия необузданного воображения» и «Путешествие в Дилижансе».

Кроме того, рассказчик Антоний служит «авторской маской», за которой скрывается сам Антоний Погорельский. Упоминание о проживании помещика Антония в «селе П***» отсылает нас к биографическому контексту А.А. Перовского, который жил в селе Погорельцах. И Двойник, в свою очередь, одновременно понимается не только как призрачную ипостась

²⁵¹ Маркович В.М. Балладный мир Жуковского и русская фантастическая повесть эпохи романтизма // Жуковский и русская культура: Сб. научн. трудов. Л.: Наука, 1987. С. 140–141.

²⁵² Янушкевич А.С. Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1985. С. 90.

²⁵³ Турьян М.А. Личность А.А. Перовского и литературное наследие Антония Погорельского // Погорельский Антоний. Сочинения; Письма. СПб.: Наука, 2010. С. 610.

²⁵⁴ Погорельский, Антоний. Сочинения. Письма / Изд. подгот. М.А. Турьян. СПб.: Наука, 2010. С. 11.

рассказчика Антоний, но и как проекция самого автора, что свидетельствует деталью: «он немного прихрамывает на правую ногу»²⁵⁵, – может быть, относиться к автопортрету писателя ²⁵⁶. Образ рассказчика Антоний воплощает романтическую мечтательность, склонность к поэтизации действительности и строению «воздушных замков» с помощью «лучшего архитектора – живейшего воображения»²⁵⁷. Он реально верит в всякие чудеса и стремится к волшебному миру грезы и вымысла, в то время как его Двойник под влиянием рационализма и скептицизма, парадоксально, хотя он является олицетворением сверхъестественного мира (по замечанию И.В. Измайлова, лишенную «мистической мотивировки»²⁵⁸), критикует мечтательность его собеседника.

Основным стержнем повествования на всей художественной ткани является философская полемика между двумя рассказчиками: романтическое стремление к «неправдоподобию и алогизму» (Антоний) и трезвое понимание «обыденности и логики»²⁵⁹ (Двойник). Вследствие этого диспута между двумя сторонами одного авторского «я», читатели также постоянно испытывают колебания между восприятием реального и фантастического. Автор формирует пугающую атмосферу для читателей также с помощью диалогов между двумя героями-повествователями. Например, в их первой встрече Антоний испытывает сильный испуг, ощущая «внезапный холодный пот с ног до головы» и вскрикивая вне себя, поскольку верит в народное поверье, согласно которому увидеть своего двойника предвещает смерть. Однако его Двойник сразу опровергает эти «вздорные предрассудки»²⁶⁰.

Структура «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя, как и сборника Антония Погорельского, отличается строгой композиционной симметрией:

²⁵⁵ Там же. С. 9.

²⁵⁶ См.: Турьян М.А. Указ. соч. С. 659.

²⁵⁷ Погорельский, Антоний. Указ. соч. С. 9.

²⁵⁸ Измайлов Н.В. Фантастическая повесть // Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра. Л.: Наука, 1973. С. 143.

²⁵⁹ Турьян М.А. Указ. соч. С. 614.

²⁶⁰ Погорельский Антоний. Указ. соч. С. 10.

цикл фантастических повестей разделен на две части, каждая из которых предваряется предисловием и авторским словарем. Повествование ведется от лица вымышленного издателя – пасечника Рудого Панька, и построено сказовой манере, имитирующей живой «диалог» со имплицитными или воображаемыми читателями.

В предисловиях к двум частям сборника главный повествователь Рудый Панько выступает в роли собирателя и сочинителя фантастических историй, однако на уровне повествования он в значительной степени дистанцируется от непосредственного изложения событий, уступая место другим рассказчикам. Он обращается к читателям довольно простодушно и шутливо («как будто какому-нибудь свату своему или куму...»), сокращая дистанцию между собой и аудиторией. Он описывает себя как человека, у которого «теперь более седые, чем рыжие волосы», и иронично комментирует название своей книги: «Это что за невидаль: Вечера на хуторе близ Диканьки? Что это за вечера? И швырнул в свет какой-то пасичник! Слава Богу! еще мало ободрали гусей на перья и извели тряпья на бумагу! Еще мало народу, всякого звания и сброду, вымарали пальцы в чернилах! Дернула же охота и пасичника потащиться вслед за другими». Образ гостеприимного хуторянина усиливается благодаря его обещаниям угостить столичных гостей традиционными малороссийскими кушаньями, такими как «дыни, мед, пирожки, грушевой квас с терновыми ягодами или варенуха с изюмом и сливами». Кроме того, достоверность повествования достигается не только через детальные описания народного быта, внешности и черты характера рассказчика, но и через конкретные указания на географическую локацию («прямохонько берите путь по столбовой дороге, на Диканьку»). А в предисловии ко второй части Рудый Панько демонстрирует более дружеский тон по отношению к своим реципиентам, что может указывать на то, что теперь он ориентируется на читателей, уже ознакомленных с первой частью сборника²⁶¹.

²⁶¹ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 69–71.

Необходимо отдельно упомянуть о важности авторских словариков в композиционном построении. После предисловий и в первой, и во второй части Рудый Панько представляет потенциальным читателям словарики, в которых предложены толкования малоизвестных слов. Наличие этих словариков представляет собой характерную композиционную особенность гоголевского сборника, отличающую его от сборников других современных ему писателей.

Как отмечает Н.Л. Степанов, автор «перелагает ответственность за достоверность и характер рассказа на то лицо, которое выступает в роли повествователя»²⁶². Это напоминает повествовательную структуру фольклорных быличек, предполагающую доверие к авторитету рассказчика. В этом случае речь идет о втором связующем звене в «Вечерах» – дьяк Фома Григорьевич, любимый и почитаемый селянами. Он лихой запорожец, который в истории своей жизни как бы соединяет прошлое и настоящее, реальность с фантастикой. Три рассказа его отличаются дистанцией между временем повествования и временем развёртывания событий, а также вовлеченностью самого рассказчика в события. Например, в «Вечере накануне Ивана Купалы» и «Пропавшей грамоте» рассказчик пересказывает то, что слышал от старого деда, в «Заколдованном месте» он уже сам является очевидцем событий. Их жанровое единство подчеркивается общим подзаголовком – «Быль, рассказанная дьячком ***ской церкви»²⁶³. В отличие от него другой рассказчик – Макар Назарович, приезжий из Полтавы, он, безусловно, относится к чужеродному миру. Его прозвище («панич в гороховом кафтане») отражает ироничное отношение к нему со стороны как автора, так и «издателя» и Диканьских жителей. В первой части сборника ему

²⁶² Степанов Н.Л. Вечера на хуторе близ Диканьки // Степанов Н.Л. Н.В. Гоголь: Творческий путь. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1959. С. 79.

²⁶³ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 99, 136, 240.

принадлежат две повести – «Сорочинская ярмарка» и «Майская ночь, или Утопленница».

В «Вечерах...» можно выделить разнородных голоса: голоса повествователей и голос автора. Рассказчики, проживающие в «провинциальной “хуторянской” захолустье»²⁶⁴, часто наивно верят в чудеса и темную силу, что отличает их от «большого света», в котором находится сам автор. Гоголь адресует свою книгу к столичной читающей публике, которая может не принять происходящее за реальность, но насладиться загадочностью народного колорита и юмором персонажей.

Книга А.С. Пушкина «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» была опубликована в 1831 году. Писатель включил в предисловие к сборнику подробные биографические сведения о Белкине, описывая его «образ жизни, занятия, нрав и наружность»²⁶⁵. Согласно сведениям, полученным издателем А.П. от знакомого покойного Белкина, этот мелкий горюхинский помещик родился от «честных и благородных родителей» и был человеком «слабым и бесхозяйственным, но кротким и честным»²⁶⁶. Пять рассказов, составляющих сборник, не плод вымысла покойного Белкина: они, по словам почтенного помещика из села Ненарадово, «большую часть справедливы и слышаны им от разных особ»²⁶⁷. В примечаниях от издателя Пушкин указывает на источники этих историй: «“Смотритель” рассказан был ему титулярным советником А.Г.Н., “Выстрел” подполковником И.Л.П., “Гробовщик” приказчиком Б.В., “Метель” и “Барышня” девицею К.И.Т.»²⁶⁸. Вопрос о прочтении фигуры Белкина и его повествовательной функции уже давно вызывает поляризацию мнений исследователей в литературоведческой критике: «На одном полюсе в решении этой проблемы Белкин признан всего

²⁶⁴ Виноградов В.В. Язык Гоголя // Виноградов В.В. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя: Избранные труды. М.: Наука, 1990. С. 276.

²⁶⁵ Пушкин А.С. Повести покойного Ивана Петровича Белкина // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. Л.: Наука, 1978. С. 57.

²⁶⁶ Там же. С. 55–56.

²⁶⁷ Там же. С. 56.

²⁶⁸ Там же.

только “композиционной фикцией”, противоположной тенденцией является материализация Белкина в “тип” и “характер”»²⁶⁹. С.Г. Бочаров объясняет эту поляризацию «реальной двойственностью пушкинского Белкина»²⁷⁰. Согласно его точке зрения, Белкин представляет собой незаменимого посредника в пушкинской прозе между «автором и миром живых эмпирических лиц (персонажей и простых бытовых рассказчиков повестей)»²⁷¹.

Несмотря на то, что это сборник повестей Пушкина также построена циклической структурой с помощью фикционального автора от лица И.П. Белкина, тем не менее, она отличается от ряда других сборников в плане повествования. Это различие обусловлено тематическими особенностями: в произведениях Н.В. Гоголя, В.Ф. Одоевского (о нем мы обсудим далее) и других романтиков-прозаиков фантастика играет доминирующую роль и отчетливо прослеживаются колебания между реальностью и иллюзией, а пушкинский сборник повестей фокусируется на описании реалистических ситуаций из жизни простых людей. Как отмечает В.И. Коровин, «Пушкин стремился уверить, что все рассказанное в “Повестях Белкина” – это истинные истории, вовсе не выдуманные, а взятые из реальной жизни»²⁷². А фантастический элемент присутствует только в одной из повестей – «Гробовщик», где через гротесковый элемент «необъявленного сна»²⁷³ герой Адриан Прохоров осознает свой скрытый грех.

Сборник повестей князя В.Ф. Одоевского «Пестрые сказки» (1833), согласно мнению М.А. Турьяна, который включает в себя «образцы философского гротеска, социально-нравоучительного рассказа, фольклорной,

²⁶⁹ Бочаров С.Г. Пушкин и Белкин // Бочаров С.Г. Поэтика Пушкина: очерки. М.: Наука, 1974. С. 131.

²⁷⁰ Там же. С. 132.

²⁷¹ Там же. С. 145.

²⁷² Коровин В.И. Лелеющая душу гуманность: О некоторых гранях пушкинского гуманизма. М.: Дет. лит., 1982. С. 94.

²⁷³ Бочаров С.Г. О смысле «Гробовщика» // Бочаров С.Г. О художественных мирах. М.: Наука, 1985. С. 66.

“бытовой”, “психологической” фантастики»²⁷⁴, и является одним из величайших шедевров философского романтизма. В этом сборнике фантастических повестей прослеживается соответствие литературным тенденциям эпохи, в частности использование характерных для того времени нарративных стратегий – циклической композиции и образа рассказчика. Книга Одоевского также построена на постоянном колебании между вымыслом и реальностью, однако отличается от других вышеупомянутых сборников фантастических рассказов своей аллегоричностью и «философским нарративом»²⁷⁵.

Предисловие к сборнику Одоевского состоит из двух частей: «От издателя» В. Безгласного и «От сочинителя» – Ирины Модестовича Гомозейко, который представлен как «магистр философии и член разных обществ»²⁷⁶. С точки зрения повествовательной структуры, Одоевский дополняет свои сказки автобиографической «хроникой» героя-рассказчика («Жизнь и похождения Илариона Модестовича Гомозейки»), явно вдохновленной «биографией» И.П. Белкина²⁷⁷. Такая структура позволяет придать повествователю индивидуальность: мы узнаем, что он «скромный и боязливый»²⁷⁸ ученый, любящий философию, что повышает доверие читателей к собирателю фантастических историй. Кроме того, подобно Пушкину, Одоевский использует цитату из «Недоросля» Фонвизина в качестве эпиграфа к предисловию «От издателя», а эпиграфом к «Сказке о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем» служит цитата из гоголевской «Ночи перед Рождеством», подписанная так: «Рудый Панько, в “Вечерах на хуторе”»²⁷⁹.

²⁷⁴ Турьян М.А. «Пестрые сказки» Владимира Одоевского // Одоевский В.Ф. Пестрые сказки / изд. подгот. М.А. Турьян. СПб.: Наука, 1996. С. 132.

²⁷⁵ Янушкевич А.С. «Пестрые сказки» В.Ф. Одоевского: становление философского нарратива в русской прозе // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. Новосибирск: Наука, 2008. С. 552–568.

²⁷⁶ Одоевский В.Ф. Пестрые сказки / изд. подгот. М.А. Турьян. СПб.: Наука, 1996. С. 5.

²⁷⁷ Турьян М.А. Указ. соч. С. 137.

²⁷⁸ Одоевский В.Ф. Указ. соч. С. 6.

²⁷⁹ Там же. С. 18.

В 1830-е годы жанр в фантастическом роде «вечера» получил дальнейшее развитие. По наблюдениям Дж. Страно, «...“вечера”, с вариациями времени, места и лиц (зимние и летние собрания юношей, друзей, солдат, разговоры у костра, камина, печки; вечерние застольные беседы) стереотипны для литературы эпохи романтизма»²⁸⁰. Эта схема находит яркое отражение не только в «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя, но и в книге М.Н. Загоскина «Вечер на Хопре» (1834).

У Гоголя в написанном от имени Рудого Панька предисловии читаем: «Как только окончатся работы в поле, мужик залезет отдыхать на всю зиму на печь, и наш брат припрячет своих пчел в темный погреб, когда ни журавлей на небе, ни груш на дереве не увидите более, тогда, только вечер, уже наверно где-нибудь в конце улицы брезжит огонек, смех и песни слышатся издалеча, бренчит балалайка, а подчас и скрипка, говор, шум... Это у нас вечерницы!»²⁸¹.

В книге Загоскина гости помещика Ивана Алексеевича Асанова, застрявшие в его усадьбе из-за сильного дождя, после ужина у камина обмениваются рассказами «о необыкновенных случаях в жизни, о привидениях, дьявольском наваждении»²⁸². Кроме того, готическая атмосфера «ужасов и тайн»²⁸³ пронизывает весь сборник: например, упоминание в предисловии романов А. Радклиф, использование мотива «ветра, дождя и непогоды»²⁸⁴, и мотива «могил в “Чёртовом Беремище”»²⁸⁵ и т.д. Эти элементы могут вызвать чувство страха у читателей.

В книге Загоскина первичный рассказчик выполняет обрамляющую функцию, подобно таким фигурам-повествователям, как Рудый Панько и

²⁸⁰ Страно Дж. Европейские и русские литературные источники в творческом процессе Гоголя (Гоголь и Чулков) // Гоголь как явление мировой литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 297.

²⁸¹ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 69.

²⁸² Загоскин М.Н. Вечер на Хопре // Загоскин М.Н. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1988. С. 296.

²⁸³ Вацуро В.Э. Готический роман в России. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 3.

²⁸⁴ Загоскин М.Н. Указ. соч. С. 297.

²⁸⁵ Там же. С. 291.

Фома Григорьевич у Гоголя или Антоний Погорельский (alter ego автора «Двойника») – все не сомневается в существование сверхъестественных явлениях. Во вступительной части он характеризует себя как «смертельного охотника до страшных историй»²⁸⁶, испытывающего от них «неизъяснимое удовольствие». Собирая и публикуя эти записки, он настаивает на их достоверности, подчеркивая: «Твердо и непоколебимо стою за истину моих рассказов». Наряду с основным повествователем присутствуют вторичные рассказчики – хозяин усадьбы Асанов и его гость Кольчугин. Асанов как центральная фигура в ведении беседы, преимущественно обращается к рассказам «обо всем том, что не могло быть истолковано естественным образом»²⁸⁷. Вторым значимым персонажем-рассказчиком является Кольчугин, который придерживается традиционных верований, основанных на опыте предков: «Чему верили отцы наши, деды, тому и мы верим»²⁸⁸. Асанов рассказывает историю под названием «Ночной поезд», Кольчугин выступает с рассказами «Пан Твардовский» и «Неожиданные гости». В «Вечерах на Хопре», как и в «Двойнике» Антония Погорельского, возникает спор о реальном и ирреальном, воспринимаемом и непознаваемом. Н.В. Измайлов писал об этом: «Колебания автора, рассказчиков и слушателей между верою в чудесное, в “сродство душ” и в сверхъестественные явления выражаются в спорах, возникающих по поводу рассказов и остающихся неразрешенными»²⁸⁹. Представителями скептиков-рассказчиков являются Заруцкий («Белое привидение») и Черемухин («Концерт бесов») – они настаивают, что за каждым мистическим явлением скрывается логичное объяснение, и для них эти страшные истории всего лишь «сказки и бредни»²⁹⁰.

²⁸⁶ Там же. С. 284.

²⁸⁷ Там же. С. 296.

²⁸⁸ Там же. С. 298.

²⁸⁹ Измайлов Н.В. Фантастическая повесть // Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра. Л.: Наука, 1973. С. 149.

²⁹⁰ Загоскин М.Н. Указ. соч. С. 291.

Итак, анализируя художественную функцию образа вымышленных повествователей в русской фантастической прозе 1820–1830-х годов XIX века, мы приходим к выводу, что в творчестве Антония Погорельского, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, В.Ф. Одоевского, М.Н. Загоскина под влиянием литературных и фольклорных традиций прослеживается явная тенденция к рамочной конструкции, где рассказчик выступает в качестве важного циклообразующего элемента. Кроме того, взаимодействие между автором и читателем в рамках фантастического нарратива является многоуровневым. На примере гоголевского сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки» особенно хорошо видно, что как издатель, так и персонажи-рассказчики выступают в качестве связующих звеньев между реальностью и вымыслом, автором и реципиентом. Их роль заключается в создании атмосферы таинственности и загадочности происходящего. При этом именно на персонажа-рассказчика возлагается функция подтверждения достоверности рассказа о сверхъестественных событиях.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Типологические аспекты фантастики и демонологии в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»: Н.В. Гоголь и Пу Сунлин

3.1. Пу Сунлин и его «энциклопедия сверхъестественного»: «Рассказы Ляо Чжая о необычайном»

Пу Сунлин (1640–1715) – выдающийся китайский писатель (новеллист, поэт, драматург), живший на рубеже правления двух династий – Мин и маньчжурской династии Цин. Он происходил из уезда Цзычуань (淄川) в провинции Шаньдун (山东) и получил традиционное конфуцианское образование, однако его официальная карьера не была успешной. Несмотря на неоднократные попытки, ему не удалось сдать государственные экзамены, что вынудило его посвятить себя службе в качестве секретаря при высокопоставленных чиновниках, а также частной преподавательской деятельности.

Известность Пу Сунлин приобрел благодаря своему сборнику «Рассказы Ляо Чжая о необычайном» (кит. «聊斋志异»; рус. «Ляо Чжай чжи и»), который считается одной из вершин китайской классической литературы. В нем собраны рассказы в жанре *сяошо* (лаконичные новеллы с динамичным фантастическим сюжетом), написанные на *вэньяне* (официальном литературном языке). В состав сборника входят 498 новелл, разделяемых на четыре тематические части: «Лисьи чары», «Монахи-волшебники», «Странные истории» и «Рассказы о людях необычайных». Господин «Ляо Чжай» («Хозяин кабинета неудачника» – в переводе В.М. Алексеева) является повествовательной маской, под которой скрывается сам Пу Сунлин.

В сборнике фантастических новелл Пу Сунлина изображается жизнь простых людей на рубеже XVII–XVIII столетий, рассказывается об их

радостях и горестях, описываются детали быта и одежды, народные верования, чиновничье устройство, иерархия семейных отношений и мн. др. Тематика сборника значительно богаче и разнообразнее, чем у предшественников Пу Сунлина, охватывая религиозные мотивы, проблемы любви, а также темы, связанные с императорскими экзаменами и другими аспектами китайской культуры. Можно сказать, что цикл «Рассказов Ляо Чжая...» охватывает практически все аспекты жизни крестьян, ремесленников, бродячих фокусников, монахов, торговцев и чиновников в феодальном Китае эпохи Цин, давая исчерпывающие описания жизни народа в городах, деревнях, семьях и обществе. В отличие от фантастических новелл предшественников, творчество Пу Сунлина было уже зрелой стадией сознательного литературного творчества, в центре которого лежали взаимоотношения между человеком и сверхъестественными силами.

Первое рукописное собрание новелл Пу Сунлина датируется 1679 годом, однако общенациональное признание произведение получило лишь после публикации 16-томного издания под редакцией *Чжао Цигао* (赵起杲) и *Бао Тинбо* (鲍廷博) в 1766 году²⁹¹. «Рассказы Ляо Чжая о необычайном» занимают особое место в китайской литературе, сохраняя неизменную популярность на протяжении столетий. Произведение неоднократно переиздавалось и продолжает публиковаться в Китае, а отдельные новеллы, такие как «Разрисованная кожа» («画皮») и «Смешливая Иннин» («婴宁»), вошли в обязательную школьную программу. Многие рассказы из этого сборника были экранизированы (есть и отдельные фильмы, и телесериалы).

Творчество Пу Сунлина получило и мировое признание. Уже с середины XVIII века его новеллы переводились на европейские языки. По современным данным, «Рассказы Ляо Чжая...» переведены более чем на 20 языков, включая

²⁹¹ Устин П.М. Новеллы Пу Сунлина // Литература Востока в новое время. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. С. 449.

английский, французский, русский, немецкий, итальянский, японский и корейский.

На русский язык произведения Пу Сунлин переводятся с начала XX века²⁹², он является одним из немногих китайских писателей, которых часто издавали и переиздавали в советское время и издают до сих пор. Известный русский синолог Василий Михайлович Алексеев (1881–1951) работал над переводом произведений Пу Сунлина с 1920-х годов, были опубликованы четыре книги – «Лисьи чары» (1922), «Монахи волшебники» (1923), «Странные истории» (1928), «Рассказы о людях необычайных» (1937)²⁹³.

В дополнение к переводам Алексеева, во второй половине XX века также появились переводы, выполненные другими российскими китаеводами, в частности, А.А. Файнгаром, П.М. Устиным²⁹⁴. Есть и уже довольно значительная по объему научная литература о Пу Сунлине на русском языке, особого внимания заслуживает монография П.М. Устина²⁹⁵.

Среди русских читателей фантастические новеллы Пу Сунлина в переводах В.М. Алексеева пользовались большой популярностью и неоднократно переиздавались. Наиболее полные издания – «Рассказы Ляо Чжая о необычайном» (1988), «Странные истории из Кабинета Неудачника» (2000) и «Странные истории Ляо Чжая» (2018)²⁹⁶.

²⁹² Первый русский перевод: Повести из сборника «Ляо-джай-джи-и» / Перевел с кит. А.И. Иванов. СПб.: Сенатская тип., 1909. С. 48–66. (Отд. оттиск = Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Имп. Русского географического общества. Т. 10. Вып. 1–2. СПб., 1907).

²⁹³ *Пу Сун-лин*. Лисьи чары. Избранные рассказы Ляо Чжая. Из сборника странных рассказов Пу Сун-лина (Ляо Чжай Чжи И) / Пер. и предисл. В.М. Алексеева. Пг.: Гос. изд-во, 1922; *Ляо Чжай*. Монахи волшебники. Из сборника странных рассказов Пу Сунлина (Ляо Чжай Чжи И); Пер. и предисл. В.М. Алексеева. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923; *Пу Сун-Лин*. Странные истории; Пер. и предисл. В.М. Алексеева. Л.: Мысль, 1928; *Пу Сун-Лин*. Рассказы о людях необычайных: Из серии новелл «Ляо-Чжай Чжи-и»; Пер., предисл. и комментарии акад. В.М. Алексеева. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1937.

²⁹⁴ *Пу Сун-лин*. Новеллы / Пер. с кит. П.М. Устина и А.А. Файнгара. Под ред. Л.Д. Позднеевой. Предисл. П.М. Устина. М.: Худож. лит., 1961.

²⁹⁵ *Устин П.М.* Пу Сунлин и его новеллы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.

²⁹⁶ *Пу Сун-лин*. Рассказы Ляо Чжая о необычайном / В пер. с кит. В.М. Алексеева. Состав с науч. подготовкой М.В. Баньковской. М.: Худож. лит., 1988; *Пу Сун-лин*. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай чжи и) / Пер. с кит., предисл., статья, коммент. акад.

Однако следует отметить, что из 498 новелл, составляющих произведение китайского классика, В.М. Алексеев перевел менее трети – 156 новелл²⁹⁷. В настоящее время ведется масштабная работа по созданию первого полного русского издания «Ляо Чжай чжи и (Странные истории из Кабинета Неудачника)» в 7 томах (12 цзюанях; кит. 卷 – «часть», «том»). Этот проект осуществляется под руководством профессора А.Г. Сторожука, заведующего кафедрой китайской филологии Восточного факультета СПбГУ. Первый том (цзюань 1–2) увидел свет в 2022 году, за ним последовал второй том (цзюань 3–4) в 2023 году, и третий том (цзюань 5–6) вышел в 2025 году²⁹⁸.

Следует отметить, в русских изданиях встречаются разные варианты названия сборника: «Рассказы Ляо Чжая о необычайном», «Странные истории из Кабинета Неудачника» и «Странные истории Ляо Чжая». Среди них наиболее адекватным и уже привычным для русскоязычных читателей является вариант «Рассказы Ляо Чжая о необычайном» (сокр. «Рассказы Ляо Чжая...»). В дальнейшем мы будем использовать именно это название для обозначения интересующего нас сборника Пу Сунлина.

Говоря о жанровой специфике его новелл, знаменитый китайский писатель Лу Синь заметил, что «в “Рассказах Ляо Чжая о необычайном” одновременно соединяются два традиционных китайских литературных жанра: «необычные случаи» (чжигуай, 志怪) и «передавать необычайное» (чуаньци, 传奇)»²⁹⁹. В контексте жанра «чжигуай» особенно выделяется содержание новелл Пу

В.М. Алексеева. Сост., подгот. текста, послесл. М.В. Баньковской. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000; *Пу Сунлин*. Странные истории Ляо Чжая / Пер. с кит. В.М. Алексеева. Под ред. Б.Л. Рифтина. М.: Восточная литература, 2018.

²⁹⁷ См.: *Сторожук А.Г.* Литературное наследие Пу Сун-лина и его переводы на русский язык // Пу Сун-лин. Ляо Чжай чжи и (Странные истории из Кабинета Неудачника): Полное собрание в 12 цзюанях: В 7 т. Т. 1. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. С. 31.

²⁹⁸ Пу Сун-лин. Ляо Чжай чжи и (Странные истории из Кабинета Неудачника): Полное собрание в 12 цзюанях: В 7 т. Т. 1–3 / Сост. А.Г. Сторожук, отв. и науч. ред. Д.И. Маяцкий, переводы В.М. Алексеева и А.Г. Сторожука. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022–2025. (Т. 1. 2022. 568 с.; Т. 2. 2023. 628 с.; Т. 3. 2025. 604 с.).

²⁹⁹ 鲁迅. 中国小说史略. 上海: 上海古籍出版社, 1998. 147页. [Лу Синь. Очерк истории китайской новеллы. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1998. С. 147.] (На кит. яз.).

Сунлина, посвященных сверхъестественным явлениям. Автор сохраняет поэтику фантастической прозы дотанского периода и придает своим произведениям характер «документальной записи», что отмечает и сам в своем предисловии к сборнику: «才非干宝，雅爱搜神»³⁰⁰ (перевод В.М. Алексеева: «Талантом я не схож с былым Гань Бао, но страсть люблю, как он, искать бесплотных духов»³⁰¹). Стоит отметить, что название всех фантастических новелл, рассказывающих о встречах человека со сверхъестественными силами, объединяет одно – весьма четкая жанровая принадлежность, позволяющая утверждать, что они в первую очередь ассоциируются с формой биографий или записок. И.В. Кошелева пишет в своей монографии: «Пу Сунлин изначально тоже хотел продолжить эту сложившуюся веками традицию жанровых “трафаретов” и назвать свой сборник “Жизнеописания лисиц и бесов”, но вместо того, чтобы вводить наименования жанра в названия новелл, как это уже делали его предшественники, он обозначил жанровую природу рассказов нейтрально – “чжи и” («описание чудесного»)³⁰².

Ляочжаевские лаконичные рассказы соответствуют всем жанровым характеристикам новеллы, определенным Е.М. Мелетинским: «лаконичность, структурная интенсивность, концентрация различных ассоциаций, использование символов, неожиданная или необычная концовка»³⁰³. Знаменитый востоковед Н.И. Конрад подчеркивал: «Пу Сунлин работал именно в жанре “явэньсяошо” (雅文小说), т. е. “художественные повести”, в них прослеживается явное сочетание элегантного (стиль канонической китайской литературы) слога (явэнь) и повествовательного (в смысле фантазий

³⁰⁰ 蒲松龄. 聊斋志异 / 刘天池注. 孙海通, 刘天池译 (一). 北京: 中华书局, 2015. 8 页. [Пу Сунлин. Ляо Чжай Чжи И / Комментарии Лю Тяньчи, перевод Сунь Хайтуна и Лю Тяньчи) Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2015. Т. 1. С. 8.] (На кит. яз.).

³⁰¹ Алексеев В.М. Предисловие переводчика // Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая о необычайном. М.: Худож. лит., 1988. С. 16.

³⁰² Кошелева И.В. Поэтика, стилистика и особенности перевода сборника Пу Сунлина «Рассказы Ляо Чжая о Необычайном». Харьков, 2007. С. 10.

³⁰³ Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. М.: Наука, 1990. С. 4

и вымысла) сюжета (*сяошо*)»³⁰⁴. Лаконичные новеллы с динамичными фантастическими сюжетами у Пу Сунлина характеризуются сжатостью и интенсивностью. Писатель старается избавиться от лишних приукрашиваний, подробных описаний, лирических отступлений и т. п., при этом экономия литературных средств не производит никакого ущерба художественной выразительности самого произведения. Пу Сунлин особенно усиливает значение каждого своего слова и каждой синтаксической конструкции. Н.И. Конрад справедливо отметил: «Взамен повести экстенсивной он дает повесть интенсивную. Сжатости стилистически-формальной отвечает концентрированность повествования. Интенсифицирование рассказа на узком пространстве простого предложения находит себе соответствие в исполненной силы немногочисленности «*гуюй*» (古语)»³⁰⁵. С точки зрения В.Ф. Сорокина и Л.З. Эйдлина, ценность повестей Пу Сунлина не сводится к содержащейся в них сатире. Есть неподражаемые образцы его творчества, такие как увлекательное построение фабулы, неисчерпаемое разнообразие ситуаций и красочные описания³⁰⁶. А по замечанию знаменитого немецкого синоведа В. Грубе, записки «Ляо Чжая» полны фантастики и юмора и напоминают немецким читателям сказки Гофмана³⁰⁷.

Пу Сунлин был одним из первых китайских писателей, заинтересовавших иностранных синоведа и переводчиков. Его фантастические рассказы стали образцом для многих поклонников «изящного слога» и материалом для изучения китайского языка.

Со времен династии Сун (960–1279 гг.) в Китае параллельно существовали два литературных языка: литературный язык *вэньянь* (文言) и простонародный язык *байхуа* (白话). На *вэньяне* создавалась философская проза, писались

³⁰⁴ Конрад Н.И. Рецензия на «Рассказы Ляо Чжая» // Конрад Н.И. Избранные труды. Синология. М.: Наука, 1977. С. 598.

³⁰⁵ См.: Конрад Н.И. Указ. соч. С. 599.

³⁰⁶ См.: Сорокин В.Ф., Эйдлин Л.З. Китайская литература. М.: Вост. лит., 1962. С. 82.

³⁰⁷ См.: Grube W. Geschichte der chinesischen Litteratur. Leipzig: C. F. Amelangs Verlag, 1902. S. 450.

новеллы; он использовался в области науки, техники и политики; династические истории, медицинские трактаты, религиозная литература – всё это было написано на лаконичном языке *вэньянь*. Простонародный язык *байхуа* был языком живого общения между людьми и языком городских повестей, рассказов и драмы. *Вэньянь* обладает особой лаконичностью, используемой в классической литературе, содержащей вдвое меньше иероглифов, чем современный китайский язык *байхуа*.

Пу Сунлин мастерски использовал изысканный литературный язык *вэньянь* в самых сложных и необычных контекстах, что является достаточным условием для того, чтобы «Рассказы Ляо Чжай...» получили столь единодушное признание. Среди синологов общеизвестно, что литература в Китае воспринимается как неотъемлемая часть всеобъемлющего понятия «*вэнь*» (文) (приблизительно означающего «просвещение, культура, цивилизация»).

Когда речь идет о наиболее ярких и востребованных образах в творчестве Пу Сунлина, то обычно вспоминают его чудесные новеллы о бесах, оборотнях, лисицах, небесных посланцах и т. д. Следует отметить, именно образ лисиц становится центром системы персонажей многих историй. Существует множество рассказов, в которых студенты встречают свою любовь с лисицами-оборотнями, воплощающих образ красивой девушки. Лисы, описанные в произведениях Пу Сунлина, представлены во всем своем разнообразии и красочности³⁰⁸ (об образе лисицы-оборотня подробнее см. ниже в разделе 3.4 нашей работы).

Однако в сборнике представлены не только истории о лисах, живых мертвецах или опасных подземных чудовищах. Значительная часть рассказов вовсе не содержит историй о призраках или оборотнях, зато в книгу вошло большое количество детективных новелл о судебных расследованиях

³⁰⁸ См.: 李剑国. 中国狐文化. 北京: 人民文学出版社, 2000. 295–311 页. [Ли Цзианьго. Образ «лисы» в китайской культуре, Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2002. С. 295–311.] (На кит. яз.).

(например, «Приговор на основании стихов» («诗讞»), «Тайюаньское дело» («太原狱»), «Синьчжэньское дело» («新郑狱») и др.); есть и краткие рассказы бытового характера, обучающее честности, услужливости, трудолюбию и т.д., с философскими замечаниями или аллегориями («Волк» («狼»), «Беседы зрачков» («瞳人语»), «Даос с гор Лао» («崂山道士») и пр.); в некоторых рассказах разоблачается коррупция и различные недостатки имперской системы экзаменов («Что видел пьяный Ван Цзы-ань» («王子安»), «Министр литературного просвещения» («司文郎»), «Студент Е» («叶生») и др.).

Пу Сунлин совмещает фантастику с социально-сатирическим пафосом. С нашей точки зрения, причиной этому является не только возмущение автора от жестокости маньчжурских завоевателей, но и его разочарование в системе схоластического образования (стиль «багу» (八股文) – особая форма восьмичленного сочинения), тяготами экзаменационной системы *кэцзюй* (科举考试制度). Критика маньчжуров для писателя неотделима от критики конфуцианства с его экзаменационной системой. Он сам был в этой экзаменационной системе и чувствовал, как схоластика и догматизм навязывались образованию, как студентов превращали в педантов и зануд, лишенных чувства изящного и здравого смысла. Насмешки Пу Сунлина над вершителями их судеб – экзаменаторами, властолюбивыми невеждами и профессионалами – развенчивают легенду о китайском «ученом классе» его времени. В таких новеллах, как «Змея, краб и жаба» («三仙») и «Голодный черт» («饿鬼»), раскрывается сатирическое дарование писателя. Немало пусунлиновских повестей посвящено теме, обличению коррупции, особенно бюрократам и взяточникам в феодальном Китае эпохи Цин. Такие новеллы, как «Неудача честного Чжан Хунцзяня» («张鸿渐»), «Красная яшма» («红玉»), «Лис из Вэйшуя» («潍水狐»), написаны именно на эту тему.

О.Л. Фишман указывает на то, что в своих фантастических новеллах Пу Сунлин критикует не только феодальный строй и его учреждения, но и в целом

суеверия и догмы, сковывающие человеческую личность³⁰⁹. Несмотря на то что ведется дискуссия об отношении Пу Сунлина к маньчжурской монархии, по мнению П.М. Устина, господин Ляо Чжай был настоящим патриотическим обличителем³¹⁰. В те годы, когда Пу Сунлин входил в литературу, общественная обстановка не очень располагала к творчеству. В то время существовала строгая система цензуры, репрессий и «тюрьмы письменности» (文字狱), что затрудняло издание. Однако многие писатели, в том числе и Пу Сунлин, продолжали работать над созданием объективной истории страны, писали книги, разоблачающие маньчжурский строй. Им приходилось прибегать к скрытым аналогиям, иносказаниям и символическим образам, чтобы выразить свое отношение к поработителям. Так, в новеллах Пу Сунлина «Ересь Белого Лотоса («白蓮教»), «Дева Гунсунь Девятая» («公孙九娘») обличается жестокость подавления восстания крестьян маньчжурскими правителями, изображаются зверские казни. В новелле «Дева Гунсунь Девятая» рассказана романтическая история о любви между студентом из уезда Лайян и превратившейся в бесплотного духа казненной девушки по имени Гунсунь Девятая. Автор делает вид, что его интересует только история о любви, свиданий вслепую и браков между живым человеком и бесприютным духом. Но в жалости, которую вызывают эти опустошенные души, заметно личное отношение автора к казненным. В начале рассказа представлен трагический эпизод, предвещающий появление главных героев – «Кровью нефритной исполнен дол, белые кости свод неба подпёрли. Тут высший чин в милосердии-жалости подал-пожертвовал им на гробы, и город Цзинань – мастерские да рынки – гробами как есть опустел подчистую. По этой причине казнили кого из восточных чертей, – всё в южных предместьях тогда

³⁰⁹ См.: *Фишман О.Л.* Китайский сатирический роман (эпоха Просвещения) // *Литературный мир средневекового Китая*. М.: Восточная лит., 2006. С. 418.

³¹⁰ *Устин П.М.* Пу Сунлин – обличитель // *Устин. П.М. Пу Сунлин и его новеллы*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 33–78.

хоронили»³¹¹. Хотя в новелле описывается любовная история, намерение писателя заключалось в том, чтобы написать элегию огромному количеству людей, несправедливо погибших во время разгрома восстания Юя Седьмого (于七起义). Сказочная повествовательная форма, маскирующая идею новеллиста, – своеобразное средство, с помощью которого он может говорить на самые острые социально-политические темы. На самом деле «вторичное» (трагическое прошлое героев) первично, а «первичное» (любовное взаимодействие) вторично.

³¹¹ *Пу Сун-лин. Дева Гунсунь Девятая // Ляо Чжай чжи и (Странные истории из Кабинета Неудачника): Полное собрание в 12 цзюанях: В 7 т. Т. 2 / Сост. А.Г. Сторожук, отв. и науч. ред. Д.И. Маяцкий, переводы В.М. Алексеева и А.Г. Сторожука. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2023. С. 407–409.*

3.2. Вымышленные повествователи и фольклорные истоки фантастического

Вымышленные повествователи

Первая книга Гоголя и сборник Пу Сунлина имеют целый ряд сходных особенностей, как будто лежащих на поверхности. Сразу можно отметить следующие: для обоих писателей характерны широкое использование фольклорного материала (наряду с литературным), интерес к фантастическим и демонологическим элементам, а также выразительное описание бытовых сцен – все эти яркие черты служат предварительной мотивацией для типологического сопоставительного анализа творчества русского и китайского классиков.

И в книге «Вечера на хуторе близ Диканьки», и в сборнике «Рассказы Ляо Чжая о необычайном» присутствуют персонажи-рассказчики, чья главная задача – представить зрителям или читателям свою версию страшную историю. Рассказчики у Гоголя и Пу Сунлина выступают как связующее звено между реальностью и фантастикой, и их роль заключается в создании атмосферы таинственности и загадочности происходящего. В творчестве Гоголя и Пу Сунлина такие рассказчики обнаруживают сходство в подходе к созданию образов, что объясняется как спецификой фантастической литературы, так и стремлением писателей к объединению реальности и вымысла в одном тексте.

Уникальная структура «Вечеров на хуторе близ Диканьки» как сборника повестей позволяет каждому произведению быть самостоятельным в повествовании, однако это не означает, что они просто механически соединены. В них существует множество внутренних связей и смысловых переплетений, которые придают им эстетическую гармоничность и единство в целом, а также отражают уникальный творческий стиль романтика.

По высказыванию Н.Л. Степанова, «основным художественным принципом повествования в “Вечерах...” является “сказ”: передача событий

от лица рассказчика. Автор как бы перелагает ответственность за достоверность и характер рассказа на то лицо, которое выступает в роли повествователя»³¹². По мнению В.В. Гиппиуса, «с большой вероятностью Гоголю, как и Пушкину образ рассказчика пасечник Рудый Панько именно нужен для создания колорита “подлинности” рассказанных происшествий»³¹³. Книгу как создал и опубликовал «пасечник Рудый Панько», который является не только рассказчиком и вымышленным «издателем» сказок, но и гостеприимным хозяином. Когда речь идет о названии гоголевского сборника, то обнаружены два значительных компонента – романтическая ориентация «вечера» или «ночи» и реальный географический пункт – «Диканьский хутор». Художественный мир, который подразумевается названием, ограничен четкой границей времени и пространства, и Гоголь, казалось бы, не стремится создавать более широкий мир вне хутора Диканьки. Однако созданная им система рассказчиков нарушает эту пространственно-временную замкнутость. Об этом пишет Ю.В. Манн: «Мир “Вечеров” не един; он двоится, троится, что отражено уже во множественности рассказчиков»³¹⁴. Действительно, в повестях сборника присутствует не менее пяти рассказчиков, каждый из них имеет свое собственное мирозерцание и уникальный стиль повествования. И с их помощью границы хутора расширяются до пределов вселенной.

Главный рассказчик – гостеприимный хуторянин пасечник Рудый Панько, чьим именем Гоголь подписал «Вечера...», так что формально ему принадлежит авторство. Он также представляется собирателем всех страшных историй: «Но нигде, может быть, не было рассказываемо столько диговин, как на вечерах у пасичника Рудого Панька»³¹⁵; «Пусть лучше, как доживу, если даст Бог, до Нового году и выпущу другую книжку, тогда можно будет

³¹² Степанов Н.Л. Вечера на хуторе близ Диканьки // Степанов Н.Л. Н.В. Гоголь: Творческий путь. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1959. С. 79.

³¹³ Гиппиус В.В. Творческий путь Гоголя // Гиппиус В.В. От Пушкина до Блока. М., Л.: Наука, 1966. С. 62.

³¹⁴ Манн Ю.В. Поэтика русского романтизма. М.: Наука, 1995. С. 335.

³¹⁵ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 70.

постращать выходцами с того света и дивами, какие творились в старину, в православной стороне нашей. Меж ними статья может, найдете побасенки самого пасичника, какие рассказывал он своим внукам. Лишь бы слушали, да читали, а у меня, пожалуй, лень только проклятая рыться, наберется и на десять таких книжек»³¹⁶.

Необходимо отметить, что воображаемый издатель не изолирует себя от сельского коллектива. Гоголь утверждает его художественно-эстетическую функцию в композиционном построении повестей. Сами «предисловия» написаны от лица «рассказчика» пасечника и являются своеобразной композиционной рамкой произведения, имитирующей живые разговорные слова. Они определяют идейную и художественную тональность всех восьми повестей, их бытовую и языковую достоверность, и без них целостность и единство всей книги разрушились бы. Н.Л. Степанов так пишет в своей монографии: «Читая эти предисловия, не только чуешь знакомый склад речей, слышишь родную интонацию разговоров, но видишь лица собеседников и обоняешь напитанную запахом пирогов со сметаной или благоуханием сотов атмосферу, в которой жили эти прототипы гоголевской фантазии»³¹⁷. Он не только представляет Диканьку и ее хуторян воображаемыми потенциальными читателями, но и становится своеобразным связующим звеном между рассказом и остальными рассказчиками, а во всех последующих повестях он сам не появляется как персонаж или рассказчик.

Второе связующее звено в «Вечерах» – дьячок Фома Григорьевич, любимый и почитаемый селянами. Он лихой запорожец, который в истории своей жизни как бы соединяет прошлое и настоящее, быль и небыль. На него Рудый Панько ссылается как на лицо авторитетное не только в Диканьке: «Вот, например, знаете ли вы дьяка Диканьской церкви, Фому Григорьевича? Эх, голова! Что за истории умел он отпускать! Две из них найдете в этой книжке. Он никогда не носил пестрядевого халата, какой встретите вы на многих

³¹⁶ Там же. С. 71.

³¹⁷ Степанов Н.Л. Указ. соч. С. 82.

деревенских дьячках; но заходите к нему и в будни, он вас всегда примет в тонком суконном балахоне, цвету застуженного картофельного киселя, за которое платил он в Полтаве чуть не по шести рублей за аршин. От сапог его, у нас никто не скажет на целом хуторе, чтобы слышен был запах дегтя; но всякому известно, что он чистил их самым лучшим смальцем, какого, думаю, с радостью иной мужик положил бы себе в кашу. Никто не скажет также, чтобы он когда-либо утирал нос полою своего балахона, как то делают иные люди его звания; но вынимал из пазухи опрятно сложенный, белый платок, вышитый по всем краям красными нитками, и, исправивши что следует, складывал его снова, по обыкновению, в двенадцатую долю, и прятал в пазуху»³¹⁸. В предисловии ко второй части сборника, пасечник пишет: «вот вам в пример Фома Григорьевич; кажется, и не знатный человек, а посмотреть на него: в лице какая-то важность сияет, даже когда станет нюхать табак, и тогда чувствуешь невольное почтение. В церкви, когда запоет на крылосе – умиление неизобразимое! растаял бы, казалось, весь!»³¹⁹. Три рассказа его отличаются дистанцией между временем повествования и временем разворачивания событий, а также вовлеченностью самого рассказчика в события. Например, в «Вечере накануне Ивана Купалы» и «Пропавшей грамоте» рассказчик пересказывает то, что слышал от старого деда, а в «Заколдованном месте» он уже сам является очевидцем событий.

Особое внимание в книге уделено и еще одному рассказчику – старому деду Фомы Григорьевича. Сам Фома Григорьевич полагается именно на авторитет деда, который «в жизнь свою он никогда не лгал»³²⁰. Так как все рассказчики страшных историй высоко ценят прошлое, в подтверждение значимости бывшего они предпочитают ссылаться на дорогие их сердцу истории, рассказанные дедами. В «Вечере накануне Ивана Купалы» повествователи

³¹⁸ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 70.

³¹⁹ Там же. С. 146.

³²⁰ Там же. С. 100.

чередуются и связаны между собой: сначала это Фома Григорьевич, о котором говорит Рудый Панько, а затем дед, о котором рассказывает Фома Григорьевич.

На противопоставлении Фоме Григорьевичу строится характеристика другого повествователя – Макара Назаровича, приезжего из Полтавы. Он, безусловно, относится к чужеродному для жителей Диканьки миру. Читателям известно прозвище, которое полтавский гость получил в Диканьке: «панич в гороховом кафтане». Такое прозвище возникло не случайно – оно указывает на ироничное отношение автора-издателя и первого рассказчика к этому персонажу. Например: «А один из гостей... Ну, тот уже был такой панич, что хоть сейчас нарядить в заседатели или подкомории. Бывало, поставит перед собою палец и, глядя на конец его, пойдет рассказывать – вычурно, да хитро, как в печатных книжках! Иной раз слушаешь, слушаешь, да и раздумье нападет. Ничего, хоть убей, не понимаешь. Откуда он слов понабрался таких! Фома Григорьевич раз ему насчет этого славную сплел присказку...»³²¹. В первой части сборника ему принадлежат две повести – «Сорочинская ярмарка» и «Майская ночь, или Утопленница».

Помимо главной группы повествователей, есть еще группа другого рода – вспомогательная: принадлежащие к этой группе персонажи лишь ненадолго становятся рассказчиками, включаются в сюжет и являются прямыми или косвенными свидетелями. Важно, что они выполняют такие функции, как передача информации и подтверждение подлинности событий. Например, в «Сорочинской ярмарке» о красной свитке рассказывает кум. В «Вечере накануне Ивана Купала» о красоте Пидорки рассказывает тетка покойного деда, о судьбе ее – приезжий казак. В «Майской ночи» – рассказ об утопленнице и ее мачехе-ведьме принадлежит Левко, главному герою повести.

И Гоголь, и Пу Сунлин в своих страшных фантастических историях с персонажами из народной демонологии уделяли особое внимание подтверждению подлинности этих историй, якобы пересказываемых со слов

³²¹ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 70.

их участников и очевидцев. В повестях из «Вечеров на хуторе близ Диканьки» фантастические события и явления представляются как якобы реально пережитые их героями, а не рассказанные с чужих слов или вычитанные из книг, т.е. представляются в контексте их собственного опыта, хотя и последний нередко получает ироническое освещение от автора, скрывающегося за своим повествователем (Рудым Панько). своим рассказчиками. Так, в «Сорочинской ярмарке», когда распространились слухи о красной свитке, «все считали преступлением не верить, спокойствие разрушилось, и страх мешал всякому сомкнуть глаза свои; а те, которые были не совсем храброго десятка и запаслись ночлегами в избах, убрались домой»³²². В «Вечере накануне Ивана Купала» подчеркиваются честность и авторитетность рассказчика: «Но главное в рассказах деда было то, что в жизнь свою он никогда не лгал, и что, бывало, ни скажет, то именно так и было»³²³. В первой редакции этой повести – «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала» – это утверждение рассказчика звучало еще более категорично: «Я готов голову отдать, если дед мой хоть один раз солгал в продолжение своей жизни»³²⁴.

После предисловий и в первой, и во второй части пасечник Рудый Панько представляет читателям словарики, в которых даны толкования малоизвестных слов: «На всякий случай, чтобы не помянули меня недобрым словом, выписываю сюда, по азбучному порядку, те слова, которые в книжке этой не всякому понятны»³²⁵. Представленные в словариках слова в основном являются диалектизмами, характерными для определенного типа людей, проживающих в определенной местности (малороссийской провинции), с

³²² Там же. С. 87.

³²³ Там же. С. 100.

³²⁴ Гоголь Н.В. Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала. Малороссийская повесть (из народного предания), рассказанная дьячком Покровской церкви // Отечественные Записки. 1830. Ч. 41. Февраль. № 118. С. 239.

³²⁵ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 72.

которой связаны не только повествователь (Рудый Панько), но и скрывающийся за ним Гоголь.

В рассказах Пу Сунлина, выступающего под повествовательной маской «Ляо Чжая», можно отметить сходные повествовательные стратегии, используемые для подтверждения подлинности описываемых фантастических событий. В большинстве его рассказов все события локализуются в пределах родной для писателя провинции *Шаньдун*. Кроме того, среди почти пятисот новелл 194 написаны с использованием повествовательной маски «(«*昇史氏*»)), под которой скрывается сам Пу Сунлин в произведении. В.М. Алексеев переводит это как «Очевидец этих странностей/курьёзов скажет так...» «И Ши Ши» в качестве второго авторского «я» послесловии завершает книгу короткой аллегорией, превращая таким образом простые записи о странных историях в притчи с дидактическим смыслом.

Художественная оригинальность Пу Сунлина проявляется в том, что, несмотря на наследование традиций исторических записей и рассказов эпохи Тан, его новеллы далеко не столько лаконичны. Даже используя традиционную фигуру «И Ши Ши» (очевидца событий), он предлагает гораздо более обширные фантастические нарративы от его лица. Так, в новелле «Черный зверь» («*黑兽*») повествование от лица «И Ши Ши» занимает весьма значительную часть текста. Во-вторых, «И Ши Ши» у него может переносить самого автора из-за кулис на авансцену, чтобы выразить томящие его чувства одиночества и недовольства реальной жизнью.

Структура самого повествования у Пу Сунлина также сложна. Один вид повествования гораздо чаще встречается новеллах, где рассказчик представляет собой не персонажа и очевидца действия, а того, кто знает эту историю или передает ее со слов других (в гоголевском случае это, например, Фома Григорьевич, который рассказывает страшные истории своего деда). Одним из самых частых случаев в книге является присутствие в тексте голоса «я» («*余*» или «*予*»), который также свидетельствует о подлинности рассказа.

В первой главе «Экзамена на Чэньхуана» («考城隍») повествование начинается со слов от первого лица («予»): «Дед моего зятя по старшей сестре, господин Сун был студентом в уезде у нас...»³²⁶. В «Лисьем сне» («狐梦») рассказчик «я» является другом героя Би Ианя: «Он сидел со мной в кабинете, подробно рассказал мне всю эту странную историю, случившуюся с ним. Я взял и записал»³²⁷. Таким образом вымышленное лицо Би Иань представляется автором как реально существовавший человек. Повествователь отмечает, что «имя его среди ученых того времени было известно»³²⁸, а также подчеркивает он решительный, смелый и честный человек.

Второй вид повествования у Пу Сунлина – это когда рассказ ведется непосредственно от первого лица («я»), когда сам рассказчик является свидетелем сверхъестественного и подтверждает истинность рассказываемой странной истории (у Гоголя это, например, тот же Фома Григорьевич, который в «Заколдованном месте» сам выступает свидетелем некоторых из чудных событий, произошедших с его дедом). Показательный пример – известная новелла Пу Сунлина «Крадет персик» («偷桃»). В качестве повествователя здесь выступает тот, кто сам становится непосредственным свидетелем загадочного фокуса – кражи персиков (фокусник приказал своему сыну украсть персики из персиковых садов Ванму (в комментариях А.Г. Сторожука, «Ванму» – «царица фей»³²⁹): «Когда я был еще мальчиком, я как-то пошел в главный город...»³³⁰

³²⁶ Пу Сун-лин. Экзамена на Чэньхуана // Ляо Чжай чжи и (Странные истории из Кабинета Неудачника): Полное собрание в 12 цзюанях: В 7 т. Т. 1 / Сост. А.Г. Сторожук, отв. и науч. ред. Д.И. Маяцкий, переводы В.М. Алексеева и А.Г. Сторожука. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. С. 47.

³²⁷ Пу Сунлин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай Чжи И). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. С. 59.

³²⁸ Там же. С. 60.

³²⁹ Пу Сун-лин. Крадет персик // Пу Сун-лин. Ляо Чжай чжи и (Странные истории из Кабинета Неудачника): Полное собрание в 12 цзюанях: В 7 т. Т. 1. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. С. 106.

³³⁰ Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая о необычайном. М.: Худож. лит., 1988. С. 264.

Однако чаще Пу Сунлин предпочитает скрывать вымышленного рассказчика, бывшего очевидцем происшествия, и обычно рассказывает историю от лица другого человека, а в конце новеллы говорит о достоверности источника и правдивости истории. Приведем пример: в конце новеллы «Друг монахов студент Ли» («*李生*») автор посредством оценки Ли Шэна повышает степень достоверности истории: «Ван Мэйу был приятелем Ли. В гостиной у Ли висела доска с надписью: “Дом ожидающего смерти!” Сразу видно: проникновенный человек этот Ли»³³¹. Таким образом, в произведениях Пу Сунлина всегда можно найти доказательства частичной подлинности происходящего, какими бы необычными и выходящими за рамки обывательского опыта они ни были.

Таким образом, в сборниках Гоголя и Пу Сунлина значительную роль играют рассказчики, которая при этом сложна и неоднозначна. Оба писателя конструируют систему рассказчиков, которые довольно часто персонализированы (у Гоголя их несколько, у Пу Сунлина – существенно больше). Они отказываются от прямого выражения своей авторской позиции, предпочитая использовать посредника между собой и читателями (у Гоголя это гостеприимный пасечник Рудый Панько, а у Пу Сунлина – господин Ляо Чжай). Гоголь адресует свои произведения к столичным читателям, которые, вероятно, не примут происходящее за истину, а будут просто наслаждаться фантазией и юмором автора. Пу Сунлин же обращается к аудитории, для которой вера в сверхъестественные явления еще была жива, и его произведения стали своеобразным энциклопедическим сводом рассказов о взаимодействии человека с духами и демонами, как благородными, так и зловещими.

Фольклорные истоки фантастического

³³¹ Пу Сунлин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай Чжи И). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. С. 306.

В поэтике анализируемых писателей фольклорная составляющая давно стала предметом пристального изучения – о фольклоризме в раннем творчестве Гоголя есть развернутые суждения уже в трудах П.А. Кулиша, С.А. Венгерова, а в последнее время – у А.В. Самышкиной, В.А. Воропаева, В.В. Виноградова и В.Е. Ветловской³³². Элементы устной народно-поэтической традиции в произведениях Пу Сунлина выявляется и анализируется в работах таких китайских исследователей, как Лу Дахуана, Юань Шишо, Ван Фэньлин и Чжу Чжэнь³³³.

В 1820-1830-х годах в русской прозе наблюдается возрастающий интерес к устному народному творчеству, к изображению народных обычаев и верований. Именно в это время были изданы сборники произведений Антония Погорельского, О.М. Сомова, Н.А. Полевого (о них шла речь выше – см. в главе 2 нашей работы), а также М.П. Погодина, В.И. Даля и др. Изображая повседневные картины и сцены, они умели искусно перемежать действительное и сверхъестественное. Гоголь с начала своего творческого пути тоже опирался на фольклорную традицию. Основными источниками для него являлись песни и легенды, обычаи малороссийского народа. Еще в юности Гоголь проявил особенный интерес к «страшному» фольклору. В

³³² *Кулиш П.А.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем (1856) / Вступ. статья и коммент. И.А. Виноградова. М.: ИМЛИ РАН, 2003; *Венгеров С.А.* Гоголь-фольклорист // Венгеров С.А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. СПб.: Прометей, 1913. С. 145–151; *Самышкина А.В.* К проблеме гоголевского фольклоризма (Два типа сказа и литературная полемика в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» // *Русская литература.* 1979. № 3. С. 61–81; *Воропаев В.А.* «Мертвые души» и традиции народной культуры // *Русская литература.* 1981. № 2. С. 92–108; *Виноградов В.В.* Язык Гоголя // Виноградов В.В. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М.: Наука, 1990. С. 271–330; *Ветловская В.Е.* Творчество Гоголя сквозь призму проблемы народности // *Русская литература.* 2001. № 2. С. 3–25.

³³³ *路大荒.* 蒲松龄年谱. 济南: 齐鲁书社, 1980. [*Лу Дахуан.* Хроники Пу Сунлина. Цзинань: Ци Лу шушэ, 1980.]; *袁世硕.* 蒲松龄评传. 南京: 南京大学出版社, 2000. [*Юань Шишо.* О биографии и творчестве Пу Сунлина. Нанкин: Наньцзин дасюэ чубаньшэ, 2004.]; *汪玢玲.* 蒲松龄与民间文学. 上海: 上海文艺出版社, 1985. [*Ван Биньлин.* Пу Сунлин и фольклор. Шанхай: Шанхай Вэньи чубаньшэ, 1985.]; *朱振武.* 论《聊斋志异》创作题材的三个源头 // *蒲松龄研究.* 1999. № 4. 14–32 页. [*Чжу Чжэнь.* О трех источниках тем в «Ляо Чжай Чжи И» // *Исследования о Пу Сунлине.* 1999. № 4. С. 14–32.] (На кит. яз.).

процессе написания своих малороссийских повестей он обращался к матери с просьбой прислать ему сведения о народных поверьях, страшных легендах, преданиях и анекдотах, например, в его письме к матери, отправленного из Петербурга 30 апреля 1829 года. Кроме того, в конце письма Гоголь еще просил выслать две малороссийские комедии своего отца: «Овца-Собака» и «Романа с Параскою»³³⁴. В следующем письме к матери, датированном 22 мая 1829 года, Гоголь вновь подчеркивает настоятельную необходимость получения материалов, связанных с Малороссией. Он снова просит мать собрать сведения о различных аспектах украинской народной культуры, включая карточные игры («игра пашок, семь листов»), традиционные танцы («из хороводных в хрещика, в журавля») и т.д.³³⁵ Таким образом, значительная часть тем, затронутых Гоголем в письме к матери, впоследствии нашла отражение в сюжетах его произведений.

Долгое время китайские фантастические рассказы опирались на фольклор. *Чжигуай сяошо* эпохи Шести династий, Таньский чуаньци, и известная юаньская драма в жанре «цзацзюй» (杂剧) под названием «Обида Доу Э» Гуань Ханьцина (关汉卿, «Синьчэнь») – в этих произведениях фольклор служит главным источником сюжетной и образной основы. Творчество романистов эпохи Мин и Цин, таких как Фэн Мэнлун (冯梦龙), Ло Гуаньчжун (罗贯中), Ши Найань (施耐庵) и У Чэньэн (吴承恩), также было вдохновлено устно-поэтическим творчеством. Пу Сунлин, как и остальные литераторы вольно обращается к устному народному творчеству. По мнению Цзи Юнь (纪昀), «Знания новеллист черпает не из прочитанных книг; ему гораздо полезнее собирать уличные сплетни»³³⁶. Поставив столик с трубками и чашками чая, Пу Сунлин приглашал всех желающих рассказывать ему об удивительном. Сам

³³⁴ См.: Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 10: Переписка 1820–1834. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010. С. 99–100.

³³⁵ Там же. С. 102.

³³⁶ 纪昀. 阅微草堂笔记 (一至五), 卷一. 上海: 上海古籍出版社, 1980. 239 页. [Цзи Юнь. Заметки из хижины: В 5 т. Т.1. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1980. С. 239.] (На кит. яз.).

автор в предисловии «Ляо Чжая» говорит: «情类黄册，喜人谈鬼，闻则命笔，遂以成编。久之，四方同人，又以邮筒相寄，因而物以好聚，所积益伙»³³⁷. (Перевод В.М. Алексеева: «И нравом я похож на старца Хуанчжоу: как он, я рад всегда, коль люди говорят о бесах... Однако, слыша подобные рассказы, я беру в руки кисть, повелеваю ей писать: получается целая книга. Проходит еще некоторое время, и люди одних со мною вкусов со всех сторон присылают мне с почтовою оказией свои записи. Вещи любят собираться – и у меня стало накапливаться таких записей все больше и больше»³³⁸). Таким образом, тяготение к народности было типично для литературной среды как Пу Сунлина, так и Гоголя, и сами они проявляли особый интерес к «страшному» фольклору.

Гоголь использовал элементы комедий своего отца, Василия Афанасиевича Гоголя-Яновского, которые были представлены в театре екатерининского вельможи Д.П. Трощинского. Эти элементы можно увидеть, например, в малороссийских народных песнях в эпиграфах к главам «Сорочинской ярмарки» и эпиграфе к «Майской ночи». Будущий писатель мог пользоваться лучшей частной библиотекой Малороссии – библиотекой Трощинского. «Гоголи часто бывали в Кишиневе и даже довольно долго прожили там, когда будущий писатель готовился поступить в нежинскую Гимназию высших наук, кстати, по протекции Д.П. Трощинского. Впоследствии, уже в лицейские годы, юный Гоголь получает от родителей те или иные столичные издания, многие из которых обнаруживаются в каталоге библиотеки Трощинского»³³⁹.

В 1675 и 1678 годах Пу Сунлин неоднократно сдавал экзамены, но, к несчастью, не преуспел в них. Без достижения ученой степени он не мог занять

³³⁷ 蒲松龄. 聊斋志异 (全校会注集评) 任笃行辑校 (一). 北京: 人民文学出版社, 2016. 12 页. [Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая о необычайном (полное собрание с комментариями и объяснениями) / Под ред. Жэнь Дусина. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2016. Т. 1. С. 12.] (На кит. яз.).

³³⁸ Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая о необычайном. М.: Худож. лит., 1988. С. 16.

³³⁹ Евдокимов А.А. Молодой Гоголь как читатель Шекспира // Русская словесность. 2016. № 2.

должность чиновника, что привело его к тяжелому материальному положению. С 1679 по 1710 год он занимался преподавательской деятельностью в доме семьи Би Цзию (毕际有), бывшего сановника. Семья Би была известна в уезде Цзычуани (淄川), где проживал писатель. В их доме находилась большая частная библиотека, что было очень важно для Пу Сунлина. К тому моменту некоторые из «Рассказов Ляо Чжая...» уже были завершены, а гости, друзья и родственники семьи Би предоставили писателю множество интересных материалов, на основе которых были написаны, например, такие рассказы, как «Лисий сон» («狐梦»), «Укротитель Ма Цзэфу» («马介甫»), «Старик Чжу» («祝翁»)³⁴⁰.

Гоголь, по словам В.Е. Ветловской, «...всегда стремился к наиболее полному знанию фольклорного материала. Он сам был собирателем, записывал и изучал этнографические данные и произведения малороссийской народной поэзии»³⁴¹. В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» часто приводятся отрывки из народных песен, создавая необходимую атмосферу «народности». Под пером «господина Ляо Чжая», как и у Гоголя, многие из странных историй основаны на народных песнях, преданиях, сказках, родившихся в устном народном творчестве, а теперь получающих новое художественное оформление. В пусунлиновских новеллах часто встречаются популярные персонажи китайского фольклора, рожденные народным воображением: лисицы-оборотни, лягушка-дух, оборотень-лотос, белый карп-оборотень и многие другие. Создавая свои фантастические рассказы в родной для провинции Шаньдун, Пу Сунлин часто выступал в роли беспристрастного «собираателя» историй, опрашивая людей разных социальных слоев, среди

³⁴⁰ См.: 袁世硕. 毕氏西宾 // 蒲松龄评传. 南京: 南京大学出版社, 2000. 99–125 页. [Юань Шишуо. Учительство в доме Би Цзию // Юань Шишуо. О биографии и творчестве Пу Сунлина. Нанкин: Наньцзин дасюэ чубаньшэ, 2004. С. 99–125.] (На кит. яз.).

³⁴¹ Ветловская В.Е. Творчество Гоголя сквозь призму проблемы народности // Русская литература. 2001. № 2. С. 3–25.

которых были чиновники, крестьяне, рыбаки и слуги, и писатель старался записывать их истории с минимальными искажениями.

Подводя итог, отметим, что как Гоголь, так и Пу Сунлин в начале своего творчества проявляли интерес к фольклору, в целом характерный для литературной среды их времени. Они стремились к глубокому знанию устно-поэтических традиции своей родины и были признаны выдающимися фольклористами, активно собирающими и анализирующими этнографические материалы и народную поэзию. Оба писателя вдохновлялись ужасными мотивами народных сказок и преданий, которые стали важными источниками их фантастической прозы.

3.3. Религия и художественный мир³⁴²

Гоголь и Пу Сунлин использовали в своих произведениях фантастические сюжеты с демоническими персонажами. При анализе их рассказов, выявляя различия в их подходах к изображению потустороннего мира и конфликта между добром и злом, необходимо учитывать принципиальную разницу между религиозными воззрениями двух писателей.

В середине 1820-х годов, на волне возрастающего интереса к фантастике, мистике, готике, а также к элементам страшного и завораживающего, в русской прозе появляется новый жанр, получивший название «фантастическая повесть»³⁴³. Гоголь уже в первые годы творчества был увлечен демонологией, что отражается и в его книге «Вечера на хуторе близ Диканьки», где писатель опирается на христианскую модель «линейного» мышления с началом и концом (спасение или гибель души, рай или ад), хотя судьбы его героев не всегда вписываются в данную концепцию. Отметим, что в дальнейшем писатель переходит от открытой и явной демонологии, воплощенной в мистических и фантастических образах, к скрытой и подтекстовой (как, например, в «Мертвых душах»), но во всех его произведениях присутствует борьба добра и зла, осмысляемая в рамках учения православного христианства.

«Рассказы Ляо Чжая...» также тесно связаны с религиозными установками Пу Сунлина. Китайский писатель заимствует концепцию «бессмертия души» из даосизма, а из буддизма – концепции кармы и реинкарнации и «круговой» способ мышления. Наделяя духов человеческим обликом, он совмещает фантастику и действительность, разграничивая при этом царство людей и

³⁴² При подготовке данного раздела были использованы материалы статьи: *Сунь Вэньцзюнь*. Отражение авторских религиозных взглядов в фантастических образах и народной демонологии в ранней прозе Н.В. Гоголя и новеллах Пу Сунлина: типологический аспект описания // *Litera*. 2025. № 2. С. 167–175.

³⁴³ *Маркович В.М.* Дыхание фантазии // *Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820–1840 гг.)*: Сб. произведений. Л.: Наука, 1991. С. 5–47.

призраков. Пу Сунлин критикует тьму в реальном обществе и формирует идеальный утопический мир в своем воображении.

По серии рассказов о вере и божествах можно сделать вывод, что отношение Пу Сунлина к религии и народным верованиям является полемическим. С одной стороны, писатель выводит в своих рассказах целую галерею хороших и примерных монахов, но в некоторых его рассказах монахи не имеют ничего общего с такими высокими качествами, как праведность и святость. Он иронически относится к божествам из любого пантеона (буддийского, конфуцианского или даосского), потому что они больше похожи на обирал и азартных игроков. Их волшебства из загробного мира – лишь способ помогать земным людям предсказывать будущее или получать официальные должности по карьерной лестнице. Убедительными примерами является рассказы «Колдовство хэшана» («僧术») и «Дракон дразнит паука» («龙戏蛛»). В первом случае студент использует сверхъестественную силу монаха, чтобы купить себе должность, а во втором рассказе в постскрипуме есть такие слова: «Не слишком ли бестолков небесный владыка! За что такой хороший чиновник, честный и любящий народ, подвергается такой трагической катастрофе!»³⁴⁴ С другой стороны, Пу Сунлин постоянно в концовках своих рассказов цитирует слова почитаемых в народе монахов, которые служат его просвещению. Так, в послесловии к новелле «Расписная стена» («画壁») читаем: «“Чудесное рождается от самих же людей!” В этих словах, пожалуй, есть глубочайшая правда. <...> Буддийской мудростью окрепло сердце старого монаха»³⁴⁵. Отсюда можно сделать вывод, что «господин Ляо Чжай», по-видимому, более убежден в том, что люди создают собственные впечатления о богах, исходя из собственного характера, поэтому боги глупца и философа будут выглядеть по-разному. Автор выражает свое

³⁴⁴ 蒲松龄. 聊斋志异 / 刘天池注. 孙海通, 刘天池译. 北京: 中华书局, 2015. 1957 页. [Пу Сунлин. Ляо Чжай Чжи И / Комментарии Лю Тяньчи, перевод Сунь Хайгуна и Лю Тяньчи) Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2015. Т. 1. С. 1957.] (На кит. яз.).

³⁴⁵ Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая о необычайном. М.: Худож. лит., 1988. С. 143.

желание видеть на земле, а не только в небесном царстве честных и порядочных людей. Насмешки Пу Сунлина несколько подрывают веру и культ святых, опровергают грубые суеверия о богах, но не критикуют саму идею Бога. Юань Шишуо в своей монографии о Пу Сунлине делает такой вывод: авторское отношение к потусторонним силам противоречиво³⁴⁶. Неверие Пу Сунлина в существование богов и призраков не противоречило поддержке строительства храмов и статуй богов именно потому, что он рассматривал богов как духовные символы. Убедительным примером является рассказ «Король обезьян» («齐天大圣»), где автор, рассуждая от своего лица, обнаруживает свое религиозное мировоззрение: «Король обезьян на самом деле не обладает магической силой, но люди верят в него в глубине своего сердца, или когда сбываются их желания или происходят события, соответствующие их желаниям, они думают, что это правда»³⁴⁷.

В ляочжаевских рассказах прослеживается круговая модель мышления, восходящая к архаическому символу «Мандала» («круг», «кольцо») ³⁴⁸, который, по словам В.Н. Топорова, является ключевым сакральным элементом буддийской мифологии. Этот символ, возникший в Индии, был усвоен буддизмом и распространился в культурах Тибета, Центральной Азии, Монголии, Китая и Японии начиная с первых веков нашей эры. Этот символический образ также переплетается с понятиями «трех перерождений», «кармы» и других аспектов буддийской космологии. Например, в рассказе «Трое бессмертных» («三生») изображена история конфликта между экзаменатором из провинции Хунань и студентом Син Ю Таном, чья вражда,

³⁴⁶ См.: 袁世硕. 矛盾的神道观 // 蒲松龄评传. 南京: 南京大学出版社, 2000. 195–202 页. [Юань Шишуо. Противоречивое отношение к сверхъестественным силам // Юань Шишуо. О биографии и творчестве Пу Сунлина. Нанкин: Наньцзин дасюэ чубаньшэ, 2004. С. 195–202.] (На кит. яз.).

³⁴⁷ 蒲松龄. 聊斋志异 / 刘天池注. 孙海通, 刘天池译. 北京: 中华书局, 2015. 1957 页. [Пу Сунлин. Ляо Чжай Чжи И / Комментарии Лю Тяньчи, перевод Сунь Хайтуна и Лю Тяньчи) Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2015. Т. 1. С. 2789.] (На кит. яз.).

³⁴⁸ Топоров В.Н. Мандала // Мифологический словарь / Под. ред. Е.М. Мелетинского, М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 332–333.

обусловленная экзаменационным провалом, переходит через три перевоплощения. В первой жизни студент Син, не сдав экзамен из-за некомпетентности экзаменатора, умирает от отчаяния; во второй жизни экзаменатор, переродившись крестьянином, казнен по решению суда, где судьей выступает студент Син. После жалоб на несправедливость оба перерождаются собаками, убивая друг друга в схватке. В третьей жизни, став тестем и зятем по воле Владыки подземного мира, они примиряются, и тесть помогает зятю стать чиновником, что символизирует разрешение кармического конфликта. Таким образом, под пером Пу Сунлина души главных героев обладают бессмертием и проходят через циклы перевоплощений. Если первые два уровня фантастического мира, созданного автором, наполнены критикой социальной несправедливости и пороков реальности, то третий мир воплощает идеальную гармонию, представляя собой утопическое пространство, где разрешаются все противоречия и достигается высшая справедливость.

На формирование духовного мировоззрения Гоголя значительно повлияли семейные традиции, о чем пишет В.А. Воропаев: «Среди предков Гоголя были люди духовного звания: прадед его по отцовской линии был священником, дед закончил Киевскую Духовную академию, а отец – Полтавскую семинарию. <...> Семейные предания определили первые понятия и верования Гоголя. <...> Мария Ивановна отличалась набожностью»³⁴⁹. Со временем писатель установил «близкие» отношения с Богом и постоянно молился. В письме к матери Гоголь писал: «Старайтесь лучше видеть во мне христианина и человека, чем литератора»³⁵⁰.

³⁴⁹ Воропаев В.А. Под защитой угодника Божия: Диканьский образ Святителя Николая Чудотворца и его значение в жизни Гоголя // «Правило веры и образ кротости». Образ святителя Николая, архиепископа Мирликийского, в византийской и славянской агиографии, гимнографии и иконографии. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2004. С. 265. (См. об этом также: Воропаев В.А. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Паломник, 2014. С. 9–11).

³⁵⁰ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 12. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2009. С. 415.

Уже в начале XX века вопросы православного мирозерцания в творчестве Гоголя стали предметом серьезного изучения, а в современном гоголеведении духовно-нравственные аспекты его произведений продолжают активно исследоваться такими учеными, как И.А. Виноградов, В.А. Воропаев и С.А. Гончаров. Однако при этом необходимо отдельно упомянуть, что исследование религиозного мировоззрения в творчестве Гоголя действительно претерпело изменения в направленности и акцентах на разных этапах его литературного пути. Если ранее в центре внимания исследователей была христианская идеология Гоголя в период создания «Выбранных мест из переписки с друзьями», то теперь все большее количество исследователей утверждают, что церковная культура была немаловажной частью творчества Гоголя и в 1830-е годы. Об этом справедливо пишет С.А. Гончаров: «Если раньше христианская культура учитывалась применительно к позднему творчеству, а именно – к «Выбранным местам из переписки с друзьями», в котором религиозная проблематика представлена эксплицитно, то в последние годы она стала постепенно составлять необходимый контекст зрелого и даже раннего творчества писателя. Это существенно стало менять представление о динамике творческого пути Гоголя»³⁵¹. Аналогичная позиция также была отмечена И.А. Виноградовым в своей монографии: «Характер ранней гоголевской прозы не может быть вполне понят, если не иметь в виду последующего духовного и творческого развития Гоголя»³⁵². На необходимости изучения «Вечеров на хуторе близ Диканьки» с духовной точки зрения настаивает В.А. Воропаев: «Раннее творчество Гоголя, если взглянуть на него с духовной точки зрения, открывается с неожиданной для обыденного восприятия стороны: оно не просто собрание веселых рассказов в народном духе, но и обширное религиозное поучение, в котором происходит

³⁵¹ Гончаров С.А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте: Монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1997. С. 4.

³⁵² Виноградов И.А. Гоголь художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М.: Наследие, 2000. С. 10–11.

борьба добра со злом и добро неизменно побеждает, а грешники наказываются («Ночь перед Рождеством», «Сорочинская ярмарка», «Вий»))³⁵³. Сам Гоголь в «Ночи перед Рождеством» также выразил свой оптимизм насчет возможности победы над нечистой силой: «Итак, вместо того чтобы провесть, соблазнить и одурачить других, враг человеческого рода был сам одурачен»³⁵⁴.

Анализ художественной функции фантастики и демонологии в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» позволяет выявить уникальный «линейный» способ мышления Гоголя, сформированный под влиянием библейского мировоззрения, что контрастирует с «круговой» моделью мышления Пу Сунлина, обусловленной буддийскими и даосскими концепциями. В соответствии с библейской традицией Гоголь изображает вселенную как линейный процесс, начинающийся с сотворения мира и завершающийся Страшным судом, где каждая душа предстает перед судом. Почти каждая повесть, вошедшая в «Вечера ...», затрагивает тему борьбы света и тьмы, невидимой войны между Богом и дьяволом за души людей. Например, в повести «Ночь перед Рождеством» обнаруживаются параллели с библейскими мотивами, такими как мотив возмездия за грехи, мотив спасения человеческой души и др. Во-первых, действие разворачивается во время сакрального праздника Рождества Христова с пением рождественских колядок. Нечистой силе уже «...последняя ночь осталась шататься по белому свету и выучивать грехам добрых людей. Завтра же, с первыми колоколами к заутрене, побежит он без оглядки, поджавши хвост, в свою берлогу»³⁵⁵. В линейном узоре от начала до конца прослеживается духовная дихотомия между противоборствующими силами – «древнем змием» (сатаной) и «потомком женщины» – Иисусом Христом. Набожный кузнец Вакула может противостоять темной силе именно с помощью молитвы и написания иконы.

³⁵³ Воронаев В.А. Указ. соч. С. 28–29.

³⁵⁴ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 182.

³⁵⁵ Там же. С. 150.

В «Страшной мести» линейная модель представлена через изображение смерти казаков Ивана и Петра и Божественного суда над ними. Нераскаявшиеся грешники подвергаются изгнанию из Царства Небесного: «Как умер Петро, призвал Бог души обоих братьев, Петра и Ивана, на суд. “Великой есть грешник сей человек!” – сказал Бог. <...> “Сделай же, Боже, так, чтобы все потомство его не имело на земле счастья! чтобы последний в роде был такой злодей, какого еще и не бывало на свете!” <...> “Страшна казнь, тобою выдуманная, человече! – сказал Бог. – Пусть будет все так, как ты сказал, но и ты сиди вечно там на коне своем, и не будет тебе царствия небесного”»³⁵⁶. Кроме того, линейная модель проявляется через божественное возмездие за грехи, где нераскаявшиеся грешники, такие как колдун, обречены на вечное проклятие, что подчеркивает идею окончательности суда и невозможности спасения вне Божьей милости. Таким образом, Гоголь через библейские мотивы возмездия и спасения раскрывает дихотомию, характерную для христианского мировоззрения.

Различные религиозные модели мышления существенно влияют на характер взаимодействия главных героев с демоническими существами. Если в гоголевской Диканьке потусторонние существа обычно выступают в роли искушителей и антагонистов, противостоящих человеку, то в произведениях китайского писателя они зачастую выполняют функции помощников и утешителей, что отражает принципиально иное восприятие сверхъестественного, характерное для буддийских и даосских традиций. Например, в повести «Вечер накануне Ивана Купала» дьявол-искушитель, воплощенный в «человеческом образе» Басаврюка, олицетворяет темные силы, противостоящие Божественному порядку. Он подталкивает главного героя Петруся к совершению тяжкого греха – убийству невинного Ивася, младшего брата его возлюбленной Пидорки. В данном случае демонический персонаж выступает как активный участник духовного противостояния, используя

³⁵⁶ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 216.

человеческие слабости и страсти, чтобы привести главного героя к моральному падению и гибели. Напротив, образ лисиц становится центром системы персонажей многих историй «Ляо Чжая». Например, в рассказе «Студент Го и его учитель» («郭生») повествуется о студенте по фамилии Го, который встречает своего учителя в образе лисицы-призрака. Лисица оказывала студенту Го помощь в редактировании его статей, пока он спал ночью. Благодаря этому его навыки письма постепенно совершенствовались. Этот эпизод иллюстрирует, что сверхъестественные существа в произведениях Пу Сунлина часто выступают в роли помощников, способствующих интеллектуальному и духовному росту человека.

Таким образом, Пу Сунлин принимает из даосизма идею «бессмертия души» и понятия «кармы и реинкарнации» из буддизма («круговое» мышление), наделяет духов человеческим обликом, совмещает фантастику и реальность, разграничивая царство людей и призраков, бичует пороки общества и строит утопический мир в своих текстах. Гоголь же, опираясь на христианскую модель эсхатологического «линейного» мышления, создает художественные миры, в которых гармонично сочетается реальное и фантастическое. Судьба его героев отражает вечную борьбу добра и зла, которая ведет к Страшному суду, спасению или гибели души.

3.4. Демонические персонажи и их взаимодействие с человеком: договоры, искушения и любовные связи³⁵⁷

В творчестве анализируемых авторов системы персонажей, относящихся к сверхъестественной сфере, отражают соответствующие религиозные и фольклорные традиции.

В произведениях русского писателя, относящихся к раннему периоду его творчества, наблюдается явный интерес автора к фольклору. Например, образ русалки представляет собой архетипический персонаж, присутствующий в фольклоре и мифологии славянской культуры, чаще всего ассоциируемый с опасностью и угрозой. Однако в гоголевской повести «Майская ночь» образ русалки-утопленницы приобретает лирические оттенки, представляя ее как уязвимую девушку, нуждающуюся в помощи и сочувствии. Главный герой Левко испытал не страх, а чувство грусти, жалости и сострадания к русалке. Они изображаются в привлекательном свете на фоне благоухающего ночного пейзажа с «серебряным туманом, яблонями и цветами, стеклянными окнами и дверями, пением соловьев»³⁵⁸.

В случае Пу Сунлина еще более явно прослеживается ориентация на фольклорные источники. В своих 498 фантастических рассказах писатель представляет множество народных демонологических образов, включая лисиц-оборотней, пчел-оборотней, русалок, а также духов разных цветов. Образ лисицы из фольклорной традиции постепенно перешел и в древнекитайскую беллетристику. С начала эпохи *Вэй–Цзинь* и *Шести династий* (III–VI вв.), продолжавшейся до периодов *Тан* и *Сун*, *Мин* и *Цин*

³⁵⁷ При подготовке данного раздела были использованы материалы статьи: Сунь Вэньцзюнь. Реальные и ирреальные персонажи в ранней прозе Н.В. Гоголя и новеллах Пу Сунлина (сопоставительный аспект описания) // Вестник Пятигорского государственного университета. 2024. № 3. С. 83–87.

³⁵⁸ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 130.

(VII–XX вв.), представление о лисе в китайской литературе менялось от изначально благоприятного образа, представленного в «Ши Цзи» («史记»), к образу демонической и привлекательной лисицы в «Записках о поисках духов» («搜神记») и далее к зловещей и развратной лисе в «Тайпин Гуанцзи» («太平广记»), а также к доброй и обаятельной лисице в «Рассказах Ляо Чжая ...» («聊斋») ³⁵⁹. У Пу Сунлина есть множество рассказов, в которых студенты встречают свою любовь с лисицами-оборотнями, воплощающих образ красивой девушки. Лисы, описанные в произведениях Пу Сунлина, представлены во всем своем разнообразии и красочности ³⁶⁰. Среди них есть как мужчины, например, в новеллах «Сынок торговца» («贾儿») и «Лис невидимка, Ху Четвертый» («胡四相公»), так и женщины, как в рассказах «Целительница Цзяо-на» («娇娜») и «Верная сваха Цин-мэй» («青梅»). Среди лисиц встречаются как вредные, как, например, в рассказах «Дун погиб» («董生») и «Лис лезет в жбан» («狐入瓶»), так и безвредно шаловливые, как в новеллах «Проказы Сяо-цуй» («小翠») и «Смешливая Иннин» («婴宁»). Есть и старик, как в новелле «Великий князь Девяти Гор» («九山王»), и старушка, как в рассказе «Ван Чэн и перепел» («王成»). Писатель изображает лисиц как уродцев, например, в рассказе «Лиса-урод» («丑狐»), так и красавиц, например, в новеллах «А-сю и её двойник» («阿绣») и «Зеркало Фэн-сянь» («凤仙»)...

Благодаря этому создается впечатление о многогранности народной фантазии.

Гоголь, будучи православным писателем, избирательно использует народные суеверия, предпочитая те сверхъестественные образы, которые несут церковно-нравственное измерение. В его произведениях нечистая сила

³⁵⁹ 汪玢玲. «鬼狐风情 — <聊斋志异>与民俗文化». 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 2003. 31–40 页. [Ван Фэньлин. Демон и лисы: «Ляо Чжай» и фольклорная культура. Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 2003. С. 31–40.] (На кит. яз.).

³⁶⁰ См.: 李剑国. 中国狐文化. 北京: 人民文学出版社, 2000. 295–311 页. [Ли Цзианьго. Образ «лисы» в китайской культуре, Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2002. С. 295–311.] (На кит. яз.).

принимает человеческий облик и выступает в роли искусителя, склоняющего человека к греху, что подтверждается в тексте фразами: «от черта не будет добра»³⁶¹ и «все, что ни скажет враг Господа Христа, все солжет»³⁶². В начале повести «Вечер накануне Ивана Купала» Фома Григорьевич сразу же напоминает об ужасных последствиях, которые будут, если получишь подарки от дьявола: «..ни за какие благополучия в свете не согласилась бы принять от него подарков. Опять, как же и не взять: всякого проберет страх, когда нахмурит он, бывало, свои щетинистые брови и пустит исподлобья такой взгляд, что, кажется, унес бы ноги Бог знает куда; а возьмешь – так на другую же ночь и тащится в гости какой-нибудь приятель из болота, с рогами на голове, и давай душить за шею, когда на шее монисто, кусать за палец, когда на нем перстень, или тянуть за косу, когда вплетена в нее лента»³⁶³. Это также намекает на печальный конец главного героя: Петро, поддавшись влиянию дьявольских сил (Басаврюка и ведьмы), чтобы получить клад, совершает убийство невинного дитяти, а это влечет за собою и его собственную смерть, и безумие Пидорки. В «Страшной мести» Катерина была обманута ложным раскаянием отца-колдуна и освободила его, что впоследствии привело к гибели всей ее семьи. В «Заколдованном месте» клад (котел), который выкопал дед Фомы Григорьевича в проклятом месте, оказался наполненным не золотом: там были только «сор, дрязг», и «с той поры заклил дед и нас верить когда-либо черту»³⁶⁴. Черт в «Ночи перед Рождеством» выступает как «бес-искуситель, которому последняя ночь осталась шататься по белому свету и выучивать грехам добрых людей. Завтра же, с первыми колоколами к заутрене, побежит он без оглядки, поджавши хвост, в свою берлогу»³⁶⁵. Как писатель-христианин, Гоголь изображает в этом эпизоде обращение героя за

³⁶¹ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 108.

³⁶² Там же. С. 245.

³⁶³ Там же. С. 101.

³⁶⁴ Там же. С. 248.

³⁶⁵ Там же. С. 151.

поддержкой к Божественной благодати. В описании демонических персонажей данной повести кузнец Вакула оказывается способен противостоять злым силам благодаря своему умению писать иконы, а также использованию Слова Божьего и крестного знамения в качестве духовного оружия.

Итак, по сравнению с Пу Сунлином, Гоголь не стремится к созданию обширной демонологической системы, а использует сверхъестественные образы как инструмент для раскрытия нравственно-религиозных тем, подчеркивая разрушительные последствия греха и обмана.

Пу Сунлин, как и Гоголь, представляет собой «писателя-мистика»³⁶⁶, чьи произведения пронизаны разнообразными этнокультурными верованиями и концепциями многобожия, проявляющимися в воплощении различных божественных сущностей, таких как богиня Чан-э («Изгнанница Чан-э» «嫦娥»), бог земли («Экзамен на Чэньхуана» «考城隍») и бог града («Бог града» «雹神»). Кроме того, в его фантастических новеллах прослеживается сильное влияние буддизма и даосизма, например, понятия *инь и ян* (阴 阳) прослеживаются в рассказе «Жена-призрак» («鬼妻»): покойная жена встречается с мужем только в час пика энергии *инь* в ночное время. Концепция реинкарнации, представленная в буддизме, находит свое выражение в ляочжаевских рассказах, например, в новелле «Дочь господина Лу» («鲁公女»). В данном произведении история любви между студентом Чжаном и юной девушкой Лу иллюстрирует аспекты бессмертия души и сверхвременного характера любви, превышающей обычные пространственно-временные рамки.

Гоголевские и пусунлиновские демоны иногда обладают человеческим обликом и привычками. Они в большой степени отличаются двойственной природой: на Сорочинской ярмарке обитает искусный черт, проявляющий

³⁶⁶ 马瑞芳. 马瑞芳品读《聊斋志异》. 全五册. 第一册. 北京: 天地出版社, 2023. 198 页. [Ма Жуйфан. Ма Жуйфан читает «Ляо Чжай Чжи И»: В 5 т. Т. 1. Пекин: Тяньди чубаньшэ, 2023. С. 198.] (На кит. яз.).

человекоподобное поведение и тщательно скрывающий свою истинную дьявольскую природу, используя «шапку и рукавицы» для маскировки «своих когтей на лапах и рогов на голове»³⁶⁷. Согласно легенде, он был изгнан из пекла и был вынужден скитаться по земле. Он чувствует ностальгию о покинутом аде и пьянствует попытке подавить свою печаль, то есть ведет себя подобно человеку. Помимо «дьявола в человеческом образе» Басаврюка («Вечер накануне Ивана Купала») и колдуна («Страшная месть»), о которых мы скажем далее, мать кузнеца Солоха («Ночь перед рождеством») – ведьма, которая сама по себе не обладает особо угрожающими чертами и, в отличие от других ведьм, имеет максимально человеческую природу. В повести «Пропавшая грамота», рассказывающей о путешествии старика в потусторонний лабиринт, черти вместе с ведьмами образуют группу демонических персонажей, находящихся в сфере комического. В иной реальности одна из разряженных ведьм даже обладает человеческим навыком играть в «дурня» (примитивную карточную игру).

Как и у Пу Сунлина, у Гоголя черти и связанные с ними персонажи могут превращаться в животных. Так, в повести «Вечер накануне Ивана Купала» ведьма сначала приняла облик собаки и кошки, а затем приняла человеческий облик: «Большая черная собака выбежала навстречу и с визгом, оборотившись в кошку, кинулась в глаза им. <...> Глядь, вместо кошки, старуха с лицом сморщившимся, как печеное яблоко, вся согнутая в дугу; нос с подбородком словно щипцы, которыми щелкают орехи»³⁶⁸. Басаврюк же, чтобы пугать добрых людей, превращается в барана, причем жареного (что, конечно, рассчитано на комический эффект): «Раз старшины села собрались в шинок и, как говорится, беседовали по чинам за столом, посередине которого поставлен был, грех сказать, чтобы малый, жареный баран. Калякали о сем и о том, было и про диковинки разные, и про чуда. Вот и померещилось, еще бы ничего, если

³⁶⁷ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 89.

³⁶⁸ Там же. С. 105.

бы одному, а то именно всем, что баран поднял голову, блудящие глаза его ожили и засветились, и вмиг появившиеся черные щетинистые усы значительно заморгали на присутствующих. Все тотчас узнали на бараньей голове рожу Басаврюка»³⁶⁹. В «Майской ночи...» мачеха Ганны – ведьма, и она иногда превращается в черную кошку: «Глядит, страшная черная кошка крадется к ней; шерсть на ней горит, и железные когти стучат по полу. В испуге вскочила она на лавку: кошка за нею. Перепрыгнула на лежанку: кошка и туда, и вдруг бросилась к ней на шею и душит ее. С криком оторвавши от себя, кинула на пол; опять крадется страшная кошка. Тоска ее взяла. На стене висела отцовская сабля. Схватила ее и бряк по полу – лапа с железными когтями отскочила, и кошка с визгом пропала в темном углу. Целый день не выходила из светлицы своей молодая жена; на третий день вышла с перевязанною рукой. Угадала бедная панночка, что мачеха ее ведьма и что она ей перерубила руку»³⁷⁰. В «Ночи перед Рождеством» из разговоров старушек мы узнаем, что ведьма Солоха также может превращаться в животных, чтобы подшучивать над людьми: «Солоха точно ведьма; что парубок Кизяколупенко видел у нее сзади хвост величиною не более бабь его веретена; что она еще в позапрошлый четверг черною кошкою перебежала дорогу, что к попадье раз прибежала свинья, закричала петухом, надела на голову шапку отца Кондрата и убежала назад»³⁷¹.

Рассказы Пу Сунлина, по словам Ма Жуйфан, дают множество вариантов интерпретаций народных представлений о сверхъестественных силах. Животные и растения, духи, лисицы, феи, оборотни и призраки из загадочного потустороннего мира, обретают человеческий облик, что отражает богатое художественное воображение новеллиста³⁷². В ляочжаевских рассказах

³⁶⁹ Там же. С. 110.

³⁷⁰ Там же. С. 115.

³⁷¹ Там же. С. 158.

³⁷² 马瑞芳. 马瑞芳品读《聊斋志异》. 全五册. 第一册. 北京: 天地出版社, 2023. 41 页. [Ма Жуйфан. Ма Жуйфан читает «Ляо Чжай Чжи И»: В 5 т. Т. 1. Пекин: Тяньди чубаньшэ, 2023. С. 41.] (На кит. яз.).

представлен ряд сверхъестественных существах, обладающих человеческими чертами и разделяющих земные радости, печали и заботы. Большинство мистических персонажей, созданных китайским писателем, воплощается в обаятельных женских образах. В отличие от стереотипного представления о женщинах в эпоху Цин (XVII–XX вв.), описанные Пу Сунлином героини обладают богатым внутренним миром, способностями и душевной красотой. Некоторые из них, такие как Сяньюй (дух пиона) и Цзян Сюэ (дух зимостойкого цветка) в новелле «Фея древовидного пиона» (кит. «香玉»), обладают поэтическим даром. Девушка по имени Десятая в рассказе «Розовая бабочка» (кит. «粉蝶») имеет широкий кругозор и умеет сочинять стихи, а также владеет музыкальным инструментом цин (琴). Во многих новеллах, таких как «Красавица Цин-фэн» (кит. «青凤»), «Смешливая Иннин» (кит. «婴宁») и «Чародейка Ляньсян» (кит. «莲香»), описываются сцены превращения лисиц в прекрасных девушек. По словам Ляньсян, она является одной из тех лисиц, которые людям не вредят³⁷³. Кроме того, под влиянием конфуцианской традиции образ лисов-ученых занимает значительное место в фантастических произведениях Пу Сунлина. Так, в новеллах «Лис-невидимка, Ху Четвертый» (кит. «胡四相公»), «Товарищ пьяницы» (кит. «酒友»), «Целительница Цзяно» (кит. «娇娜») и «Дождь монет» (кит. «雨钱») демонические персонажи изображены как образованные и эрудированные индивидуумы, устанавливающие глубокие межличностные связи и выступающие в качестве наставников и мудрых учителей для людей.

Происхождение главных героев также играет важную роль в их взаимоотношениях с потусторонним миром, одни могут более эффективно взаимодействовать с «темной» силой, в отличие от других, которые не могут распознать дьявола. В связи с этим необходимо упомянуть о семейных элементах в «Вечерах»: гоголевская Диканька скреплена общинными и

³⁷³ Пу Сунлин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай Чжи И). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. С. 45.

клановыми узами, а родственные связи играют в ней важную связующую роль. Мать кузнеца Вакулы является ведьмой, но сам Вакула не унаследовал силы матери-колдуньи, а мужественно боролся с дьяволом. Катерина в «Страшной мести» была очень несчастной девушкой, дочерью колдуна, на которую распространилось родовое проклятие: мать, муж, сын погибли от рук отца-колдуна. С одной стороны, она, как набожная православная христианка и жена доблестного казацкого вождя, находится в постоянной борьбе с силами дьявольскими, с другой – в аспекте семейных отношений она проявляет слабость, поверив лживым признаниям отца и отпустив его, что напрямую приводит к гибели самых близких ей людей и ее безумию.

Сиротство, по мнению Л.А. Софроновой, является важным признаком отчужденности героев, указывающим на потенциальную связь их с потусторонним миром³⁷⁴. В этом плане Петро Безродный в «Вечере накануне Ивана Купалы» – самый яркий пример: «Может оттого, что никто не помнил ни отца его, ни матери. Староста церкви говорил, правда, что они на другой же год померли от чумы; но тетка моего деда знать этого не хотела и всеми силами старалась наделить его родней, хотя бедному Петру было в ней столько нужды, сколько нам в прошлогоднем снеге»³⁷⁵. А.Х. Гольденберг в этой связи отметил: «Лишенный защиты и покровительства в мире земном, сирота мог обращаться за помощью к миру потустороннему. Он имел статус посредника между миром людей и “иным” миром»³⁷⁶. Нельзя оставить без внимания и фамилию «Безродный»: она уходит своими корнями в малороссийский фольклор, где присваивается людям без роду и племени, которые часто заключают сделки с дьяволом, чтобы обрести любовь. Наиболее уязвимыми для демонического влияния оказываются люди, находящиеся в «переходном» состоянии, как жених-сирота Петро, который, чтобы завоевать красавицу

³⁷⁴ См.: Софронова Л.А. Мифопоэтика раннего Гоголя. СПб.: Алетейя, 2010. С. 243.

³⁷⁵ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 102.

³⁷⁶ Гольденберг А.Х. Архетипы в поэтике Гоголя. Волгоград: Перемена, 2007. С. 16–17.

Пидорку, заключает договор с темными силами на убийство невинного мальчика Ивася. В опасном положении оказываются и молодые Данило и Катерина: их счастьем также могут помешать нечистые силы.

В связи с действием сверхъестественных сил нельзя не упомянуть одну из широко распространенных в романтизме тем – безумие. Люди, подверженные влиянию нечистой силы, страдают от безумия, так как дьявольские существа мучают их. В повести «Вечер накануне Ивана Купала», «нравственные муки за совершенный грех – убийство невинного дитя – переходят в беспамятье и безумие»³⁷⁷ главного героя Петруся: «Бешенство овладевает им: как полоумный, грызет и кусает себе руки и в досаде рвет клоками волосы, покамест, утихнув, не упадет, будто в забытие, и после снова принимается припоминать, и снова бешенство, и снова мука...»³⁷⁸. Катерина в «Страшной мести» также становится жертвой своего несчастного положения: ее мать, мужа и сына убивает отец-колдун, а перед смертью она теряет рассудок и сама погибает от рук отца.

В ляочжаевских историях также встречаются ситуации, вызывающие болезни у героев. Однако, в отличие от гоголевского персонажа, который умирает в безумии, мистическая сила, действующая на главных героев в новеллах Пу Сунлина, даже вызывая у человека заболевание, проигрывает сражение, а победа человека часто проявляется в форме выздоровления. Как только демонические персонажи получают благословение от людей или же последние искренне раскаиваются, они способны их исцелить, что символизирует определенный компромисс между реальными и ирреальными персонажами. Например, в новелле «Лиса-наложница» (кит. «狐妾») лисица-красавица использует заклинание для наказания слуги, предвидя, что последний испытает сильные головные боли. Это происходит потому, что

³⁷⁷ Налетова Т.Б. Мотив мученичества в раннем творчестве Н. В. Гоголя // Евразийский союз ученых. 2015. № 7–5. С. 58.

³⁷⁸ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 109.

слуга выразил неуважение к наложнице-лисе своими словами. После осознания этой ошибки слуга перестает чувствовать головную боль³⁷⁹.

Договор с нечистой силой

Еще одно яркое различие можно обнаружить в поэтике фантастических произведениях Гоголя и Пу Сунлина: мотив заключения договора с «темной» силой присутствует почти в каждой из гоголевских повестей в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», а в произведениях китайского писателя демонические существа не влияют на человеческую жизнь подобным путем.

Мотив договора с нечистой силой представлен уже в первой повести «Сорочинская ярмарка», где Грицко, чтобы жениться на любимой девушке – Параське, обращается к хитрому цыгану (как показали Ю.В. Манн, М.Я. Вайскоп³⁸⁰ и др., его образ насыщен дьявольскими атрибутами) и договаривается с ним о продаже ему быков по низкой цене. В страшном рассказе о красной свитке также идет речь о человеке, заключившем сделку с дьяволом: черт, изгнанный из пекла, оставил свое красную свитку в залог у цыгана, чтобы тот через год выкупил его за деньги, которые задолжал за вино – «Смотри, жид, я приду к тебе за свиткой ровно через год: береги ее»³⁸¹! Однако тот цыган не сдержал своего обещания и продал свитку за высокую цену. Когда дьявол вернулся, он отказался признать свою вину. За это и наказание: «Однако ж свиньи, на ногах, длинных, как ходули, повлезали в окна и мигом оживили его плетеными тройчатками, заставя плясать его повыше вот этого сволока. Жид в ноги, признался во всем...»³⁸² Красная свитка, передаваемая далее, напугала всех, кто ее видел. Казалось, что каждый, кто

³⁷⁹ См.: *Пу Сунлин*. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай Чжи И). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. С. 68–70.

³⁸⁰ *Манн Ю.В.* Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Coda, 1996. С. 69; *Вайскопф М.Я.* Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. М.: РГГУ, 2002. С. 132.

³⁸¹ *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 88.

³⁸² Там же. С. 89.

поступал нечестно или недостойно, встречался с этой свиткой и получал заслуженное возмездие.

В «Вечерах накануне Ивана Купала» прослеживаются мотив сделки с нечистой силой и мотив искушения деньгами. Главный герой, Петрусь, – скромный труженик и сирота. Он и красивая Пидорка влюбляются друг в друга, но её отец, Корж, считает, что Петрусь слишком беден и не соответствует статусу, чтобы жениться на его дочери. Жадный Корж полагает, что только состоятельный жених, например, богатый лях, может взять Пидорку в жены и обеспечить им обоим богатство. Когда Петрусь оказался в глубоком отчаянии после расставания с возлюбленной, его душа была охвачена мраком. Именно в это время «бес-искуситель» является ему и обещает богатство и клады в обмен на ужасный поступок – убийство невинного Ивася, брата его возлюбленной. В жажде наживы Петрусь отворачивается от доброго пути и совершает необратимое зло, что приносит ему мирское изобилие и успех в любви, но в конечном счете приводит к неизбежному возмездию.

В «Майской ночи» договор главного героя Левко со сверхъестественной силой сильно отличается от договоров с дьяволом в первых двух произведениях, упомянутых выше. Поскольку бедная утопленница не стремится навредить ему: «Парубок, найди мне мою мачеху! Я ничего не пожалею для тебя. Я награжу тебя. Я тебя богато и роскошно награжу! У меня есть зарукавья, шитые шелком, кораллы, ожерелья. Я подарю тебе пояс, унизанный жемчугом. У меня золото есть... Парубок, найди мне мою мачеху! Она страшная ведьма: мне не было от нее покою на белом свете»³⁸³. Когда Левко выполняет свое обещание, данное русалке, она тоже оказывает Левко свою помощь: «Чем наградить тебя, парубок? Я знаю, тебе не золото нужно:

³⁸³ Там же. С. 131.

ты любишь Ганну; но суровый отец мешает тебе жениться на ней. Он теперь не помешает; возьми, отдай ему эту записку...»³⁸⁴.

Аналогичный сюжет о демонах, помогающих главному герою, можно найти в повести «Ночь перед Рождеством». Кузнец Вакула влюблен в красавицу Оксану. Между Вакулой и «темной» силой тоже существует договор, согласно которому черт должен помочь ему совершить невозможное действие – отправиться в Петербург за царскими черевичками. Вакула сделал вид, что заключил договор с чертом, но на самом деле хотел его подразнить. Он пригрозил черту крестным знамением и заставил отвезти себя в Петербург: «<...> пропищал черт, <...> ты знаешь, что без контракта ничего не делают. – Я готов! – сказал кузнец. – У вас, я слышал, расписываются кровью; постой же, я достану в кармане гвоздь! – Тут он заложил назад руку – и хватить черта за хвост. – Вишь, какой шутник! – закричал, смеясь черт, – ну, полно, довольно уже шалить! – Постой, голубчик! – закричал кузнец, – а вот это как тебе покажется? – При сем слове он сотворил крест, и черт сделался так тих, как ягненок. – Постой же, – сказал он, стаскивая его за хвост на землю, – будешь ты у меня знать подучивать на грехи добрых людей и честных христиан. – Тут кузнец, не выпуская хвоста, вскочил на него верхом и поднял руку для крестного знамения. – Помилуй, Вакула! – жалобно простонал черт, – все, что для тебя нужно, все сделаю; отпусти только душу на покаяние: не клади на меня страшного креста! – <...> Вези меня сей же час на себе! слышишь, неси как птица! – Куда? – произнес печальный черт. – В Петербург, прямо к царице!»³⁸⁵.

Проявление сделки с «темной» силой также отмечается и в «Пропавшей грамоте». Ведьма предложила деду Фомы Григорьевича сыграть три партии в карты, прежде чем она сможет вернуть ему шапку и грамоту. Для того чтобы их забрать обратно, дед вынужден выиграть хотя бы один раз из трех. Дед

³⁸⁴ Там же. С. 132.

³⁸⁵ Там же. С. 161.

проиграл первые два партии карточной игры, и ведьмы посмеялись над ним: «Только что дед успел остаться дурнем, как со всех сторон заржали, залаяли, захрюкали морды: “дурень! дурень! дурень!”»³⁸⁶. В третьей игре дед успешно отыграл шляпу с пришитой к ней грамотой с помощью Божественной силы: «Дед карты потихоньку под стол – и перекрестил; глядь – у него на руках туз, король, валет козырей; а он вместо шестерки спустил кралю. <...> Гром пошел по пеклу; ведьму напали корчи, и, откуда ни возьмись – шапка бух деду прямехонько в лицо»³⁸⁷.

В творчестве китайского писателя сверхъестественные существа не проявляют очевидных форм контрактных взаимоотношений с человеком. Лисицы-оборотни, как правило, устанавливают близкие связи со смертными людьми и склонны влиять на их действия напрямую, вместо заключения с ними дьявольской сделки. Так, в рассказе «Лисий сон» мы мотив игры, как у Гоголя в «Пропавшей грамоте». Студент Би играет в шахматы с девой-лисицей во сне, но всегда проигрывает. В отличие от карточных ставок между дедом и ведьмой у Гоголя, красивая лисица в произведении Пу Сунлина не проявляет враждебности к главному персонажу, не инициирует договоренности с ним, а помогает ему усовершенствовать свои стратегические навыки в шахматах. «Дева сказала: – Шахматы – это искусство, которое требует твоего собственного проникновения: как я могу быть тебе полезной? Вот с утра до вечера понемногу заимствуй у меня, может быть, добьешься исключительного умения. Так прошло несколько месяцев, и Би почувствовал, что он как будто сделал успехи»³⁸⁸. Отклик со стороны окружающих в реальности может также являться свидетельством прогресса студента Би в освоении шахматных навыков: «Би как-то вышел со двора, чтобы сыграть с теми, с которыми он ранее играл, все заметили его необыкновенные успехи и подивились»³⁸⁹.

³⁸⁶ Там же. С. 142.

³⁸⁷ Там же. С. 143.

³⁸⁸ Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая о необычайном. М.: Худож. лит., 1988. С. 69.

³⁸⁹ Там же.

Влюбленность в демона

Тема любви в сборниках Гоголя и Пу Сунлина занимает значительное место. В 498-ми рассказах китайского писателя ученые и студенты представлены в 340 персонажах. Главные герои – мужчины, включая и автора-повествователя. Они часто изображаются как бедные, одинокие и разочарованные ученые или учителя, нуждающиеся в помощи и спасении. Они пассивны и ждут перемен. Большинство женских персонажей представлены как красивые иноприродные девушки, обретшие человеческий облик, которые вносят в сюжет движение, радость и страсть. Взаимодействие с этими женщинами обогащает жизнь ученых, принося им удовлетворение и житейские успехи. Едва ли не треть новелл из рассказов «Ляо Чжая» представляют собой истории об очаровательных неземных героинях, влюбленных в смертных мужчин. Отражая идеалы писателя, эти мифологические женские образы показывают женщин как обладающих не только красотой, но и стойкостью в любви и ненависти, независимостью от мужчин и самодостаточностью.

Один из самых ярких примеров – новелла «Верная сваха Цин-мэй» (кит. «青梅»), в которой выражается представление писателя об идеальном браке. Главная героиня по имени Цинмэй является дочерью лисицы и смертного мужчины. Позже она становится служанкой дочери ученого по имени Ван. В доме Вана живет другой ученый Чжан. По словам автора, «Чжан был честный человек и хороший сын, во всем поступавший правильно и ничего не делавший кое-как»³⁹⁰. Молодая дочка у ученого Вана и Цинмэй восхищались почтительностью и честностью Чжан Шэна и пришли к выводу, что у него многообещающее будущее, поскольку он обладает тремя добродетелями –

³⁹⁰ Пу Сун-лин. Ляо Чжай чжи и (Странные истории из Кабинета Неудачника): Полное собрание в 12 цзюанях: В 7 т. Т. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2023. С. 341.

вежливостью, сыновней почтительностью и верой. Однако дочь Вана была нерешительной и отклонила предложение о браке со студентом Чжаном, поскольку ее родители считали, что он происходит из слишком скромной семьи. Узнав об этом, Цинмэй приходит ночью к Чжан Шэну и делает ему предложение. Лисица-служанка, не желающая принимать свое униженное положение, решает освободиться от диктата общества и пойти навстречу трудностям самостоятельно. Её отвага и решимость идти навстречу любви своим собственным путем вызывают глубокое восхищение. В рассказе «Подвиги Синь Четырнадцатой» (кит. «辛十四娘») излагается история любви между студентом Фэном и очаровательной лисцей Синь Четырнадцатой, и Фэн проявляет настойчивость в погоне за прекрасной девушкой-лисцей. В этой истории Фэн демонстрирует искренность и талант, в то время как Синь выделяется своей красотой, мягкостью и образованностью.

В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» отсутствуют образы влюбленных в человека демонов. Однако вторжение демонических сил в жизни человеческой часто встречается в Диканьском хуторе. Дьявольские силы разделяются на два противоборствующих лагеря по отношению к влюбленным героям: одни препятствуют их соединению, а другие помогают им вступить в брак. Например, В рассказе «Майская ночь» Левко видит во сне бедную утопленницу из загробного мира и помогает ей победить злую мачеху. Русалка поддерживает Левко в разрешении проблем с его отцом, что в итоге помогает ему завоевать сердце Гали, его возлюбленной. В «Страшной мести» злой колдун-антихрист разрушает семью своей дочери Катерины, которая окончательно становится жертвой своего несчастного положения: ее мать, мужа и сына убивает отец-колдун, а перед собственной гибелью от его рук она теряет рассудок. В повести «Вечер накануне Ивана Купала» влияние нечистой силы в человеческих отношениях более сложно. И брак в этом случае остается проблематичным: на первый взгляд дьявол Басаврюк и ведьма помогают Петро обрести клад; благодаря богатству главный герой побеждает соперника-поляка и получает согласие отца любимой девушки, жаждущего богатства.

Однако автор подчеркивает, что «от черта не будет добра»³⁹¹: убийство невинного ребенка (брата Пидорки) приводит к трагической гибели самого Петро.

Итак, взаимоотношения между демоническими персонажами и человеком в произведениях Гоголя и Пу Сунлина разнообразны. Китайский писатель уделяет больше внимания фольклорным источникам и максимально полно их описывает. Демонология у Гоголя лишь отчасти основана на фольклорных источниках, его подход к народным суевериям не столько описательный, сколько избирательный. Он не стремится к созданию обширной демонологической системы, а использует сверхъестественные образы как инструмент для раскрытия нравственно-религиозных тем, показывая разрушительные последствия греха. Наиболее распространенная форма отношений между чертями и людьми у Гоголя – договорная. В отличие от гоголевского дихотомического представления о добре и зле, существа из потустороннего мира в творчестве китайского писателя по большей части не искушители, не враги человечества, а скорее помощники, утешители (например, многие проанализированные пусунлиновские новеллы посвящены любовным отношениям между молодым студентом и привлекательной лисицей-оборотнем, также они рассказывают о том, как иномирные женские существа помогают студентам преуспеть в науках).

³⁹¹ *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 108.

3.5. Онейрический мотив: сон как путешествие³⁹²

«Майская ночь, или Утопленница»	«Лисий сон» («狐梦»; перевод В.М. Алексеева ³⁹³)
«Пропавшая грамота»	
«Страшная месть»	«Оживший Ван Лань» («王兰»; перевод В.М. Алексеева ³⁹⁴) «Ученый муж из Фэнъяна» («凤阳人士»; перевод А.Г. Сторожука ³⁹⁵)
«Иван Федорович Шпонька и его тетушка»	«Что видел пьяный Ван Цзы-ань» (кит. «王子安»; перевод В.М. Алексеева ³⁹⁶)
«Вечер накануне Ивана Купала»	«Расписная стена» («画壁»; перевод В.М. Алексеева ³⁹⁷)

Описание сновидений представляет собой распространенный литературный прием, который может служить ориентиром для компаративистского исследования фантастических произведений. В творчестве Гоголя и Пу Сунлина встречаются частые обращения к мотиву сна.

³⁹² При подготовке данного раздела были использованы материалы статьи: *Сунь Вэньцзюнь*. Онейрические мотивы в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя и «Рассказах Ляо Чжая о необычайном» Пу Сунлина: сон как путешествие // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 7. С. 153–158.

³⁹³ *Пу Сунлин*. Лисий сон // Пу Сунлин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай Чжи И). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. С. 54–58.

³⁹⁴ *Пу Сунлин*. Оживший Ван Лань // Пу Сунлин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай Чжи И). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. С. 108–110.

³⁹⁵ *Пу Сун-лин*. Ученый муж из Фэнъяна // Пу Сун-лин. Ляо Чжай чжи и (Странные истории из Кабинета Неудачника): полное собрание в 12 цзюанях: В 7 т. Т. 1. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. С. 377–385.

³⁹⁶ *Пу Сунлин*. Что видел пьяный Ван Цзы-ань // Пу Сунлин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай Чжи И). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. С. 407–411.

³⁹⁷ *Пу Сунлин*. Расписная стена // Пу Сунлин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай Чжи И). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. С. 132–134.

Следует отметить, что существуют яркие семейные предания, возможно повлиявшие на повышенное внимание двух писателей к мотиву сновидений.

Семейная история Гоголей-Яновских такова: Василий Афанасьевич, отец будущего писателя, отправился на богомолье в Ахтырку. В одном храме ему дважды приснился один и тот же пророческий сон: Богородица говорит ему о будущей жене. В первом сне он увидел маленькое дитя, а во втором – девочку в белом платье. Отец Гоголя хорошо запомнил черты ее лица, а потом нашел ее в реальном мире и посватался к ней. Эта девушка и есть будущая мать Гоголя – Мария Ивановна³⁹⁸.

Автор в предисловии к «Рассказам Ляо Чжая...» рассказывает, что однажды отец Пу Сунлина увидел во сне, как в дом вошел больной и худой монах с обнаженным правым плечом. К его правой груди прилип кусочек мази размером с медную монету. Отец проснулся, и в тот самый момент родился будущий писатель, а на его груди была черная родинка. Отец решает, что его сын – реинкарнация того самого монаха-аскета³⁹⁹.

Семейные истории о вещих снах обоих писателей возможно оказали на них неизгладимое впечатление в ранние годы и отразились в их последующих произведениях. В гоголевских «Вечерах на хуторе близ Диканьки» во всех повестях затрагивается тема сновидения. В сборнике Пу Сунлина более чем в 70-ти из 498-ми новелл встречается тема сна. Кроме того, сравнение мотива сна в поэтике Гоголя и Пу Сунлина позволяет лучше понять уникальность и своеобразие творчества каждого из них.

Переосмысление и переработка первоначальных материалов является неотъемлемой частью их творческой работы. Пу Сунлин сознательно опирается на народную фольклорную традицию. Как отметил В.М. Алексеев в предисловии к сборнику своих переводов из Пу Сунлина, сюжеты его

³⁹⁸ См.: *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Научное издание: В 7 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 183–184. (письмо матери Гоголя к С.Т. Аксакову от 1856 г.).

³⁹⁹ См.: *Пу Сунлин.* Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай чжи и). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. С. 15–16.

рассказов давно уже вошли в репертуар народных сказителей⁴⁰⁰. Большое количество сюжетов, связанных со сновидениями, относится к литературной традиции предыдущих эпох, в особенности к такому типу новелл эпохи Тан, как *чуаньци*. У Пу Сунлина к ним восходят такие рассказы, как «Ученый из округа Фэнъян» (кит. «凤阳人士») и «Пока варилась каша (Продолжение старой истории)» (кит. «续黄粱»).

Гоголь также переносит в свои повести народные предания, как оригинальные, так и уже интерпретировавшиеся европейскими и русскими писателями. Мотив сна у него имеет преимущественно литературное происхождение. Как отмечал Ю.В. Манн, «мотив сна становится одним из излюбленных мотивов эпохи романтизма, поскольку с его помощью маскировалась “другая жизнь”, т. е. элементы фантастического или мифологического»⁴⁰¹.

Последнее, вероятно, труднее представить у Пу Сунлина, поскольку тема сновидений в «Рассказах Ляо Чжая...» используется во многом для отражения действительности. Как указывает в своей работе литературовед Ма Жуйфан, «важная черта “Рассказов Ляом Чжая о необычайном” – использование мотива сна для сатирического обличения алчности и жестокости»⁴⁰². Яркие примеры этого представляют новеллы «Сон о волках» (кит. «梦狼») и «Подмененная невеста» (кит. «姊妹易嫁»).

У Гоголя онейрические, т. е. связанные с поэтикой сна, мотивы в «Вечерах...» получают романтическое освещение. Граница между явью и сном в духе немецкой новеллистики Э.Т.А. Гофмана и Л. Тика замаскирована: события сна описываются как реальные. В повести «Майская ночь, или Утопленница» герой-сновидец Левко видит сон о бедной утопленнице, дочке

⁴⁰⁰ Там же. С. 7.

⁴⁰¹ Манн Ю.В. Творчество Гоголя: смысл и форма. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. С. 57.

⁴⁰² 马瑞芳. 中国古代小说构思学. 山东: 山东教育出版社, 2016. 144 页. [Ма Жуйфан. Структура древних китайских романов. Шаньдун: Шандун цзюй чубаньшэ, 2016. С. 144.] (На кит. яз.).

сотника. Мачеха-ведьма затуманила рассудок ее отца, и он выгнал свою несчастную дочь из дома. Гонимая сирота находит покой в волнах. Конкретная временная обоснованность сна, связанного с ночью, говорит об архаических народных представлениях о майской русалке. Парубок во сне выполняет просьбу панночки и получает наградную записку. Отправляя своего героя в онейрическое пространство, Гоголь сочетает мир реальный и мир демонологический, а границы между «своим» и «чужим» хронотопом проницаемы. «“Неужели это я спал? – сказал про себя Левко, вставая с небольшого пригорка. – Так живо, как будто наяву!.. Чудно, чудно!” – повторил он, оглядываясь»⁴⁰³. Аналогичная ситуация в «Пропавшей грамоте». Дед проникает бесовское пекло во сне и возвращается в реальность также с помощью сна. Его границы в то же время являются границами пространства нечистой силы. «И как очнулся немного и осмотрелся, то уже рассвело совсем; перед ним мелькали знакомые места, и он лежал на крыше своей же хаты»⁴⁰⁴.

В «Рассказах Ляо Чжая...», по наблюдениям китайских исследователей, мотив сна часто выполняет особые функции: сон становится дорогой, ведущей людей в мир сверхъестественных сил⁴⁰⁵. Сходное наблюдение делает В.М. Алексеев, подчеркивая, что все рассказы Ляо Чжая затрагивают исключительно соединение видимого мира с невидимым посредством бесов, оборотней, лисиц, сновидений и т.д.⁴⁰⁶. Проиллюстрируем это ярким примером из известной новеллы Пу Сунлина «Лисий сон» (кит. «狐梦»). В ней повествуется о любовных свиданиях главного персонажа с лисицей во сне. Студент Би Иань по своей должности знает о заклинании духов и с большим увлечением изучает жизнь лисиц по фантастической повести «Красавица Цин-

⁴⁰³ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 132.

⁴⁰⁴ Там же. С. 143.

⁴⁰⁵ См.: 曾思艺. 新奇而又多样——论《聊斋志异》中的梦小说 // 景德镇学院学报. 2020. № 2. 第 3 页. [Цзэн Сии. Новизна и разнообразие – о поэтике сна в «Ляо Чжай Чжи И» // Известия института Цзиндэчжэнь, 2020. № 2. С. 3.] (На кит. яз.).

⁴⁰⁶ Пу Сунлин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай Чжи И). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. С. 17.

фэ» (кит. «青凤»). Однажды он во сне неожиданно сталкивается с демоническим существом – Третьей лисицей. При этом Би Иань также видит во сне, как пирует с сестрами лисицы. У Пу Сунлина, как и у Гоголя, граница между сном и явью размывается. Студент Би так же неотделим ото сна и реальности, как гоголевский герой Левко. «И вдруг Би открыл глаз: проснулся – все это было только сном. И все-таки в носу и во рту стоял густой винный дух. Сильно подвинулся. <...> – Мои сестры, – продолжала дева, – боясь твоего буйства, нарочно представили все это сном, но это не был сон»⁴⁰⁷.

В русских и китайских народных верованиях представления о душе во многом сходны. Так, в обеих народных культурах существует представление о том, что во время сна душа может временно покидать тело и блуждать по загробному лабиринту не по собственному желанию, а подчиняясь колдовству. В новелле «Оживший Ван Лань» (кит. «王兰»)⁴⁰⁸ показан эпизод об уходе души одной девушки во сне с помощью колдовства. Ей приснился страшный сон: во время прогулки девушки-сновидца в саду несколько юношей-призраков пытались похитить ее душу, а оживший Ван Лань ее спас. Подобный сюжет находим и у Гоголя – в повести «Страшная месть», когда душу Катерины отделяет от тела ее отец. Причину этой сверхъестественной власти раскрывает пан Данило: «Антихрист имеет власть вызывать душу каждого человека; а душа гуляет по своей воле, когда заснет он, и летает вместе с архангелами около Божией светлицы»⁴⁰⁸. Сны околдованной отцом Катерины пророческие, именно во сне она распознает сатанинскую сущность своего отца и узнает тайну смерти матери: «О, ты чудовище, а не отец мой!», «Зачем ты зарезал мать мою!»⁴⁰⁹. Таким образом, сны героини способствуют развитию сюжета повести.

⁴⁰⁷ Пу Сунлин. Указ. соч. С. 58.

⁴⁰⁸ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 198.

⁴⁰⁹ Там же. С. 197.

Для рассказов Пу Сунлина также характерны вещие сны. Например, в новелле «Фея древовидного пиона» (кит. «香玉») студент Хуан строит догадки о личности Цзян Сюэ, полагая, что она – дух пиона, до тех пор пока Цзян Сюэ не является к нему во сне и не просит о помощи. Только тогда он понимает, что Цзян Сюэ – дух зимнего цветка. Прежде чем рассказать сюжет сна, автор излагает предысторию, благодаря этому после объяснения сна тайна личности Цзян Сюэ раскрывается, снимая главную интригу произведения.

Гипнологическая ситуация в «Страшной мести» более сложна: писателем использован особый художественный прием – сон во сне. Во сне Данило видит жену Катерину: «И чудится пану Даниле (тут он стал щупать себя за усы, не спит ли) <...> и чудится пану Даниле, что облако то не облако, что-то стоит женщина;<...> Ах! это Катерина!», «– Какой же сон? уж не этот ли? – и стал Бурульбаш рассказывать жене своей все им виденное»⁴¹⁰. У Пу Сунлина в одной из новелл о снах – «Ученый муж из Фэнъяна» (кит. «凤阳人士») – использован похожий прием: мотив сна усложняется, используясь трижды – как тройной сон⁴¹¹. В уезде Фэнъян был один студент, который учился в дальних краях и долго от него не было вестей. Жена сильно скучала по мужу. Во сне ее приводит к мужу красивая девушка, но муж начинает оказывать знаки внимания красавице, а на жену совершенно не обращает внимания. Жена была так расстроена, что попыталась покончить жизнь самоубийством. Тогда пришел его брат и взял камень, чтобы побить мужа, чтобы наказать его за неверность. Жена проснулась от страха, а на следующий день и муж, и брат пришли домой, и в ходе беседы выяснилось, что все трое видели один и тот же сон. Таким образом, между снами главных героев в гоголевской повести и новелле Пу Сунлина можно некоторое сходство.

⁴¹⁰ Там же. С. 198.

⁴¹¹ 侯丽菲. 蒲松龄《凤阳士人》的叙事艺术 // 九江学院学报 (社会科学版). 2019. № 1. 第 46 页. [Хоу Лифэй. Повествовательное искусство в новелле Пу Сунлина «Ученый из Фэнъяна» // Известия Иститута Цзюцзян (социальная наука), 2019. № 1. С. 46.] (На кит. яз.).

В повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» прослеживается другой вид сновидений – гротескный сон о вездесущей жене Ивана Федоровича. «То снилось ему, что вокруг него все шумит, вертится. А он бежит, бежит, не чувствует под собою ног... вот уже выбивается из сил... Вдруг кто-то хватает его за ухо. “Ай! кто это?” – “Это я, твоя жена!” <...> На стуле сидит жена. Все так необычно; он не знает, как подойти к ней, как говорить с ней; и замечает, что у нее гусиное лицо. Вдруг он поворачивается и видит другую жену, тоже с гусиным лицом. Поворачивается в третью сторону – стоит третья жена. Назад – еще одна жена. <...> Он снял шляпу и видит: и в шляпе сидит жена. Пот выступил у него на лице. Полез в карман за платком – и в кармане жена; вынул из уха хлопчатую бумагу – и там сидит жена... <...> В страхе и беспомощности просыпался Иван Федорович. Холодный пот лился с него градом»⁴¹². Сон-тревога Шпоньки, на наш взгляд, приобретает метафорическое значение, ведь он показывает читателям внутренний эмоциональный мир персонажа – страх перед женой и венчанием.

В рассказе Пу Сунлина «Что видел пьяный Ван Цзы-ань» (кит. «王子安») изображено тревожное душевное состояние сновидца Ван Цзыаня, с нетерпением ожидающего результатов императорских экзаменов. Студент Ван постоянно терпит неудачи на экзаменах. После сдачи экзаменов, ближе к оглашению результатов, он напивается и видит сон о том, как получает степень *цзиньши*, а затем становится академиком в дворе Ханьлиньи (翰林院): «Вдруг какой-то человек докладывает ему, что приехал верховой с оповещением. Ван, шатаясь-мотаясь, вскочил и крикнул: – Дать вестнику десять тысяч! <...> Вдруг опять кто-то вошел к нему и сказал: – Ты сдал экзамен на степень *цзиньши*. – Как это я мог достичь этой степени, – изумился Ван, – если не ездил в столицу? – Ты забыл, что ли? – возразил человек. – Третьи экзамены уже закончились! Ван пришел в полный восторг. Вскочил и

⁴¹² Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 239.

закричал: – Подарить вестнику десять тысяч! <...> Прошло опять некоторое время. Стремительно вбежал к нему человек и сказал: – Ты академик в Ханьлинь, выбранный по дворцовому экзамену. Твои слуги уже здесь! Тут он увидел двоих людей, кланяющихся ему у постели. На них были чистые, строгие шапочки и одежды. – Угостить их вином и обедом! – крикну Ван»⁴¹³. Насмешки над студентом Ваном не столько показывают специфический быт ученых имперской эпохи, сколько иронически подчеркивают неуместность пустого мечтательства.

Все чудесные вдохновенные сны Гоголя снятся его персонажам вечером и ночью. Время после захода солнца всегда имело определенную таинственную коннотацию: это сакральное время безраздельного господства мистических, чаще всего нечистых сил. В «Рассказах Ляо Чжая о необычайном» не только вечер является пиком сверхъестественного: человек в дневное время тоже может сталкиваться с духами из потустороннего мира. Так, в повести «Расписная стена» (кит. «画壁») описан сон среди бела дня. Кандидат Чжу однажды случайно забредает в буддийский храм, и очаровывается изображением небесной феи на восточной стене. Он долго стоял перед фреской, пристально глядя на «красиву фею с челкой, которая держала в руках цветы»⁴¹⁴. И вдруг его тело становится легким и летит в туман, после чего он сам оказывается на расписной стене. Здесь он встречается с той девушкой, проводит с ней два дня, когда он «в любви слился с ней воедино». Но как только старый монах постучал пальцем по стену и позвал студента Чжу, и «тот быстро слетел со стены вниз»⁴¹⁵. В конце концов он понимает, что просто задремал среди бела дня и все это ему приснилось.

Еще одним особым видом сна у Гоголя является сон-забытье или сон без сновидений. В повести «Вечер накануне Ивана Купала» такой сон выполняет

⁴¹³ *Пу Сунлин*. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай Чжи И). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. С. 407–408.

⁴¹⁴ Там же. 132.

⁴¹⁵ Там же. С. 134.

психотерапевтическую функцию. Главный герой Петрусь заключил сделку с чертом-искусителем – Басаврюком. Чтобы найти клад золота, Петро вынужден совершить страшное убийство. «Выбившись из сил, вбежал он в свою лачужку и, как сноп, повалился на землю. Мертвый сон схватил его. Два дни и две ночи спал Петро без просыпа. Очнувшись на третий день, долго осматривал он углы своей хаты; но напрасно старался что-нибудь припомнить: память его была как карман старого скряги, из которого полушки не выманишь. Потянувшись немного, услышал он, что в ногах брякнуло. Смотрит: два мешка с золотом. Тут только, будто сквозь сон, вспомнил он, что искал какого-то клада, что было ему одному страшно в лесу... Но за какую цену, как достался он, этого никаким образом не мог понять»⁴¹⁶. Крепкий сон позволяет Петрусью на время забыть о своем ужасном преступлении – он убил Ивася, брата любимой девушки Пидорки. Однако в финале писатель-христианин утверждает о том, что «от черта не будет добра»⁴¹⁷.

В творчестве Гоголя и Пу Сунлина сон не только представляет собой особое физиологическое и психологическое состояние, но и путешествие персонажей в потусторонний мир. Сновидение как выражение фантастического мира, возникающего в пограничном хронотопе, в котором гармонично сочетаются мир реальный и ирреальный. По форме гоголевские сны делятся на следующие разновидности: пророческий сон, сон-тревога, сон во сне. Помимо упомянутых выше типов сновидений, для китайского классика в «Рассказах Ляо Чжая...» также характерны сны среди бела дня. Не менее существенную роль в гоголевской повести играет сон без сновидений или сон-забытье, который трудно представить у Пу Сунлина. Карл Као пишет о том, что «сны в китайском повествовании традиционно выполняют две функции: либо они аллегоричны, как “жизнь, подобная сну”, изображенная в танских произведениях, либо они образуют “сумеречную зону”, где живые и мертвые

⁴¹⁶ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 106–107.

⁴¹⁷ Там же. С. 108.

или иные сверхъестественные существа могут свободно общаться друг с другом»⁴¹⁸. Гоголь же, по словам Ю.В. Манна, «...в концепции фантастики исходит из представления о двух противоположных началах: добра и зла, божеского и дьявольского»⁴¹⁹. Таким образом, Гоголь подчеркивает опасность со стороны «темных» сил через фантастические сюжеты, а в ляочжаевских повестях, например, в рассказах «Лисий сон» и «Расписная стена», разлука главного героя с очаровательной девушкой из иного мира больше напоминает о невозможности соединения любящих из-за сословных и имущественных различий или иных ограничений, налагаемых обществом.

⁴¹⁸ *Kao S.Y.K.* Classical Chinese Tales of the Supernatural and the Fantastic. Bloomington: Indiana University Press, 1985. P. 229.

⁴¹⁹ *Манн Ю.В.* Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Coda, 1996. С. 74.

3.6. Хронотоп границы: пространственно-временные пороги иного мира⁴²⁰

М.М. Бахтин использует термин «хронотоп» (от др. греч. χρόνος, «время» и τόπος, «место») для обозначения «существенной взаимосвязи временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе»⁴²¹. Понятия «границы» могут трактоваться и как пространственные понятия (границы государств или природных поясов), и как временные (рождение Иисуса Христа – начало нашей эры). Ю.М. Лотман в работе о семиосфере выделяет такие культурные дихотомии: «...всякие культуры начинаются с разделения мира на “внутреннее” (свое) и “внешнее” (чужое) пространство. Пространство также делится на “безопасное”, “гармонически организованное”, в отличие от “враждебного” и “хаотического”. Несвязанные цивилизации могут находить совпадающие выражения для описания мира по ту сторону границ»⁴²². Последнее дает нам новый ориентир для типологического изучения русского и китайского писателей.

Гоголь и Пу Сунлин нередко акцентируют внимание на «пограничности» своих фантастических образов, находящихся как бы на переходе от реального к ирреальному миру. Эти образы являются ключевыми элементами, повторяющимися в текстах и обладающими особой значимостью для изучения черт сходства и различий в поэтике двух писателей.

Пограничное бытовое время – Вечер/ночь.

⁴²⁰ При подготовке данного раздела были использованы материалы статьи: *Сунь Вэньцзюнь*. Пограничный хронотоп в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя и «Рассказах Ляо Чжая о необычайном» Пу Сунлина // Отечественная филология. 2024. № 2. С. 20–28.

⁴²¹ *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234.

⁴²² *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 191.

«Вечера на хуторе близ Диканьки»	«Рассказы Ляо Чжая о необычайном»
«Вечер накануне Ивана Купала» «Ночь перед Рождеством» «Заколдованное место» «Страшная месть» «Майская ночь...» «Пропавшая грамота»	«Оживший труп» («尸变»); перевод А.Г. Сторожука ⁴²³) «Горное чудовище» («山怪») «Четвертая Ху» («胡四姐»); перевод В.М. Алексеева ⁴²⁴) «Неудачи честного Чжан Хун- цзяня» («张鸿渐»); перевод В.М. Алексеева ⁴²⁵)

Важным пространственно-временным аспектом в ранней прозе Гоголя и новеллах Пу Сунлина является пограничное время – период, когда герой имеет возможность взаимодействовать с загробным миром или проникать в него. Поэтика ноктюрнальности связана с ночным временем и ночными пейзажами, отражающими загадочный и величественный мир с такими его элементами, как луна, бледный свет и его отражение в воде, игра теней, мрачные деревья и кусты, безмолвие или крики ночных птиц. В это время проявляют себя сверхъестественные силы – являются мертвецы, призраки и духи, да и люди, скитающиеся в темное время, кажутся подозрительными, представляют какую-то опасность⁴²⁶.

⁴²³ Пу Сун-лин. Оживший труп // Пу Сун-лин. Ляо Чжай чжи и (Странные истории из Кабинета Неудачника): Полное собрание в 12 цзюанях: В 7 т. Т. 1. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. С. 55–58.

⁴²⁴ Пу Сунлин. Четвертая Ху // Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая о необычайном. М.: Худож. лит., 1988. С. 35–40.

⁴²⁵ Пу Сунлин. Неудачи честного Чжан Хун-цзяня // Пу Сунлин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай Чжи И). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. С. 539–547.

⁴²⁶ Евдокимов А.А. О генезисе ноктюрнальности в «Вечерах на хуторе близ Диканьки Н.В. Гоголя» // Поэзия филологии. Филология поэзии: Сборник конференции, посвященной А.А. Илюшину. Тверь, 2018. С. 46–47.

Ноктюрнальная поэтика Гоголя и Пу Сунлина имеет немало общих черт – вечер является не только промежуточной сферой между «своим» и «чужим» миром, но и временем господства сверхъестественных сил.

Сумеречный колорит – время вдохновения и ожидания чудесного и таинственного. У Гоголя в этом можно увидеть отражение специфики народнопоэтического мышления⁴²⁷. Пу Сунлин в предисловии записок о «Ляо Чжае» выражает свое предпочтение творить в ночное время: «<...> Все, что я могу делать, это вот: в эту полночь, звездами мерцающую; при свече, что к узору нагара стремится»⁴²⁸!

Ночь в древней китайской беллетристике, в частности *вэньяньсяошо* (кит. 文言小说) (новеллы с динамичным фантастическим сюжетом на старом литературном языке *вэньянь*), является уникальным символом. По мнению современного литературоведа Хуан Линь, «во многих фантастических рассказах династий *Мин* и *Цин* действие происходит ночью, и это время окутывает читателя таинственностью и страхом»⁴²⁹. Соответствующие выражения можно обнаружить в ноктюрнальной лексике «Рассказов Ляо Чжая...», который включает в себя *ночь, полночь, закат, рассвет, восход солнца на востоке и т. д.* Как дополнения к этому семантическому комплексу границы здесь также присутствуют образы *свечи, огня и света и т. п.* Основной сюжет разворачивается во мраке ночи, делая ее главным пространством для развития событий.

Исходя из даосских и буддийских учений о сверхъестественных силах, солнце обладает атрибутом *ян* (阳), в то время как луна является воплощением *инь* (阴). Инфернальные существа, по народным поверьям, состоят из злой

⁴²⁷ Гиппиус В.В. Творческий путь Гоголя // Гиппиус В.В. От Пушкина до Блока. М.; Л.: Наука, 1966. С. 69.

⁴²⁸ Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая о необычайном. М.: Худож. лит., 1988. С. 16.

⁴²⁹ 黄霖. 中国古代小说叙事三维论. 上海: 书店出版社, 2019. 148 页. [Хуан Линь. Теория трехмерного повествования древних китайских романов. Шанхай: Шудянь чубаньшэ, 2019. С. 148.] (На кит. яз.).

энергии мира, которая накапливается энергией *инь*⁴³⁰. Они не могут сопротивляться земной энергии *ян* при свете дня и осмеливаются выйти наружу только ночью, когда энергия *инь* становится более активной и способна нанести вред. Например, в рассказах «Козни покойницы» (кит. «尸变»)) и «Горное чудовище» (кит. «山怪»)) чужеродные персонажи из подземного мира используют мрачную атмосферу ночи, чтобы причинить вред главному герою. В других рассказах вечер утрачивает свою мистическую и устрашающую силу и становится поэтичным и романтическим временем. Ночь создает благоприятную картину для встречи ученого с обаятельными женскими персонажами из потустороннего мира. Например, в новеллах «Четвертая Ху» (кит. «胡四姐»)) и «Неудачи честного Чжан Хун-цзяня» (кит. «张鸿渐»)) студенты Шан и Чжан повстречали красивых добросердечных лисиц и развили с ними любовные отношения.

Когда речь идет о названии гоголевского сборника, то отмечаются два значимых компонента: единство пространства и времени повествования. Романтическая ориентация – «вечера» или «ночи» и более локализованное пространственное указание с малороссийским колоритом – «Диканьский хутор». Но поэтика ноктюрнальности в гоголевском случае является еще более многомерной: она включает в себя время повествователя, время событий (как у Пу Сунлина), а также жанровую форму, которая продолжает традицию романтизма в европейской и русской литературе.

В гоголевских повестях наиболее распространенным промежуточным хронотопом является именно вечернее время. Как пишет современная исследовательница А.А. Полякова, «в этой связи “вечер”, “ночь” и “накануне” не случайно включены в заголовки произведений: “Ночь перед Рождеством”, “Вечер накануне Ивана Купала”, “Майская ночь”; в других произведениях,

⁴³⁰ Согласно даосской концепции, энергия «инь» – это пассивная, холодная и темная сила, противопоставленная энергии «ян» (см., например: 詹石窗. 道教文化十五讲. 北京: 北京大学出版社, 2012. 47 页. [Чжань Шичуан. Пятнадцать лекций о даосской культуре. Пекин: Пекин дасюэ чубаньшэ, 2019. С. 47]).

таких как “Пропавшая грамота”, “Страшная месть” и “Заколдованное место”, имеются семантические значения загадочности и ужаса»⁴³¹.

Итак, первый сборник Гоголя отличается своим заглавием и событиями – время действия в повестях происходит вечером и/или ночью. У пасечника Рудого Панько проходят вечера («вечерницы»), сопровождаемые огнями, смехом, звуками балалайки и скрипки. Именно вечер и ночь стали подходящим временем для рассказывания страшных историй и приближения хуторян к иномирной реальности.

Дед Фомы Григорьевича в «Заколдованном месте» как «только стало смеркаться в поле», оказывается в сатанинском пекле, и на этом проклятом месте дед не вытанцевался: «Только что дошел, однако ж до половины и хотел разгуляться и выметнуть ногами на вихорь какую-то свою штуку, не подымаются ноги, да и только! Что за пропасть! Разогнался снова, дошел до середины – не берет! что хочь делай: не берет, да и не берет! ноги, как деревянные, стали»⁴³². В «Страшной мести» Данила отправляется в замок колдуна в вечернее время, Катерина отпускает отца тоже вечером. В «Сорочинской ярмарке» кульминационный эпизод происходит в вечернее время – в окне дома Цыбули появляется свиная рожа. Также неслучайно, что договор Грицько с цыганом был заключен на закате. Образ цыган обильно наполнен демоническими атрибутами, на что неоднократно указывали исследователи Гоголя, в том числе Ю.В. Манн и М.Я. Вайскопф. Вот как Гоголь описывал цыган в своей повести: «Озаряясь светом, неверно и трепетно горевшим, они казались диким сонмищем гномов, окруженных тяжелым подземным паром, в мраке непробудной ночи»⁴³³. Кроме того, вечер снимает запрет на встречу влюбленных. Так в «Майской ночи» любовь Левко к Гане

⁴³¹ См.: Полякова А.А. Структурообразующая роль народного календаря в цикле Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008. С. 14.

⁴³² Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 241–243.

⁴³³ Там же. С. 91.

выразилась «в блеске чистого вечера» в его песне «сонце низенько, вечер близенько...»⁴³⁴. Встреча Левко с русалкой тоже происходит ночью. Перед её появлением описывается благоухающий ночной пейзаж: «странное, упоительное сияние», «серебряный туман», «запах от цветущих яблонь и ночных цветов» и «блистательные песни соловьев»⁴³⁵. Так, страшная и мрачная ассоциация ночи уступает у Гоголя место сказочному, очаровательному, пронизанному божественной благодатью малороссийскому вечеру. В «Вечере накануне Ивана Купала» момент искушения дьяволом-Басаврюком главного героя Петро отличается «пограничностью»: «Завтра Ивана Купала. Одну только эту ночь в году и цветет папоротник. Не прозевай! Я тебя буду ждать, о полночи, в Медвежьем овраге»⁴³⁶. Петро встречается с представителями с «того» света – дьяволом и ведьмой, а затем совершает ужасные преступления и погружается в состояние безумия.

Пограничные локусы

Поэтика промежуточного времени имеет также и пространственные соответствия. Пространство, в котором обитают персонажи Гоголя и Пу Сунлина, неоднородно: оно не только географическое, но и культурное. Оба писателя акцентируют внимание на «пограничности» этих локусов как на переходе от реального к ирреальному миру. Они могут трансформироваться в мифологический локус или приобрести в значительной степени мистический подтекст.

Закрытые локусы – дом, кабинет.

«Майская ночь или Утопленница»	
«Пропавшая грамота»	

⁴³⁴ Там же. С. 128.

⁴³⁵ Там же. С. 130.

⁴³⁶ Там же. С. 104.

«Страшная месть»	«Фея Лотоса» (кит. «荷花三娘子»; перевод В.М. Алексеева ⁴³⁷)
------------------	--

Согласно русской пословице, «дома и стены помогают». Однако в гоголевской прозе при вмешательстве колдовских чар дом оказывается незащищенным. Например, в «Пропавшей грамоте» невероятные вещи творятся не только с дедом, попавшим в демонический лабиринт, но и с его женой, оставшейся дома – «<...> баба сидит, заснувши перед гребнем, держит в руках веретено, и сонная подпрыгивает на лавке. <...> Нужно, вижу, будет освятить нашу хату <...>»⁴³⁸. Причем такое вторжение демонических сил происходит раз в год: «Видно, уже в наказание, что не спохватился, тотчас после того, освятить хату, бабе ровно через каждый год, и именно в то самое время, делалось такое диво, что танцуется, бывало, да и только. За что ни примется, ноги затевают свое, и вот, так и дергает пуститься в присядку»⁴³⁹. В «Майской ночи» ведьма-мачеха вторглась в дом сотников дочери и ее выгнала; в «Страшной мести» Катерина пытается защитить себя, умоляя мужа запереться в комнате, чтобы избежать трагедии, однако отцу-колдуну все-таки удалось вызывать душу спящей дочери.

В китайском конфуцианском мировоззрении кабинет (*чжай* – кит. 齋) является местом бытовой жизни ученого, отделенным от семейного двора и отличающимся тишиной и закрытостью⁴⁴⁰. Пу Сунлин, будучи писателем, предпочитал творить именно в своем кабинете, откуда неслучайно происходит название его сборника «Странные истории из Кабинета Ляо». В рассказах Пу Сунлина от вторжения потустороннего существа необязательно исходит

⁴³⁷ Пу Сунлин. Фея лотоса // Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая о необычайном. М.: Худож. лит., 1988. С. 110–115.

⁴³⁸ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 144.

⁴³⁹ Там же.

⁴⁴⁰ 马瑞芳. 马瑞芳品读《聊斋志异》. 全五册. 第二册. 北京: 天地出版社, 2023. 353 页. [Ма Жуйфан. Ма Жуйфан читает «Ляо Чжай Чжи И»: В 5 т. Т. 2. Пекин: Тяньди чубаньшэ, 2023. С. 353.] (На кит. яз.).

опасность. Кабинет представляет собой лишь тихое и уединенное помещение, не посещаемое никем другим, в кабинете происходят тайные встречи, например, между студентом и лисицей-чародейкой. В повести «Фея Лотоса» (кит. «荷花三娘子») студент Цзун был очарован дево́й-оборотнем и сказал: «С такой красавицей, как ты, милая, я условлюсь просто с глазу на глаз – и это будет вполне серьезно»⁴⁴¹. А затем он пригласил ее посетить вечером его скромный кабинет.

«Пороговый» локус – окно.

«Сорочинская ярмарка»	«Искусство наваждений» («妖术»; перевод В.М. Алексеева ⁴⁴²)
«Майская ночь...»	«Девушка Яньчжи» («胭脂»)
«Страшная месть»	«Разрисованная кожа» («画皮»; перевод В.М. Алексеева ⁴⁴³)

Окно является одним из важнейших фантастических символов в русской и китайской поэтике ужаса: вместо двери оно выступает как негласный, потенциальный вход для сверхъестественных сил⁴⁴⁴. В «Сорочинской ярмарке» через окно дома Цыбули заглянуло страшное свиное рыло, олицетворяющее зло и тьму, которые проникают в «свое» пространство. В рассказе Пу Сунлина «Искусство наваждений» (кит. «妖术») через окно на

⁴⁴¹ Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая о необычайном. М.: Худож. лит., 1988. С. 112.

⁴⁴² Пу Сунлин. Искусство наваждений // Пу Сунлин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай Чжи И). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. С. 439–442.

⁴⁴³ Пу Сунлин. Разрисованная кожа // Пу Сунлин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай Чжи И). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. С. 296–301.

⁴⁴⁴ См.: Виноградова Л.Н., Левкиевская Е.Е. Окно // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 3. М.: Междунар. отношения, 2004. С. 534–539; 苏瑶. 论《聊斋志异》中“窗”的叙事功能 // 九江学院报. 2023. № 1. 第 53–58 页. [Су Яо. О повествовательной функции «окна» в «Ляо Чжай Чжи И» // Журнал Цзюцзянского университета. 2023. № 1. С. 53–58.] (На кит. яз.).

постоялом дворе господин Юй заметил ужасного демона, пытающегося управлять им с помощью своей адской силы.

В творчестве Гоголя и Пу Сунлина прослеживается тенденция использовать окно в качестве средства коммуникации главных героев, по различным причинам ограниченных в возможности войти в дом через дверь. В рассказе «Девушка Яньчжи» (кит. «胭脂») студент Су притворился возлюбленным и ночью перелез через стену в дом Яньчжи и постучал в окно, чтобы пообщаться с ней. У Гоголя в «Майской ночи» образ окна является одним из наиболее частотных. Так, в некоторые моменты (встреча Левко с Ганной и его встреча с бедной утопленницей) изображения окон появляются даже до десятка раз. Иногда в повествовании наблюдается значительное увеличение повторяемости этих образов. «Вода задрожала, и окно закрылось снова», «окно тихо отворилось <...>»⁴⁴⁵. Окно – это образ, символ границы между двумя мирами – миром реальным и иномиром. Прозрачная часть окна является преградой и одновременно ее отсутствием. Кроме того, окно выполняет функцию подглядывания, позволяя главному герою раскрыть неожиданную тайну. У Пу Сунлина подобные мотивы сгущаются в наиболее жуткой сцене в рассказе «Разрисованной коже» (кит. «画皮»): кандидат Ван обнаружил, что дверь его кабинета заперта, и, заглянув в окно, выяснил, что красивая девушка на самом деле оказалась «свирепым чертом», который «разостлал на кровати человеческую кожу и с цветною кистью в руке стоял и разрисовывал ее»⁴⁴⁶. У Гоголя в «Страшной мести» Данило ночью отправился в замок колдуна, но там «ни ворот, ни дверей не видно», он «полез на дуб, из него прямо можно глядеть в окошко»⁴⁴⁷, и его удивило дьявольское зрелище в доме тестя: он стал свидетелем вызова души Катерины.

⁴⁴⁵ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 129–130.

⁴⁴⁶ Пу Сунлин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай Чжи И). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. С. 298.

⁴⁴⁷ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 195.

Пустынные места – лес, кладбище и заброшенное поместье.

«Вечер накануне Ивана Купала»	«Красавица Цин-фэн» («青凤» перевод В.М. Алексеева ⁴⁴⁸)
«Страшная месть»	

Пустынные места являются локусами, куда направляются почти все герои у Гоголя и Пу Сунлина в своих приключениях, сопровождаемых жутким и таинственным подтекстом. В «Вечере накануне Ивана Купала» Петрусь встретился с Басаврюком и ведьмой, нашел клад и цветущий папоротник в непроходимом лесу за Медвежьим оврагом; на горе, за темным лесом, находится замок колдуна; у сотниковой дочки имеется заброшенный дом и пруд, окруженные лесом. В повести «Красавица Цин-фэн» (кит. «青凤») студент Гэн Цюйбин встречается красавицу-лисицу по имени Цинфэн в заброшенном поместье своей семьи, также являющемся важным пограничным локусом. Позже, спасая маленькую бедную лисицу на кладбище, он понимает, что это и есть та самая Цинфэн.

У Гоголя сцены на кладбище тоже, как правило, ужасны: в «Страшной мести» Данила видит, как кресты на могилах зашатались и из-под земли стали вылезать высохшие мертвецы, повергающие его в состояние крайнего ужаса: «Остановился и пан Данило: страх и холод прорезался в козацкие жилы. Крест на могиле зашатался, и тихо поднялся из нее высохший мертвец. Борода до пояса; на пальцах когти длинные, еще длиннее самых пальцев. Тихо поднял он руки вверх. Лицо все задрожало у него и покривилось. Страшную муку, видно, терпел он. “Душно мне! душно!” – простонал он диким, не человеческим голосом. Голос его, будто нож, царапал сердце, и мертвец вдруг ушел под землю. Зашатался другой крест, и опять вышел мертвец, еще страшнее, еще выше прежнего; весь зарос; борода по колена и еще длиннее когтистые когти.

⁴⁴⁸ Пу Сунлин. Красавица Цин-фэн // Пу Сунлин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай Чжи И). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. С. 71–76.

Еще диче закричал он: “Душно мне!” – и ушел под землю. Пошатнулся третий крест, поднялся третий мертвец»⁴⁴⁹.

Водное пространство – мост.

«Сорочинская ярмарка»	«Изгнанница Чанъ-э» («嫦娥»; перевод В.М. Алексеева ⁴⁵⁰)
-----------------------	---

По русским народным представлениям, мост традиционно ассоциируется с элементами свадебной обрядовости. В «Сорочинской ярмарке» Грицко встречает Солопия и его семейство на мосту через реку, что служит началом для развития сюжетной линии, связанной с любовью к Параске и конфликтом с ее мачехой. В древней китайской литературе образ моста тоже воспринимается как символ любовной связи между влюбленными (например, сорочий мост – 鹊桥)⁴⁵¹. В повести «Изгнанница Чанъ-э» (кит. «嫦娥») ученый Цзун встретил прекрасную фею с именем Чанъ-э на Красном мосту и мечтал о браке с ней, однако безуспешно. Наконец, его желание осуществляется, когда они снова встречаются на Красном мосту. Однако следует учитывать, что, несмотря на то что мост в культуре восточных славян часто ассоциируется с символикой брака, его интерпретируют по-разному. По словам В.Н. Топорова, «наведение моста открывает путь из старого пространства и времени к новому, из одного цикла в другой, как бы из одной жизни в другую, новую»⁴⁵². Свадебная процессия, проходящая по мосту, символизирует

⁴⁴⁹ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 188.

⁴⁵⁰ Пу Сунлин. Изгнанница Чанъэ // Пу Сунлин. Станные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай Чжи И). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. С. 397–406.

⁴⁵¹ См.: 张晶, 周晓林. 试谈中国古代文学的桥意象 // 西华师范大学学报. 2009. № 1. 第 106–109 页. [Чжан Цзин, Чжоу Сяолин. Образ моста в древнекитайской литературе // Известия Западно-Китайского педагогического университета. 2009. № 1. С. 106–109.] (На кит. яз.); 秦观. 鹊桥仙七夕 // 全宋词. 北京: 中华书局, 1965. 第 495 页. [Цинь Гуань. Сорочий мост // Сунские цы. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1965. С. 495.] (На кит. яз.).

⁴⁵² Топоров В.Н. Мост // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1988. С. 176–177.

переход к новому этапу жизни; вода служит естественной преградой, а мост выполняет традиционную функцию символической границы. Следовательно, в отличие от традиционного восприятия образа моста в древнем Китае, для восточных славян более значима его функция разделения пространств, нежели их соединения.

Постоялый двор и питейное заведение

«Вечера накануне Ивана Купала»	«Искусство наваждений» («妖术»; перевод В.М. Алексеева ⁴⁵³)
--------------------------------	--

Питейные заведения и постоялые дворы как особенные пограничные локусы фантастического играют значительную роль в сборниках Гоголя и Пу Сунлина, так как они являются привычными местами, где являются духи из потустороннего мира. Так, в «Вечере накануне Ивана Купала» говорится, что дьявол в «человеческом образе» разгульно пьянствовал в шинках вдоль Опошнянской дороги, соблазняя казаков и пытаясь подкатить к красивым девушкам. В новеллах «Ляо Чжая» много внимания уделяется описанию гостиничных помещений, так как они являются необходимым местом для путешественников, в том числе человека и чужеродных существ. Например, в рассказе «Искусство наваждений» (кит. «妖术») господин Юй отправляется к гадале, который предсказывает ему смерть через три дня, однако Юй не верит ему, на третий день он долго сидит в постоялом дворе, где появляются злые призраки, он храбро сражается с ними, побеждая их в конце концов. Разгадка заключается в том, что гадалец использовал ловушку.

На основе изложенного выше можно сделать вывод, что в ранней прозе Гоголя и новеллах китайского писателя обнаруживаются многие сходные

⁴⁵³ Пу Сунлин. Искусство наваждений // Пу Сунлин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай Чжи И). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. С. 439–442.

фантастические образы потустороннего мира (*ночное время, дом, кабинет, окно, лес, кладбище, мост, заброшенное поместье, постоялый двор, питейное заведение и т. д.*). Автор сборника «Рассказы Ляо Чжая...» представляет вниманию читателей различные фантастические истории, связанные с жизнями людей, богов, демонов, призраков и лисиц-оборотней. В гоголевских «малороссийских» повестях тоже присутствует подобная тенденция: мир реальный и мир потусторонний, мир живых и мир мертвых оказываются взаимопроницаемы, однако граница между ними отчетливо видна. Пограничные хронотопы у Гоголя и Пу Сунлина можно интерпретировать как особую сферу, в которой герой встречается с демоническими персонажами в какой-то критический момент своей жизни и выходит оттуда живым и целым или так или иначе гибнет – в зависимости от тех нравственных решений, которые он принимает.

3.7. Праздники и народные гулянья⁴⁵⁴

Художественные миры в сборниках Н.В. Гоголя и Пу Сунлина имеют значительное сходство: оба автора, опираясь на фольклорную традицию, детально изображают народные обычаи и обряды, связанные с праздниками. В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» действие большинства повестей разворачивается на празднично-ритуальном фоне – либо в преддверии праздника («Вечер накануне Ивана Купалы», «Ночь перед Рождеством»), либо в особом праздничном локусе, в карнавальной атмосфере («Сорочинская ярмарка», «Майская ночь», «Страшная месть», «Заколдованное место»). А.Х. Гольденберг пишет: «С народным календарем неразрывно связана семантика художественного времени у Гоголя. Уже в “Вечерах на хуторе близ Диканьки” фольклорные и церковные хрононимы, т. е. имена собственные точек и отрезков календарного времени, становятся не только названиями, но и сюжетными хронотопами гоголевских текстов»⁴⁵⁵. Ю.В. Манн показывает, как праздничное пространство («веселое место») совмещается с демоническим («проклятым местом») ⁴⁵⁶, что особенно ярко проявляется в «Сорочинской ярмарке» и «Заколдованном месте».

В древнекитайской литературе народный календарный праздник как важный обрядовый фон также играет существенную роль в структуре сюжета произведений различных жанров⁴⁵⁷. В «Рассказах Ляо Чжая...» народные праздники упоминаются более чем в 40 новеллах; среди них – Праздник Весны (Новый год), Цинмин, Праздник Фонарей, Чунъян, Праздник Луны (Середины осени) и Дуанью.

⁴⁵⁴ При подготовке данного раздела были использованы материалы статьи: *Сунь Вэньцзюнь*. Мотив праздника и народная демонология в ранней прозе Н.В. Гоголя и новеллах Пу Сунлина // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 3. С. 434–437.

⁴⁵⁵ *Гольденберг А.Х.* Творчество Гоголя в мифологическом и литературном контексте: учебное пособие. Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2019. С. 21.

⁴⁵⁶ *Манн Ю.В.* Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Coda, 1996. С. 20.

⁴⁵⁷ См.: *李道和*. 岁时民俗与古小说研究. 天津: 天津古籍出版社, 2004. 480 页. [*Ли Даохэ*. Фольклористика и исследование древнего сяошо, Тяньцзинь: Тяньцзинь гуцзи чубаньшэ, 2004. 480 с.] (На кит. яз.).

М.Я. Вайскопф отмечал, что у Гоголя «один из часто используемых приемов в экспозиции сюжета – описать шумный праздник, который способствует усилению речевого взаимодействия между персонажами, словно они оказываются в общем поле силы»⁴⁵⁸. М.М. Бахтин отмечал подобную тенденцию в своем тезисе о смеховом мире в гоголевской Диканьке: «Праздники, с их поверьями и особой атмосферой вольности и веселья, выводят жизнь от обычных ограничений и делают невозможное возможным»⁴⁵⁹. Как у Гоголя, так и у Пу Сунлина праздники нередко выполняют сюжетобразующую функцию, становясь поворотными моментами в судьбах героев. Демонические существа выступают не столько в роли носителей фантастического начала, сколько сосуществуют с реальными персонажами. Поскольку любовная интрига является одной из ключевых тем в творчестве обоих авторов, встреча во время народного праздника часто стимулирует развитие любовной линии в их произведениях.

В сборнике «Вечера на хуторе близ Диканьки», в первой повести «Сорочинская ярмарка», восемнадцатилетняя Параска встречается на торговой и увеселительной ярмарке парубка Грицко. Между молодыми людьми возникает симпатия, и Грицко стремится соединиться со своей возлюбленной, однако их союзу препятствуют противоборствующие силы: одни стараются помешать их счастью, другие – помогают вступить в брак. Хивря, мачеха Параски, принимает участие в свадебном обряде, но при этом пытается сорвать праздник. Ее внешность отмечена чертами колдуньи, что усиливает ее демонический образ. Хитрые цыганы, заключив сделку с Грицко на ярмарке, тайно помогают молодым. События повести завершаются счастливой развязкой – танцами и свадебным весельем.

⁴⁵⁸ Вайскопф М. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. М.: РГГУ, 2002. С. 106.

⁴⁵⁹ Бахтин М.М. Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура) [1940, 1970] // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 4(2): М.: Языки славянских культур, 2010. С. 518.

В повести «Ночь перед Рождеством» сюжет разворачивается накануне Рождества Христова – праздника, входящего в зимний святочный цикл. Наряду с христианской традицией в повести обнаруживаются языческие элементы, такие как народная колядка. Как замечает пасечник Рудый Панько: «колядовать у нас называется петь под окнами накануне. <...> Говорят, что был когда-то болван Коляда, которого принимали за Бога, и что будто оттого пошли и колядки. Кто его знает? Не нам, простым людям, об этом толковать. Прошлый год отец Осип запретил было колядовать по хуторам, говоря, что будто сим народ угождает сатане»⁴⁶⁰. По словам С.М. Толстой, «понимание праздника как опасного для людей разрыва границы между “тем” и “этим” миром составляет элемент языческой картины мира. По народным представлениям, все праздники опасны, и чем крупнее и “святое” праздник, тем он опаснее»⁴⁶¹. Однако бесовские персонажи в этой повести наглядно снижены и наделены комической окраской. Набожный кузнец Вакула смог устоять перед дьяволом и воспрепятствовать ему благодаря своему умению писать святые иконы, а также использовать Слово Божие и крестное знамение в качестве оружия. Таким образом, герой обладает божественной защитой, а дьявол, в свою очередь, становится его помощником, подчиняясь его командам и выполняя его приказы, даже оказывая ему помощь в различных ситуациях. Повесть заканчивается соединением двух любящих сердец и описанием свадебной церемонии.

Согласно мифологическому представлению, которое распространено среди славян и других европейских народов, злые духи из загробного мира в определенные праздники проявляют повышенную активность и могут вторгнуться в жизнь человека, нанося ему вред⁴⁶² (об этом пишет, в частности,

⁴⁶⁰ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 149.

⁴⁶¹ Толстая С.М. Праздник // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 4. М.: Междунар. отношения, 2009, С. 239.

⁴⁶² Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. С. 100.

А.Х. Гольденберг: «Активность демонических персонажей тесно связана с мифологическими представлениями о народном празднике как времени разгула нечистой силы, облегчающем контакты с нею»⁴⁶³). Такой же момент пика активности темной силы показан в повести «Вечер накануне Ивана Купала». «Иванов день» соединил в себе христианский праздник Рождества Иоанна Крестителя (24 июня по старому стилю после летнего солнцеворота) и славянский языческий праздник Ивана Купала. Традиция сбора трав и цветов в купальскую ночь нашла отражение в мотиве волшебного цветка папоротника. Момент искушения дьяволом, Басаврюком, главного героя, сироты Петро, отличается «пограничностью»: «Завтра Ивана Купала. Одну только эту ночь в году и цветет папоротник. Не прозевай! Я тебя буду ждать, о полночи, в Медвежьем овраге»⁴⁶⁴. Во-первых, праздник является сакральным временем, которое отличается пограничным характером во всех отношениях. Во-вторых, считается, что время после захода солнца всегда имело мистический смысл: это страшное промежуточное время, неразрывно связанное со сверхъестественными (и часто нечистыми) силами. Антитеза мира реального и демонического представлена в повести наглядно. Существенным стимулом развития сюжета стал сам праздник Ивана Купала, во время которого Петро встретился с представителями «того» света – дьяволом и ведьмой, а затем совершил ужасные преступления и впал в состояние безумия. Поскольку свадьба главных героев состоялась благодаря вмешательству нечистой силы, брак не приносит им счастья.

Китайские праздники имеют свое происхождение в древних календарях и «сезонах», они оказали существенное воздействие на классическую китайскую беллетристику⁴⁶⁵. В сборнике «Рассказы Ляо Чжая о необычайном»

⁴⁶³ Гольденберг А.Х. Творчество Гоголя в мифологическом и литературном контексте: учебное пособие. Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2019. С. 7.

⁴⁶⁴ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 104.

⁴⁶⁵ См.: 徐文军. 聊斋民俗文化论. 济南: 齐鲁书社, 2008. 159 页. [Сюй Вэньцзюнь. Теория обычаев и культуры в «Ляо Чжае». Цзинань: Ци Лу шушэ, 2008. С. 159.] (На кит. яз.).

праздники выполняют разнообразные функции: указывают на циклическое сюжетное время, создают соответствующую атмосферу для появления главных героев, способствуют развитию сюжета, являются поворотным моментом в судьбе персонажей-влюбленных. В своих новеллах Пу Сунлин часто описывает характерную сцену праздника: герой и героиня в сезон празднований разрывают узы феодализма и получают возможность свободно общаться друг с другом. Герои в сборнике «Рассказы Ляо Чжая...» – в основном ученые и студенты, имеющие определенный социальный статус, а очаровательные женские образы – в большинстве случаев демонические существа сверхъестественного мира из китайского фольклора: лисицы, пчелки, феи-лотосы, небесные девы и многие другие.

Праздники Цинмин и Праздник Первой Луны можно увидеть в значительном количестве новелл Пу Сунлина, например, «Смешливая Иннин» (кит. «婴宁»), «Дочери божии» (кит. «神女»), «Крадет Персик» (кит. «偷桃») и др. Особенно часто встречаются сцены, действие которых происходит во время праздника Цинмин⁴⁶⁶: мужчина отправляется на кладбище или на прогулку за город и встречает красивую женщину, которая чаще всего оказывается призраком. Исследуя материал, посвященный духам умерших, И.А. Алимов пришел к выводу, что в китайском обществе душа умершего характеризуется способностью возвращаться в мир живых. Во время некоторых праздников, включая Цинмин, наблюдается пиковое количество возвращающихся на землю душ⁴⁶⁷. Он является гранью соприкосновения реального и мистического мира, где люди и демонические духи могут

⁴⁶⁶ В Китае празднование дня Цинмин – это древняя традиция, которая представляет собой культурный комплекс, сочетающий поминовение усопших через посещение могил предков и отдых на природе для наслаждения весенним пейзажем. См.: 刘昫. 后汉书. 北京: 中华书局, 1975. 198 页. [Лю Ю. Книга поздней династии Тан, Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1975. С. 198.] (На кит. яз.).

⁴⁶⁷ См.: Алимов И.А. Души умерших в «Тай-пин гуан цзи» // Алимов И.А. Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая. СПб.: Наука, 2008. С. 43.

встретиться и узнать друг друга. С помощью мотива праздника, реальность и вымысел объединяются в единую гармоничную историю.

В повести «Красавица Цин-фэн» (кит. «青凤») студент Гэн Цюйбин знакомится с красавицей-лисицей по имени Цин-фэн (одним из традиционных китайских мифологических образов) в своем заброшенном родовом поместье. Он сразу влюбляется в девушку-сироту, однако ее дядя препятствует их отношениям, запрещая им даже видеться. Во время праздника Цинмин, после посещения могил предков, студент Гэн случайно спасает маленькую беззащитную лисицу, которая оказывается Цин-фэн. Впоследствии лисица превращается в прекрасную девушку, а ее дядя, исполненный благодарности за спасение племянницы, дает согласие на их брак.

Народное гулянье является важным сюжетным фоном в повести «Смешливая Иннин» (кит. «婴宁»). Студент Ван Цзыфу – наполовину сирота. «Ван Цзыфу из Лодяня рано лишился отца. <...> Мать чрезвычайно его любила и берегла, не позволяя ему без дела гулять за селом, по безлюдным местам. <...> Как-то, пятнадцатого числа первой луны, к Вану зашел его двоюродный брат, студент У, и увлек его за собой посмотреть на праздник»⁴⁶⁸. Исходя из даосских и буддийских учений о сверхъестественной силе, женщины-призраки, происходящие из загробного мира, обладают зловещей аурой и могут быть подавлены только в присутствии большого количества мужчин ⁴⁶⁹. Поэтому неудивительно, что только праздник Фонарей ⁴⁷⁰ становится лучшим временем для осуществления поездки студента Ван и для его встречи с Иннин. Можно полагать, что этот праздник Первой Луны играет существенную роль в жизни главного героя, а праздничный цветок («ветка

⁴⁶⁸ Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжэя о необычайном. М.: Худож. лит., 1988. С. 23.

⁴⁶⁹ 徐文军. 聊斋民俗文化论. 济南: 齐鲁书社, 2008. 165 页. [Сюй Вэньцзюнь. Теория обычаев и культуры в «Ляо Чжае». Цзинань: Ци Лу шушэ, 2008. С. 165.] (На кит. яз.).

⁴⁷⁰ «Праздник фонарей» – традиционный китайский праздник, во время которого принято устраивать народные гуляния. Люди надевают традиционные костюмы, украшают улицы световыми фонарями всевозможных форм и размеров и запускают фейерверки.

цветущей дикой сливы»⁴⁷¹), представляет собой символ верной любви студента Ван к Иннин и влияет на развитие сюжета. Иннин взяла цветок и сказала: «– Засох! К чему его беречь? – Ты, сестрица, обронила его в праздник первой луны – вот я и берегу его. – Какой же смысл беречь? – Чтобы показать, что я тебя люблю, не забываю»⁴⁷².

Действия, происходящие во время традиционных праздников, становятся решающими событиями в жизни главных героев, именно там они имеют возможность встретиться и влюбиться друг в друга. Эти события определяют их будущую судьбу. Однако в «Рассказах Ляо Чжая...» праздники не всегда могут приносить удачу, порой они выступают в качестве символа неудачи. Например, в повести «Прокурор Лу» (кит. «陆判») красивая дочь у цензора У была замечена негодяем во время праздника Первой луны и впоследствии убита. В новелле «Зрачки-человечки беседовали» (кит. «瞳人语») ученый Фан Дун «нрав имел ветреный и небрежный»⁴⁷³, в преддверии праздника Цинмин он гулял за городом и подсматривал за девушкой, а потом ослеп на правый глаз. В рассказе «Красная яшма» (кит. «红玉») в день праздника Цинмин девушка по фамилии Вэй отправилась на могилу и встретила парня из деревни, который влюбился в нее и заставил ее выйти за него замуж, что привело к разорению ее семьи. Эти трагедии не были неожиданными, ведь во время народных праздников традиционный порядок нарушался, что также можно объяснить выдвинутой М.М. Бахтиным концепцией карнавала. По словам Ю.В. Манна, во время карнавального действия устанавливается новый тип людских отношений и связей, который начинается с «отступления от социальных, моральных и этических правил и норм»⁴⁷⁴. Пу Сунлин специально размышляет о трагедиях, вызванных характерной для народных праздников установкой на отступление от социальных и моральных правил. И

⁴⁷¹ Пу Сунлин. Указ. соч. С. 23.

⁴⁷² Там же. С. 29.

⁴⁷³ Там же. С. 487.

⁴⁷⁴ Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Coda, 1996. С. 12.

он осуждал это отклонение. Когда главный герой в новелле «Зрачки-человечки беседовали» (кит. «瞳人语») раскаялся в своем дурном поведении на праздник, его правый глаз снова обрел зрение.

У Гоголя карнавальное начало наиболее явно присутствует в повести «Сорочинская ярмарка». Главный герой Грицко при первой же встрече с мачехой Параски сразу начинает ругаться: «...А вот впереди и дьявол сидит! <...> Вишь, как ругается! – сказал парубок, вытаращив на нее глаза, как будто озадаченный таким сильным залпом неожиданных приветствий, – и язык у нее, у столетней ведьмы, не заболит выговорить эти слова. <...> но парубок не хо-тел, кажется, кончить этим: не думая долго, схватил он комок грязи и швырнул вслед за нею. Удар был удачнее, нежели можно было пред-полагать: весь новый ситцевый очипок забрызган был грязью, и хохот разгульных повес удвоился с новою силой»⁴⁷⁵. Кроме того, Грицко весьма грубо обращается со своим будущим тестем. Например: «Ты, верно, человек добрый, не знаешь меня, а я тебя тотчас узнал». – Может и узнал. – Если хочешь, и имя, и прозвище, и всякую всячину расскажу: тебя зовут Солопий Черевик. – Так, Солопий Черевик. – А взглядишь-ко хорошенько: не узнаешь ли меня? – Нет, не познаю. Не во гнев будь сказано, на веку столько довелось наглядеться рож всяких, что черт их и припомнит всех!»⁴⁷⁶. В повести «Майская ночь, или Утопленница» ярким эпизодом народного гулянья является раздел «Парубки гуляют», в котором также четко проявляется временное отступление от этических норм. Это выражается, например, в неуважительном отношении Левко к своему отцу, Голове: «Голова наш сед и крив, Стар, как бес; а что за дурень! Прихотлив и похотлив: Жметя к девкам... Дурень, дурень»⁴⁷⁷.

В этих двух повестях заметна склонность главных героев к непочтительному отношению к старшим, однако автором они прямо не

⁴⁷⁵ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 77–79.

⁴⁷⁶ Там же. С. 82.

⁴⁷⁷ Там же. С. 125.

осуждаются. Возможно, отношение самого Гоголя к упадку общепринятых норм этикета и морали не было однозначным. В отличие от трагических развязок рассказов Пу Сунлина о героях, нарушавших правила этикета, развязки в двух названных повестях Гоголя являются счастливыми: герои получили помощь сверхъестественных сил и женились на своих любимых девушках.

Значительное количество фантастических рассказов Гоголя и Пу Сунлина основаны на мотиве встречи человека с демоническими персонажами во время праздника и народных гуляний, когда сверхъестественное почти открыто присутствует среди людей. Как у Гоголя, так и у Пу Сунлина праздники нередко выполняют сюжетобразующие функции — оказываются поворотными моментами в судьбах героев. С праздниками связано и наличие карнавального начала в произведениях двух писателей, проявляющееся, в частности, в склонности молодых героев нарушать правила почтительного отношения к старшим. У Гоголя такое поведение, свойственное, например, героям «Сорочинской ярмарки» и «Майской ночи», в конечном счете ведет к благополучной развязке и явно не осуждается. Пу Сунлин же в некоторых новеллах (например, «Беседы зрачков» («瞳人语») и «Красная яшма» («红玉»)) специально размышляет о драмах, происходящих из-за праздничного пренебрежения социальными и моральными нормами. В сравнении с ним отношение Гоголя к традиционному укладу жизни и принятым в обществе ритуалам можно охарактеризовать как неоднозначное: он, как минимум, не является их безусловным апологетом.

3.8. Мечта и действительность

«Пропавшая грамота»	«Ракшасский морской базар» (кит. «罗刹海市», перевод А.Г. Сторожука ⁴⁷⁸)
---------------------	--

Гоголь и Пу Сунлин изображают фантастические миры, противопоставленные реальности, но используют для этого разные подходы: у русского писателя иной мир предстает более страшный и пугающим, в то время как у китайского автора он зачастую прекрасен и напоминает утопическую мечту.

Действие произведений Пу Сунлина разворачивается в древнем Китае во времена династии *Цин*, где он жил в условиях строго регламентированной системы, предполагавшей рациональное отношение к действительности. Цель автора при создании фантастических рассказов «Ляо Чжая» заключались не в том, чтобы развлечь и напугать читателей страшными сюжетами, а в попытке выразить давно подавляемые чувства одиночества и тревоги, вызванные столкновением с общественным и литературным упадком своего времени. Жизненный путь Пу Сунлина был полон потрясений: падение династии Мин, кровавое восстание Ли Цзычэна (李自成), жестокие расправы новой власти. После относительной стабильности, достигнутой благодаря объединению и консолидации династии Цин, Пу Сунлин стал мечтать о карьере на императорской службе и надеялся успешно сдать экзамены, однако талант не защитил от неудач. Прожив большую часть своей жизни в провинции Шаньдун, писатель внимательно изучал социальную действительность, а накопленные впечатления нашли отражение в его творчестве.

⁴⁷⁸ Пу Сун-лин. Ракшасский морской базар // Пу Сун-лин. Ляо Чжай чжи и (Странные истории из Кабинета Неудачника): Полное собрание в 12 цзюанях: В 7 т. Т. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2023. С. 357–384.

Гоголь известен как сатирик в основном благодаря своим более поздним произведениям, а не раннему сборнику «Вечера на хуторе близ Диканьки». Пу Сунлин, сочетавший в своих произведениях фантастические элементы с социальной сатирой, в чем-то больше напоминает позднего Гоголя, автора повестей «Нос» и «Шинель» и поэмы «Мертвые души»).

Пу Сунлина уделяет особое внимание теме приключений главного героя в загадочном мире. Главный герой попадает в потусторонние лабиринты, где воплощаются удивительные и прекрасные элементы, выражающие мечты и идеалы писателя, а также возникают уродливые образы, на самом деле отражающие критикуемые писателем реальные общественные пороки. Например, в новелле «Ракшасский морской базар» (кит. «罗刹海市») действие разворачивается в двух реальностях: в одной стране критически изображаются пороки цинского общества, а в другой описывается идеальная мечта. Хотя главный герой обретает в этом утопическом мире счастье, в конечном итоге он вынужден покинуть его, поняв в итоге, что такой мир мечты возможен лишь в воображении.

Новелла «Ракшасский морской базар» охватывает три локуса: Великую Ракшасскую Державу (罗刹国), морской базар (海市) и мир людей (人间). Среди них наиболее значимой является Ракшасская держава, поскольку она служит автору средством для изображения общества династии Цин, в котором он жил. Именно здесь оригинальность писателя и сатирические элементы его творчества находят свое наиболее яркое выражение. В начале новеллы повествуется о том, что главный герой ученый Ма Цзи (马骥), описанный как «человека прекрасный наружностью и манерами»⁴⁷⁹, уже в четырнадцать лет получил ученую степень «Сю Цай» (秀才) и стал известен в своей провинции. Он родился в купеческой семье, и его отец настаивал на том, чтобы сын оставил учебу и занялся торговлей. Во время морского путешествия Ма Цзи

⁴⁷⁹ Пу Сун-лин. Ляо Чжай чжи и (Странные истории из Кабинета Неудачника): полное собрание в 12 цзюанях: В 7 т. Т. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2023. С. 358.

попадает в шторм и в одиночку добирается до страны Ракшасов, населенной уродливыми и странными существами. Больше всего его удивляет то, что чем выше социальный статус человека в этом обществе, тем более уродливой становится его внешность. Иными словами, в стране Ракшасов действуют критерии, абсолютно противоположные нормальному: зло считается добром, а прекрасное – уродливым. Из-за своей привлекательной внешности Ма Цзи вызывает у окружающих отвращение: они боятся и избегают его. Далее Пу Сунлин описывает гротескный и комический эпизод: однажды Ма Цзи, вдохновленный образом легендарного исторического героя эпохи Троецарствия Чжан Фэя (张飞), разукрасил свое лицо черной краской и, взяв в руки меч, как в театре, изобразил этого персонажа. Хозяин был настолько поражен мастерством Ма Цзи, что убедил его выступить перед придворными министрами. Придворные были восхищены представлением и восклицали: «Поразительно, да! Как так: прежде был отвратен, а ныне вот прекрасен?!» (кит. 异哉! 何前媿而今妍也!) ⁴⁸⁰ Эти возгласы подчеркивают особенность страны Ракшасов, где внешний облик ценится больше, чем внутренние качества и талант человека. Таким образом, Пу Сунлин выражает свое критическое отношение к современному ему обществу, которое придавало чрезмерное значение внешности и материальным благам, пренебрегая при этом истинным образованием и культурным развитием.

Мир мечты – Морской базар (海市) – резко контрастирует со страной Ракшасов: здесь расположен Дворец Дракона (龙宫), где живет величественный правитель-дракон. Различие в отношении к Ма Цзи при его прибытии в две страны заметно: если в первом случае жители испугались и разбежались, оставив его в одиночестве, то во втором городе царила атмосфера теплоты и гостеприимства, а герой был радушно принят как почетный гость. Дракон-правитель был восхищен визитом «мудреца», и Ма Цзи получил возможность показать свой литературный талант, создав оду в

⁴⁸⁰ Пу Сун-лин. Указ. соч. С. 365.

честь удивительного Морского базара. В этом мире, столь отличном от страны Ракшасов, Ма Цзи получает признание и понимание, не прибегая к комическим приемам для развлечения толпы. Ему предоставили шанс проявить себя как интеллектуала, и своим талантом он впечатлил царя-дракона, который выдал за него замуж свою прекрасную дочь. Таким образом, в этой истории воплощается мечта всех ученых и студентов древнего Китая, особенно цинского общества: успех в карьере чиновника и брак с прекрасной девушкой, подобной богине. В этой утопической реальности главный герой ощущает невероятное счастье и неизмеримую радость и не желает возвращаться в мир действительности.

Гоголь, по словам Г.А. Гуковского, является «романтиком, мечтателем, убедившимся в иллюзорности мечты, проповедником идеала и врагом действительности»⁴⁸¹. Реальный мир, в котором жил писатель, – это «мир оков и земности, это реальность объективного, давящая на душу и калечащая ее»⁴⁸². А фантастический мир, изображаемый в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», – это «мир субъективного, мир мечты, мир чаемого и неосуществленного идеала, творимого духом человека»⁴⁸³. По словам Г.А. Гуковского, «...в “Вечерах” воплощена та мечта о чудной, простой, нравственной и душевно красивой жизни человека, которую Гоголь мерит и будет впредь мерить достоинство реальной общественной жизни и неизменно будет горько осуждать уклад общества, так разительно не соответствующий норме его мечты. <...> “Вечера” строят образ светлой мечты о нормальной, естественной жизни, где все – здоровое, яркое, где торжествуют молодость, красота, нравственное начало»⁴⁸⁴. Общий тон этого сборника – светлый, яркий и радостный. Однако, по собственному признанию Гоголя в «Авторской исповеди», «причина той веселости, которую заметили в первых сочинениях

⁴⁸¹ Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. М.; Л.: Худож. лит., 1959. С. 34.

⁴⁸² Там же. С. 32.

⁴⁸³ Там же.

⁴⁸⁴ Там же. С. 35.

моих, показавшихся в печати, заключалась в некоторой душевной потребности. На меня находили припадки тоски, мне самому необъяснимой, которая происходила, может быть, от моего болезненного состояния. Чтобы развлекать себя самого, я придумывал себе все смешное, что только мог выдумать»⁴⁸⁵. В финале «Сорочинской ярмарки» писатель, кажется, выражает свое сомнительное отношение к этой мечте и веселости: «не так ли и радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетает от нас, и напрасно одинокий звук думает выразить веселье? В собственном эхе слышит уже он грусть и пустыню и дико внемлет ему. Не так ли резвые други бурной и вольной юности, по одиночке, один за другим, теряются по свету и оставляют наконец одного старинного брата их? Скучно оставленному! И тяжело и грустно становится сердцу, и нечем помочь ему»⁴⁸⁶. По-видимому, Гоголь считал такую прекрасную мечту несбыточной.

Если рассматривать творчество Гоголя и Пу Сунлина с этой точки зрения (представленной Г.А. Гуковским), в принципе можно увидеть, что художественные концепции их в определенной степени сходны: неудовлетворенность окружающей действительностью побуждала обоих писателей к созданию идеального мира в своих произведениях, который в то же время выражает их скептическое отношение к возможности воплощения этой мечты в реальной жизни.

Однако, на наш взгляд, в художественном мире «Вечеров на хуторе близ Диканьки» мир фантастики и демонологии, противопоставленный действительности, изображается преимущественно в негативном, а не в позитивном ключе. Этот мир наполнен обманом, иллюзиями, страхом героев перед адом и дьяволом, атмосферой тайны и ужаса. Утопические элементы в нем отсутствуют. Данная позиция противостоит точке зрения Г.А. Гуковского,

⁴⁸⁵ *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 6: Выбранные места из переписки с друзьями; Духовная проза; Критика; Публицистика. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. С. 221.

⁴⁸⁶ *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 97–98.

который полагал, что «в мире “Вечеров” и таинственные силы природы и мифологии любовно служат человеку. В этом мире даже черти вовсе не страшны, а, наоборот, довольно смирны, забавны и не лишены своей чертовской нравственности. Черт тоже может быть даже симпатичен в этом ясном мире...»⁴⁸⁷.

Например, в повести «Вечер накануне Ивана Купала» фантастический мир предстает скорее как мир обмана и иллюзии. Все кажется прекрасным, роскошным и изящным, но на самом деле этот мир опасен, лжив и враждебен человеку. Здесь демонология полностью лишена налета романтической мечтательности. Устами рассказчика Гоголь прямо выражает свою точку зрения: «От черта не будет добра»⁴⁸⁸. Басаврюк дарит красивым девушкам подарки, но эти роскошные дары приносят одни беды: «... Пристанет, бывало, к красным девушкам: надарит лент, серег, монист – девать некуда! Правда, что красные девушки немного призадумывались, принимая подарки: Бог знает, может, в самом деле перешли они через нечистые руки. <...> а возьмешь – так на другую же ночь и тащится в гости какой-нибудь приятель из болота, с рогами на голове, и давай душить за шею, когда на шее монисто, кусать за палец, когда на нем перстень, или тянуть за косу, когда вплетена в нее лента. Бог с ними тогда, с этими подарками! Но вот беда – и отвязаться нельзя: бросишь в воду – плывет чертовский перстень или монисто поверх воды, и к тебе же в руки»⁴⁸⁹. Далее дьявол и ведьма используют иллюзию сокровищ, чтобы соблазнить Петро и заставить совершить преступление. Обманутый Петро убивает невинного ребенка: «...синее пламя выхватилось из земли; середина ее вся осветилась и стала как будто из хрусталя вылита; и все, что ни было под землею, сделалось видимо, как на ладони. Червонцы, дорогие камни, в сундуках, в котлах, грудями были навалены под тем самым местом, где они

⁴⁸⁷ Гуковский Г.А. Указ. соч. С. 35.

⁴⁸⁸ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 108.

⁴⁸⁹ Там же. С. 101.

стояли. Глаза его загорелись... ум помутился... Как безумный, ухватился он за нож, и безвинная кровь брызнула ему в очи....»⁴⁹⁰. Хотя свадьба Петро и Пидорки состоялась, их брак оказался несчастливым. В конечном счете богатство оказалось лишь иллюзией и обманом: «Вся хата полна дыма, и посередине только, где стоял Петрусь, куча пеплу, от которого местами подымался еще пар. Кинулись к мешкам: одни битые черепки лежали вместо червонцев»⁴⁹¹.

В «Заколдованном месте» все элементы фантастического на проклятом поле также оказываются обманом. По словам деда Фомы Григорьевича, «все, что ни скажет враг Господа Христа, все солжет»⁴⁹². Он выкопал клад (котел), который на самом деле был наполнен не золотом, а «сором, дрязгом», и «с той поры заклил дед и нас верить когда-либо черту»⁴⁹³.

Если в повестях «Вечер накануне Ивана Купала» и «Заколдованное место» inferнальный мир нечистой силы соблазняет героя иллюзиями, то в «Пропавшей грамоте» потусторонний мир предстает напрямую пугающим и враждебным для человека. В этой повести также рассказывается о приключениях главного героя в потустороннем мире (как у Пу Сунлина). Мотив путешествия в мир потусторонний, погружение в неизведанные реальности, является одним из ключевых элементов в ранней гоголевской прозе. Диканьский дьяк Фома Григорьевич, рассказывает историю про своего собственного деда, молодого казака, которого гетман отправил с грамотой к царице. В пути дед познакомился с гулякой-запорожцем, с которым отправился вместе. Однако ночью запорожец признался, что его душа принадлежит нечистой силе, и дьявол должен забрать ее этой ночью. Запорожец просил казаков бодрствовать, чтобы не выдать его темной силе.

⁴⁹⁰ Там же. С. 106.

⁴⁹¹ Там же. С. 110.

⁴⁹² Там же. С. 245.

⁴⁹³ Там же. С. 248.

Однако всем казакам снился мертвенный сон, и утром они обнаружили, что запорожец исчез вместе с конем деда, шапкой и грамотой к царице.

Следуя совету шинкаря, дед отправился в лес в ночное время. «Покойный дед был человек не то, чтобы из трусливого десятка; бывало, встретит волка, так и хватает прямо за хвост; пройдет с кулаками промеж козаками, все, как груши, повалятся на землю. Однако ж, что-то подирало его по коже, когда вступил он в такую глухую ночь в лес»⁴⁹⁴. Мы видим, что здесь Фома Григорьевич особенно упоминает храбрость деда, причем и подчеркивает глубокий страх, который испытывают все, кто отправляется в царство дьявола. «Батюшки мои! ахнул дед, разглядевши хорошенько: что за чудища! рожи на роже, как говорится, не видно. Ведьм такая гибель, как случается иногда на Рождество выпадет снегу: разряжены, размазаны, словно панночки на ярмарке. И все, сколько ни было их там, как хмельные, отплясывали какого-то чертовского тропака»⁴⁹⁵. Итак Гоголь, так же как Пу Сунлин, обращается к сверхъестественным существам с их уродливыми подобиями. Когда никто не отвечал на приветствия деда, он стал бросать демонам и ведьмам деньги, сразу оказался в окружении нечистой силы. Дед потребовал свою пропавшую грамоту, и ведьма предложила сыграть три партии в карты. Если дед не выиграет ни разу, последствия могут быть крайне серьезными. Он проиграл дважды, но при третьей партии он обратился к Божественной помощи и, наконец, смог вернуть свою шапку, грамоту и коня. Дед, в отличие от героя Пу Сунлина, оказавшись в потустороннем мире, испытал сильный страх и ужас, поэтому поскакал на коне, стремясь поскорее вернуться в реальный мир.

Итак, противопоставленный действительности фантастический мир может изображаться как в негативном, так и в позитивном ключе (как прекрасная мечта). Подходы к изображению потустороннего у Гоголя и Пу Сунлина принципиально разные: мистический мир, описанный Гоголем, обладает

⁴⁹⁴ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. С. 140.

⁴⁹⁵ Там же. С. 141.

глубокой христианской символикой, наполнен обманом, страхом перед адом и дьяволом, атмосферой тайны и ужаса. Даже самые отважные герои-казаки не могут устоять перед его угрозами, а утопические элементы отсутствуют в этом полуфантастическом мире. В произведениях Пу Сунлина, напротив, фантастические образы и происшествия часто связаны с утопическими мечтаниями автора и его героев, с их стремлением к волшебному миру и желанием убежать от жесткой реальности. Герои же Гоголя, сражающиеся с ведьмами и злыми духами, стремятся как можно быстрее вернуться в мир реальности, который противопоставлен фантастическому миру как более опасному для человека и преимущественно враждебному для него.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование было посвящено комплексному анализу фантастики и демонологии в сборнике Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» в историко-литературном и типологическом аспектах.

В первой главе проведен историко-теоретический обзор понятия «типологической связи» в литературоведении. Можно сделать вывод, что начиная с середины XX века компаративистика, преодолев кризис идентичности, вышла за рамки изучения лишь генетических связей и включила в свою сферу типологические схождения. Этот подход открывает возможности для анализа черт сходства и различий между далекими культурами, а также для выявления соответствий между произведениями, принадлежащими к разным национальным литературным традициям.

В древнерусской литературе явления фантастики и демонологии представлялись преимущественно как реальные явления духовного мира, были, как правило, предметом веры для читателей и самих писателей, лишь в XVII веке появляются повести, где они в какой-то степени уже представляются художественными явлениями, созданиями авторского вымысла (как, например, в «Повести о Савве Грудцыне»). В русской литературе XVIII века фантастика и демонология развиваются уже в основном в рамках беллетристики, осваивавшей фольклорные сюжеты, мотивы и образы. Основные фигуры этого «народного» направления в русской прозе XVIII века – М.Д. Чулков, М.И. Попов и В.А. Левшин. В эпоху романтизма происходит формирование особого жанра «фантастической повести», которое определялось множеством факторов, включая влияние как литературных, так и фольклорных традиций. Среди иностранных источников особую роль сыграл немецкий романтизм (Э.Т.А. Гофман и Л. Тик). Значительное влияние также оказали переводы и адаптации западноевропейских романов, новелл и баллад, которые познакомили русских читателей с новыми эстетическими принципами. Развитие фантастики и демонологии в русской литературе эпохи

романтизма было также тесно связано с балладным творчеством В.А. Жуковского. Среди писателей, представлявших ранний этап русской художественной прозы эпохи романтизма, выделяются Антоний Погорельский, А.С. Пушкин, О.М. Сомов (отчасти повлиявшие на Гоголя), а также В.Ф. Одоевский и М.Н. Загоскин. Сборники их повестей, зачастую фантастических по содержанию, типологически связаны между собой как ориентацией на изображение чудесного мира, так и единством композиционной и нарративной системы.

Интерпретация гоголевской фантастики и демонологии в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» менялась со временем: от полемики о достоверности изображения народной жизни в критике середины XIX века – через мистические прочтения символистов – к советскому акценту на реалистических элементах и современному взгляду на творчество Гоголя через призму православного мировоззрения. Эта эволюция гоголеведения свидетельствует среди прочего о глубине, чрезвычайной сложности и многогранности художественного творчества Гоголя.

Среди мотивов, характерных для гоголевской фантастики (мотивы проклятого места, кладоискательства, договора с дьяволом, родового проклятия, великого грешника), есть имеющие как фольклорное, так и литературное происхождение, а некоторые находят параллели и в далекой от Гоголя китайской литературной культуре, которые можно выявить только в рамках типологического подхода. В нашей работе проведено сопоставление книги Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» и сборника Пу Сунлина «Рассказы Ляо Чжая о необычном», принадлежащих к различным культурно-историческим контекстам и литературным традициям. Черты сходства между книгами Гоголя и Пу Сунлина лежат на поверхности (наличие фигуры фикционального автора, фантастичность сюжетов, интерес к фольклору и народным обычаям, яркость бытовых зарисовок, сатирические и юмористические мотивы и др.), поэтому их сопоставление нам представлялось необходимым. В результате удалось выявить некоторые черты сходства,

значимые для их художественных миров: сходная типология литературных героев (молодые мужчины, вступающие в контакт со сверхъестественными существами; юные девушки, олицетворяющие соблазн инферального; животные, маркирующие присутствие запредельного, и проч.) и сюжетов (ноктюрнальный переход в иномирную реальность; разрушительное соблазнение героя «темной» стороной; преступления, мотивированные отходом от религиозного закона, и соответствующие наказания и т.д.). Оба автора пользуются формой опосредованного повествования, вводя фигуры рассказчиков (Рудый Панько у Гоголя, Ляо Чжай у Пу Сунлина). В их сборниках также заметна тенденция к циклизации (более явная – у Пу Сунлина, менее очевидная – у Гоголя).

Как для Гоголя, так и для Пу Сунлина характерно мистическое восприятие реальности, религиозное (и, в частности, религиозно-этическое) измерение в их произведениях является первостепенно важным. Пу Сунлин принимает идею «бессмертия души» из даосизма и понятия «кармы и реинкарнации» – из буддизма («круговое» мышление), наделяет демонов человеческим обликом, совмещает фантастику и реальность, разграничивает царства людей и призраков, бичует пороки общества, иногда апеллируя к утопическим идеалам общественного устройства. Гоголь опирается на христианскую модель эсхатологического, «линейного» мышления, создавая художественные миры, в которых сочетаются реальное и фантастическое. Судьба его героев отражает борьбу добра и зла, которая ведет к Страшному суду, спасению или гибели души.

БИБЛИОГРАФИЯ

Издания сочинений Н.В. Гоголя

1. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. – Т. 1. Ганц Кюхельгартен. Вечера на хуторе близ Диканьки / Подгот. текста и коммент. И.Ю. Виницкого, Е.Е. Дмитриевой, Ю.В. Манна [и др.]; отв. ред. тома Е.Е. Дмитриева. – М.: ИМЛИ РАН; Наука, 2003. – 919 с.
2. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. – Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. (Т. 1. Ганц Кюхельгартен. Вечера на хуторе близ Диканьки / [Ред. 1 тома М.К. Клеман]. – 1940. – 556 с.).
3. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. – М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010. (Т. 1. Вечера на хуторе близ Диканьки; Т. 2. Миргород. – 2009. – 664 с.).

Литература

4. Адзима Р. Образ русалки-утопленницы в русской романтической литературе // Новый филологический вестник. – 2021. – № 1. – С. 127–137.
5. Айзеншток И.Я. Хронология написания «Вечеров на хуторе близ Диканьки» // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1962. – Т. 21. – Вып. 3. – С. 252–262.
6. Алексеев В.М. Трагедия конфуцианской личности и мандаринской идеологии в новеллах Ляо Чжая // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. – 1934. – №6. – С. 429–458.
7. Алексеев В.М. О Пу Сунлине // Пу Сунлин. Монахи-волшебники. Рассказы о людях необычайных. – М.: Правда, 1988. – С. 8–11.
8. Алексеев В.М. Из предисловия переводчика к сборнику «Рассказы о людях необычайных» // Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая о необычайном. – М.: Худож. лит., 1988. – С. 250–252.

9. Алимов И.А. Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая. – СПб.: Наука, 2008. – 284 с.
10. Алпатов С.В. Повествовательная структура легенды (на материале сюжетов об искушении бесом): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1998. – 18 с.
11. Алпатов С.В. «Рай – край»: очерки взаимосвязей фольклора и литературы в России XVII–XX веков. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012. – 140 с.
12. Альтшуллер М.Г. Заключение: Гоголь и Вальтер Скотт // Альтшуллер М.Г. Эпоха Вальтера Скотта в России. Исторический роман 1830-х годов. – СПб.: Академический проект, 1996. – С. 258–261.
13. Анненкова Е.И. К вопросу о соотношении фольклорной и книжной традиции в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Фольклорная традиция в русской литературе. – Волгоград: Волгоградский пед. ин-т, 1986. – С. 42–47.
14. Анненкова Е.И. О Гоголе в историко-литературном контексте. – СПб.: Росток, 2023. – 536 с.
15. Анненский И.Ф. О формах фантастического у Гоголя (Речь, читанная на годичном акте гимназии Гуревича 15 сентября 1890 г.) // Анненский И.Ф. Книги отражений / Изд. подготовили Н.Т. Ашимбаева, И.И. Подольская, А.В. Федоров. – М.: Наука, 1979. – С. 207–215. (Впервые: Русская школа. 1890. № 10).
16. Анненский И.Ф. Художественный идеализм Гоголя (Речь, произнесенная 21 февраля 1902 г.) // Анненский И.Ф. Книги отражений / Изд. подготовили Н.Т. Ашимбаева, И.И. Подольская, А.В. Федоров. – М.: Наука, 1979. – С. 216–224. (Впервые: Русская школа. 1902. № 2).
17. Анненский И.Ф. Проблема гоголевского юмора: Нос. (К повести Гоголя); Портрет // Анненский И.Ф. Книги отражений / Изд. подготовили Н.Т. Ашимбаева, И.И. Подольская, А.В. Федоров. – М.: Наука, 1979. – С. 7–20.

18. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1976. – С. 70–369.
19. Ауэрбах Э. Филология мировой литературы // Вопросы литературы. – 2004. – № 5. – С. 123–139.
20. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 234–407.
21. Бахтин М.М. Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура) [1940, 1970] // Бахтин М.М. Собрание сочинений. – Т. 4 (2). – М.: Языки славянских культур, 2010. – С. 517–522.
22. Бекметов Р.Ф. Образ гоголевского Башмачкина в проекциях восточной культуры // Филология и культура / Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Казань, 2018. – №1. – С. 174–180.
23. Бекметов Р.Ф. Чичиков и «китайщина»: образ гоголевского героя в зеркале китайской классической традиции // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – Казань, – 2018. – Т. 160. – № 1. – С. 42–65.
24. Белинский В.Г. О русской повести и повестях г. Гоголя [1835] // Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 9 т. – Т. 1. – М.: Худож. лит., 1976. – С. 138–184.
25. Белый, Андрей. Гоголь [1909] // Гоголь в русской критике: Антология / Сост. С.Г. Бочаров. – М.: Фортуна ЭЛ, 2008. – С. 265–278.
26. Белый, Андрей. Мастерство Гоголя. Исследование. – М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1934. – 355 с.
27. Белявская Л.Н. Испытание чертом: Символическое прочтение гоголевских текстов // Синергия культуры: труды всероссийской конференции. – Саратов, 2002. – С. 326–329.
28. Болдырева Е.М. «Мой далёкий двойник где-то там, на другом берегу...»: Российско-китайский литературный диалог. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2023. – 347 с.

- 29.Болотникова О.Н. Дом, дверь и окно в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголя и восточнославянская семиотика жилища // Имагология и компаративистика. – 2016. – № 1. – С. 153–176.
- 30.Ботникова А.Б. Гофман и Гоголь (Диалектическое восприятие романтической традиции) // Ботникова А.Б. Э.Т.А.Гофман и русская литература (первая половина XIX века): к проблеме русско-немецких литературных связей. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1977. – С. 107–149.
- 31.Ботникова А.Б. Немецкий романтизм: диалог художественных форм. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2005. – 340 с.
- 32.Бочаров С.Г. Пушкин и Белкин // Бочаров С.Г. Поэтика Пушкина: очерки. – М.: Наука, 1974. – С. 127–167.
- 33.Бочаров С.Г. О смысле «Гробовщика» // Бочаров С.Г. О художественных мирах. – М.: Советская Россия, 1985. С. 35–68.
- 34.Бычкова А.Ю. Ринология Н.В. Гоголя: типологические аспекты: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Томск, 2014. – 20 с.
- 35.Вайскопф М. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. – М.: РГГУ, 2002. – 685 с.
- 36.Вацуро В.Э. Готический роман в России. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 544 с.
- 37.Венгеров С.А. Гоголь-фольклорист // Венгеров С.А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. – СПб.: Прометей, 1913.– С. 145–151.
- 38.Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – Л.: Худож. лит., 1940. – 649 с.
- 39.Ветловская В.Е. Творчество Гоголя сквозь призму проблемы народности // Русская литература. – 2001. – № 2. – С. 3–25.
- 40.Ветчинкина Ю.В. «Свое – чужое» в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Самара, 2005. – 26 с.
- 41.Виноградов В.В. Этюды о стиле Гоголя // Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. – М.: Наука, 1976. – С. 230–268.

- 42.Виноградов В.В. Язык Гоголя // Виноградов В.В. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. – М.: Наука, 1990. – С. 271–330.
- 43.Виноградов И.А. Гоголь художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. – М.: Наследие, 2000. – 450 с.
- 44.Виноградов И.А. И по ту, и по эту сторону Диканьки // Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки: Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. – М.: Детская литература, 2006. – С. 5–46.
- 45.Виноградов И.А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. – М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013.
- 46.Виноградов И.А. Видимое и сокровенное в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Россия в русской литературе: сказка и быль: Материалы всероссийской научно-практической конференции «Филология и школа». – М.: ИМЛИ РАН, 2016. – С. 62–68.
- 47.Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Научное издание: В 7 т. – М.: ИМЛИ РАН, 2017–2018.
- 48.Виноградов И.А. Учительство и проповедь в первой напечатанной повести Н.В. Гоголя («Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала», 1830) // Проблемы исторической поэтики. – 2022. – Т. 20. – № 1. – С. 54–109.
- 49.Виноградов И.А. Гоголевская энциклопедия. Произведения, наброски, подготовительные материалы: В 7 т. – Т. 1: А–Ж. – М.: ИМЛИ РАН, «Река времен», 2024. – 1024 с.
- 50.Виноградова Л.Н. Мифологический аспект полесской «русальной» традиции // Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. – М.: Наука, 1986. – С. 88–135.
- 51.Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. – М.: Индрик, 2000. – 431 с.

- 52.Виноградова Л.Н., Левкиевская Е.Е. Окно // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. – Т. 3. – М.: Междунар. отношения, 2004. – С. 534–539.
- 53.Виролайнен М.Н. Ранний Гоголь: катастрофизм сознания // Гоголь как явление мировой литературы: сборник статей. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – С. 9–14.
- 54.Волоконская Т.А. Малевания кузнеца Вакулы в повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» и русская иконография демонического // Гоголь и мировая художественная культура. Двадцатые Гоголевские чтения. – М.; Новосибирск: Новосибирский издательский дом, – 2021. – С. 196–201.
- 55.Воропаев В.А. «Мертвые души» и традиции народной культуры // Русская литература. – 1981. – № 2. – С. 92–108.
- 56.Воропаев В.А. Полтора века спустя (Гоголь в современном литературоведении) // Н.В. Гоголь и мировая культура: Вторые Гоголевские чтения: Сборник докладов. – М.: Книжный дом «Университет», 2003. – С. 29–41.
- 57.Воропаев В.А. Под защитой угодника Божия: Диканьский образ Святителя Николая Чудотворца и его значение в жизни Гоголя // «Правило веры и образ кротости». Образ святителя Николая, архиепископа Мирликийского, в византийской и славянской агиографии, гимнографии и иконографии. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2004. – С. 263–270.
- 58.Воропаев В.А. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Паломник, 2014. – 336 с.
- 59.Воропаев В.А. Нет другой двери...: О Гоголе и не только. – М.: Белый город, 2019. – 448 с.
- 60.Гиппиус В.В. Гоголь. – Л.: Мысль, 1924. – 238 с.
- 61.Гиппиус В.В. Творческий путь Гоголя // Гиппиус В.В. От Пушкина до Блока. – М.; Л.: Наука, 1966. – С. 46–201.

62. Гольденберг А.Х. Архетипы в поэтике Гоголя. – Волгоград: Перемена, 2007. – 260 с.
63. Гольденберг А.Х. Творчество Гоголя в мифологическом и литературном контексте: учебное пособие. – Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2019. – 108 с.
64. Гончаров С.А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1997. – 340 с.
65. Горький М. История русской литературы. – М.: Гос. изд-во «Худож. лит-ра» 1939. – 352 с. – (Архив А.М. Горького. Т. 1).
66. Грамзина Т.А. «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Вий»: к проблеме фантастического в творчестве Н.В. Гоголя: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.00.00. – Волгоград, 1972. – 320 с.
67. Гребнева М.П. Поэтика демонической темы в русской литературе 10-30-х годов XIX века (Жуковский, Пушкин, Лермонтов): автореф. дис ... канд. филол. наук. – Томск, 1995. – 16 с.
68. Грунина Л.Н., Салтымакова О.А. Особенности авторского повествования ранних повестей Н.В. Гоголя // Этногерменевтика: некоторые подходы к проблеме. – Сер. «Этногерменевтика и этнориторика». – Вып. 4. – Кемерово, – 1999. – С. 56–59.
69. Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. – М.; Л.: Худож. лит., 1959. – 532 с.
70. Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. – М.; Л.: Худож. лит., 1965. – 356 с.
71. Данилевский Р.Ю. Людвиг Тик и русский романтизм // Эпоха романтизма: Из истории международных связей русской литературы / Под. ред. М. П. Алексеева. – Л.: Наука, 1975. – С. 68–114.
72. Денисов В.Д. Мир автора и миры его героев (о раннем творчестве Н.В. Гоголя): Монография. – СПб.: Изд-во РГГМУ, 2006. – 276 с.
73. Денисов В.Д. «Вечер накануне Ивана Купала» – первая малороссийская повесть Н.В. Гоголя // Н.В. Гоголь и славянский мир (русская и украинская

- рецепции): Сб. статей. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. – Вып. 2. – С. 48–63.
74. Денисов В.Д. Ранняя гоголевская проза (1829–1834): пути развития, жанровое своеобразие, типология героев. – СПб.: РГГМУ, 2012. – 400 с.
75. Дмитриев Л.А. Слово о путешествии Иоанна Новгородского на бese в Иерусалим // Дмитриев Л.А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII веков. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. – Л.: Наука, 1973. – С. 152–159.
76. Дмитриева Е.Е. «Пожив в такой тесной связи с ведьмами и колдунами...» (Об особенностях гоголевского фольклоризма: «Вечера на хуторе близ Диканьки») // Н.В. Гоголь и мировая культура: Вторые гоголевские чтения: Сб. докл. / Под общ. ред. В.П. Викуловой. – М.: Книжный дом «Университет», 2003. – С. 138–152.
77. Дмитриева Е.Е. Гоголь в западноевропейском контексте: между языками и культурами. – М.: ИМЛИ РАН, 2011. – 392 с.
78. Дмитриева Е.Е. Виктор-Эфемион-Филарет Шаль // Вопросы литературы. – 2015. – № 4. – С. 256–269.
79. Друбек-Майер Н. Украинские рассказчики Гоголя: «маски» и «образы автора» // Гоголевский сборник. – СПб.; Самара, – 2005. – Вып. 2. – С. 7–22.
80. Дубровская С.А. «Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура)» [статья для «Бахтинской энциклопедии»] // Бахтинский вестник. – 2022. – Т. 4. – № 1. – С. 60–66.
81. Дуккон А. Поэтика ночных пейзажей в ранних произведениях Н.В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. – 2020. – Т. 18. – № 2. – С. 87–108.
82. Дюришин Д. Типологические схождения // Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. – М.: Прогресс, 1979. – С. 173–190.
83. Евдокимов А.А. О генезисе ноктюрнальности в «Вечерах на хуторе близ Диканьки Н.В. Гоголя» // Поэзия филологии. Филология поэзии: Сборник конференции, посвященной А.А. Илюшину. – Тверь: Издатель А.Н. Кондратьев, 2018. – С. 45–50.

- 84.Егорова С.О. О двойном значении эсхатологии в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2016. – № 8. – С. 180–186.
- 85.Елистратова А.А. Гоголь и проблемы западноевропейского романа. – М.: Наука, 1972. – 303 с.
- 86.Еремеев А.Э. Роль библейского мифа в становлении нравственно-философских исканий раннего Н. В. Гоголя («Страшная месть») // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2023. – Т. 17. – № 2. – С. 7–31.
- 87.Еремина В.И. Н.В. Гоголь // Русская литература и фольклор (первая половина XIX в.). – Л.: Наука, 1976. – С. 249–291.
- 88.Еремина Л.И. О языке художественной прозы Н. В. Гоголя: Искусство повествования. – М.: Наука, 1987. – 176 с.
- 89.Жаравина Л.В. Антропологические воззрения Н.В. Гоголя в духовном пространстве древнекитайской мудрости // Восток – Запад: диалог культур в пространстве русской словесности. – Волгоград: Перемена, 2015. – С. 50–57.
- 90.Жаркевич Н.М. «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. Гоголя в критической интерпретации (конец 40-х – начало 50-х годов XIX века) // Вопросы русской литературы. – Львов, 1987. – Вып. 2 (50). – С. 42–48.
- 91.Жирмунский В.М. Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур // Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. – Л.: Наука, 1979. – С. 66–84.
- 92.Жирмунский В.М. Английский предромантизм // Жирмунский В.М. Из истории западноевропейских литератур. – Л.: Наука, 1981. – С. 149–175.
- 93.Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. – Т. 3: Баллады. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – 456 с.
- 94.Загоскин М.Н. Вечер на Хопре // Загоскин М.Н. Сочинения: В 2 т. – Т. 2. – М.: Худож. лит., 1988. – С. 282–370.

- 95.Заманова И.Ф. Пространство и время в художественной мир сборника Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Орел, 2000. – 22 с.
- 96.Иваницкий А.И. Гоголь. Морфология земли и власти. – М.: РГГУ, 2000. – 188 с.
- 97.Иванова Е.С. Сон как способ символической репрезентации действительности (на материале повестей Н. В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 4, ч. 2. – С. 86–90.
- 98.Иезуитова Р.В. Пути развития романтической повести // Русская повесть XIX века: история и проблематика жанра. – Л.: Наука, 1973. – С. 77–107.
- 99.Иезуитова Р.В. Баллада в эпоху романтизма // Русский романтизм. – Л.: Наука, 1978. – С. 138–187.
100. Измайлов Н.В. Фантастическая повесть // Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. – Л.: Наука, 1973. – С. 134–169.
101. Инь Тяньлэ. Сопоставительный анализ гастрономической образности в романе «Как Сюй Саньгуань кровь продавал» и поэме «Мертвые души» // Современные вызовы и перспективы развития молодежной науки. – Петрозаводск: МЦНП «Новая Наука», 2020. – С. 227–234.
102. Калашников В. Русская демонология. – М.: Ломоносовъ, 2014. – 208 с.
103. Кардаш Е.В. Тайна «танцующих старушек»: зеркала и автоматы в романтической литературе и «Сорочинская ярмарка» Гоголя // Русская литература. – 2006. – № 3. – С. 20–37.
104. Конрад Н.И. Рецензия на «Рассказы Ляо Чжая» // Конрад Н.И. Избранные труды. Синология. – М.: Наука, 1977. – С. 595–605.
105. Конрад Н.И. Проблемы современного сравнительного литературоведения // Конрад Н.И. Избранные труды. Литература и театр. – М.: Наука, 1978. – С. 29–49.
106. Коровин В.И. Лелеющая душу гуманность: О некоторых гранях пушкинского гуманизма. – М.: Детская литература, 1982. – 159 с.

107. Коровин В.И. О русской фантастической повести // Русская фантастическая повесть эпохи романтизма. – М.: Сов. Россия, 1987. – С. 5–25.
108. Коровин В.Л. Жуковский Василий Андреевич // Православная энциклопедия. Т. 19 (Ефесеянам послание – Зверев). – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. – С. 379–384.
109. Котляревский Н.А. Николай Васильевич Гоголь 1829–1842. Очерк из истории русской повести и драмы. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. – 604 с.
110. Кошелева И.В. Поэтика, стилистика и особенности перевода сборника Пу Сунлина «Рассказы Ляо Чжая о Необычайном». – Харьков, 2007. – 76 с.
111. Кривонос В.Ш. Мотивы художественной прозы Гоголя. – СПб.: ЕГПИ, 1999. – 251 с.
112. <Кулиш П.А.> Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя // Отечественные записки. – 1852. – № 4. – Отд. VIII. – С. 189–201.
113. Кулиш П.А. Гоголь как автор повестей из украинской жизни // Основа. – 1861. – № 4. – С. 67–90; – № 5. – С. 1–33; – № 9. – С. 56–68; – № 11–12. – С. 1–11.
114. Кулиш П.А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем (1856) / Вступ. статья и коммент. И.А. Виноградова. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – 704 с.
115. Курышева Л.А. Сказочная фантастика в русской рукописной беллетристике конца XVII – первой трети XVIII века // Сибирский филологический журнал. – 2022. – № 3. – С. 34–44.
116. Латкина О.А. Образ ведьмы в произведениях Н.В. Гоголя // Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха: Сборник материалов VI международной молодежной научно-практической конференции. – Магнитогорск, 2020. – С. 163–166.

117. Лахманн Р. Дискурсы фантастического / Перевод с немецкого. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 384 с.
118. Лебедева А.А. Рождение категории фантастического в русской эстетической мысли // Литературный факт. – 2024. – № 1. – С. 167–186.
119. Левкиевская Е.Е. Дорога // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. – Т. 2. – М.: Междунар. отношения, 1999. С. 124.
120. Левкиевская Е.Е. «Белая свитка» и «красная свитка» в «Сорочинской ярмарке» Н.В. Гоголя // Признаковое пространство культуры. – М.: Индрик, 2002. – С. 400–412.
121. Лившиц Е. К вопросу о сходстве «Чар любви» Л. Тика и «Вечера накануне Ивана Купала» Н.В. Гоголя // Русская филология. – Сб. 7. – Тарту. – 1996. – С. 106–112.
122. Липке Ш. Образы автора и отечества в произведениях Н.В. Гоголя, Г. Гейне и Х. Рисаля // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2022. – №1. – С. 56–73.
123. Лихачев Д.С. Развитие вымысла // Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили. – Л.: Наука, 1973. – С. 130–133.
124. Ломоносов М.В. Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: [В 11 т.]. Т. 6: Труды русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 163–286.
125. Лотман Ю.М. О метаязыке типологических описаний культуры // Записки Тартуского государственного университета. – Вып. 236. – Тарту, 1969. – С. 460–477.
126. Лотман Ю.М. Из наблюдений над структурными принципами раннего творчества Гоголя // Ученые записки Тартуского государственного университета. – Вып. 251. – Томск, 1970. – С. 17–45.

127. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. – М.: Просвещение, 1988. – 352 с.
128. Лотман Ю.М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 2: Статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX века. – Таллинн: Александра, 1992. – С. 389–415.
129. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
130. Луков В.А. Предромантизм. – М.: Наука, 2006. – 682 с.
131. Луначарский А.В. Классики русской литературы. – М.: Гослитиздат, 1937. – 504 с.
132. Лю Хунбо. Н.В. Гоголь и его творчество сквозь призму теории Инь-Ян // Гоголь и мировая художественная культура. Двадцатые Гоголевские чтения. – М.; Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2021. – С. 71–78.
133. Максимович М.А. Оборона украинских повестей Гоголя // День. – 1861. – № 3, 5, 7, 9; – 1862. – № 13.
134. Манн Ю.В. Поэтика русского романтизма. – М.: Наука, 1976. – 375 с.
135. Манн Ю.В. У истоков русского романа // Нарезный В.Т. Сочинения: В 2 т. – М.: Худож. лит., 1983. – С. 5–44.
136. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. – М.: Coda, 1996. – 472 с.
137. Манн Ю.В. Творчество Гоголя: смысл и форма. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. – 744 с.
138. Манн Ю.В. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 813 с.
139. Маргасюк А.И. Образы нечистой силы в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя и славянской мифологии // Традиционная культура славянских народов в современном социокультурном пространстве. – Славянск на Кубани, 2008. – Ч. 1. – С. 299–303.

140. Маркович В.М. Балладный мир Жуковского и русская фантастическая повесть эпохи романтизма // Жуковский и русская культура: Сб. научн. трудов. – Л.: Наука, 1987. – С. 138–166.
141. Маркович В.М. Дыхание фантазии // Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820–1840 гг.): Сб. произведений. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. – С. 5–47.
142. Матушевский, Игнаций. Дьявол в поэзии. История и психология фигур, олицетворяющих зло, в изящной словесности всех народов и веков: (Этюд по сравнительной истории литературы) / Пер. [с польск.] со второго доп. и перераб. изд. В.М. Лаврова. – М.: Типо-литография Т-ва Кушнерев и Ко, 1901. – 283 с.
143. Махов А.Е. Hostis antiquus: Категории и образы средневековой христианской демонологии. Опыт словаря. – 2-е, испр. изд. – М.: Intrada, 2013. – 416 с. (1-е изд. – М.: Intrada, 2006. – 416 с.)
144. Мацапура В.И. «Ревизор» Н.В. Гоголя и «Приезжий из столицы» Г.Ф. Квитки-Основьяненко (типологический аспект) // Художній світ Гоголя. – Полтава: ПОППО, 2008. – С. 11–19.
145. Машинский С.И. Художественный мир Гоголя: Пособие для учителей. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1979. – 432 с.
146. Мережковский Д.С. Гоголь и чёрт: Исследование. – М.: Скорпион, 1906. – 218 с.
147. Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. – М.: Наука, 1990. – 279 с.
148. Мифологический словарь / Под. ред. Е.М. Мелетинского. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 672 с.
149. Мифы народов мира: Энциклопедия: [В 2 т.] М.: Сов. энциклопедия, 1980–1982. (Т. 1. А–К. – 672 с.; Т. 2. К–Я. – 720 с.).
150. Михед П.В. Об истоках художественного мира Н.В. Гоголя: (Н.В. Гоголь и В.Т. Нарезный) // Гоголь и современность: Творческое наследие писателя в движении эпох. – Киев.: Вища школа, 1983. – С. 35–41.

151. Мочульский К.В. Духовный путь Гоголя // Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. – М.: Республика, 1995. – С. 5–60.
152. Муравьев В.С. Фантастика // Литературный энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – С. 461–463.
153. Мяо Цзюнь. Фантастический мир в сборнике «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя // Актуальные проблемы современной науки. – 2012. – № 3. – С. 36–40.
154. Надеждин Н.И. «Вечера на хуторе близ Диканьки». Повести, изданные пасичником Рудым Паньком // Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. – М.: Худож. лит., 1972. – С. 280–283.
155. Налетова Т.Б. Мотив мученичества в раннем творчестве Н.В. Гоголя // Евразийский союз ученых. – 2015. – №7 (16). – С. 57–60.
156. Нарезный В.Т. Сочинения: В 2 т. / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Ю.В. Манна. – М.: Худож. лит., 1983. (Т.1: Российский Жилбаз... 623 с.; Т. 2: Романы и повести. 478 с.).
157. Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90–х гг. XX века: [В 4 т.] / Сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. – М., 2010–2020. – (Studia philologica).
158. Немзер А.С. Еще раз о Гоголе и В.Т. Нарезном // Немзер А.С. При свете Жуковского. Очерки истории русской литературы. – М.: Время, 2013. – С. 308–319.
159. Новичкова Т.А. Фольклорные мифологемы в контексте русской балладной традиции // Русский фольклор. – Т. 32. – СПб.: Наука, 2004. – С. 172–180.
160. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Гоголь в его произведениях. К 100-летию рождения великого писателя. 1809–1909. – М.: Товарищество И.Д. Сытина, 1909. – 124 с.
161. Одоевский В.Ф. Пестрые сказки / Изд. подготовила М.А. Турьян. – СПб.: Наука. 1996. – 216 с. – (Серия «Литературные памятники»).

162. Петрунина Н.Н. Орест Сомов и его проза // Сомов О.М. Были и небылицы. – М.: Советская Россия, 1984. – С. 2–20.
163. Петрухин В.Я. Кузнец // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. – Т.3. – М.: Международные отношения, 2009. – С. 21–22.
164. Плотникова А.А. Пастух // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. – Т. 3. – М.: Международные отношения, 2009. – С. 637–641.
165. Погорельский, Антоний. Сочинения. Письма / Изд. подготовила М.А. Турьян. – СПб.: Наука, 2010. – 754 с. – (Серия «Литературные памятники»).
166. <Полевой Н.А.> Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Книжка первая // Московский телеграф. – 1831. – Ч. 41. – № 17. – С. 91–95; 1832. – Ч. 44. – № 6. – С. 262–267.
167. Полякова А.А. Структурообразующая роль народного календаря в цикле Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 19 с.
168. Полякова А.А. Тема игры в повестях Н. В. Гоголя «Майская ночь» и «Пропавшая грамота» // Русская речь. – 2008. – № 4. – С. 110–116.
169. Посохов А. Гоголевский Акакий Акакиевич и китайские каллиграфы // Русская словесность. – 2016. – №2. – С. 17–20.
170. Поташова К.А. Образ тверди небесной в поэтической космологии «Вечеров на хуторе близ Диканьки» // Научный диалог. – 2024. – Т. 13, № 4. – С 249–268.
171. Прозоров Ю.М. «Занялся от страха дух...»: Ужасное в эстетике и поэзии В.А. Жуковского // Русская литература. – 2016. – № 2. – С. 19–50.
172. Пропп В.Я. Природа комического у Гоголя // Русская литература. – 1988. – №1. – С. 27–43.

173. Пу Сун-лин (Ляо Чжай). Монахи-волшебники. Рассказы о людях необычайных / Пер. с кит. и коммент. акад. В.М. Алексеева. Ред. и предисл. Н.Т. Федоренко. – М.: Худож. лит., 1957. – 564 с.
174. Пу Сун-лин. Новеллы / Пер. с кит. П.М. Устина и А.А. Файнгара. Под ред. Л.Д. Позднеевой. Предисл. П.М. Устина. – М.: Худож. лит., 1961. – 384 с.
175. Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая о необычайном / В пер. с кит. В.М. Алексеева. Состав с науч. подготовкой М.В. Баньковской. – М.: Худож. лит., 1988. – 560 с.
176. Пу Сун-лин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай чжи и) / Пер. с кит., предисл., статья, коммент. акад. В.М. Алексеева. Сост., подгот. текста, послесл. М.В. Баньковской. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. – 784 с.
177. Пу Сунлин. Странные истории Ляо Чжая / Пер. с кит. В.М. Алексеева. Под ред. Б.Л. Рифтина. – М.: Восточная литература, 2018. – 845 с.
178. Пу Сун-лин. Ляо Чжай чжи и (Странные истории из Кабинета Неудачника): Полное собрание в 12 цзюанях: В 7 т. – Т. 1–3 / Сост. А.Г. Сторожук, отв. и науч. ред. Д.И. Маяцкий, переводы В.М. Алексеева и А.Г. Сторожука. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022–2025. (Т. 1. – 2022. – 568 с.; Т. 2. – 2023. – 628 с.; Т. 3. – 2025. – 604 с.).
179. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. / Текст проверен и примеч. составлены Б.В. Томашевским. – Т. 7. Критика и публицистика. – Л.: Наука, 1978. – 543 с.
180. Рифтин Б.Л. Новеллы Пу Сунлина (Ляо Чжая) в переводах В.М. Алексеева // Рифтин Б.Л. Восточная классика в русских переводах: обзоры, анализ, критика. – М.: Восточная литература, 2008. – С. 24–36.
181. Розанов В.В. Пушкин и Гоголь [1891] // Гоголь в русской критике: Антология / Сост. С.Г. Бочаров. – М.: Фортуна ЭЛ, 2008. – С. 173–181.
182. Розанов В.В. Магическая страница у Гоголя [1909] // Розанов В.В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях / Под общ. ред.

- А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 1995. – С. 383–421. (Впервые: Весы. 1909. № 8, 9)
183. Розов В.А. Традиционные типы малорусского театра XVII-XVIII вв. и юношеские повести Н.В. Гоголя // Памяти Н.В. Гоголя: Сб. речей и ст. – Киев: Имп. Ун-т св. Владимира, 1911. – С. 99–169.
184. Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. – Новосибирск: Наука, 1994. – 228 с.
185. Савенко А.А. Хронотоп ярмарки в повести Н. В. Гоголь «Сорочинская ярмарка» // Язык классической литературы доклады международной конференции. – Ч. 1. – М.: Кругъ, 2007. – С. 216–226.
186. Савенко А.А. Мотив добывания невесты в структуре повестей Н.В. Гоголя «Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала», «Ночь перед Рождеством» и «Майская ночь» // Традиционная культура. – 2008. – № 1. – С. 11–20.
187. Самышкина А.В. К проблеме гоголевского фольклоризма (Два типа сказа и литературная полемика в «Вечерах на хуторе близ Диканьки») // Русская литература. – 1979. – № 3. – С. 61–81.
188. Сдобнов В.В. Русская литературная демонология: этапы развития и творческого осмысления. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2002. – 315 с.
189. Семенко И.М. Жизнь и поэзия В.А. Жуковского. – М.: Худож. лит., 1975. – 256 с.
190. Скотт В. О чудесном в романе // Сын отечества и Северный архив. – 1829. – Т. 7. – № 44. – С. 229–245; – № 45. – С. 288–309; – № 46. – С. 355–365.
191. Скотт В. О сверхъестественном в литературе и, в частности, о сочинениях Эрнста Теодора Вильгельма Гофмана / [Пер. А.Г. Левинтона] // Скотт В. Собрание сочинений: В 20 т. – Т. 20. – М.; Л.: ГИХЛ, 1965. – С. 602–652.

192. Слюсарь А.А. Эпическая проза А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя в типологическом сопоставлении: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Киев, 1992. – 46 с.
193. <Сомов О.М.> Никита Луговой. Письмо к издателю «Литературных Прибавлений» о «Вечерах на хуторе близ Диканьки», о критике на них г. Полевого и о прочем // Н.В. Гоголь: pro et contra: личность и творчество Н.В. Гоголя в оценке русских писателей, критиков, философов, исследователей: антология / Сост., вступ. статья С.А. Гончарова, коммент. Н.Н. Акимовой и К.Г. Исупова. – СПб.: Изд-во РХГА, 2009. – С. 42–45. (Впервые: Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду. 1831. № 94)
194. Сомов О.М. Были и небылицы / Вступ. статья, сост. и примеч. Н.Н. Петруниной. – М.: Сов. Россия, 1984. – 368 с.
195. Сорокин В.Ф., Эйшлин Л.З. Китайская литература. – М.: Восточная литература, 1962. – 252 с.
196. Софронова Л.А. Мифопоэтика раннего Гоголя. – СПб.: Алетейя, 2010. – 291 с.
197. Страно Дж. Европейские и русские литературные источники в творческом процессе Гоголя (Гоголь и Чулков) // Гоголь как явление мировой литературы. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – С. 297–305.
198. Степанов В.П. Чулков и «народное» направление в литературе // Русская литература и фольклор (XI–XVIII века). – Л.: Наука, 1970. – С. 226–247.
199. Степанов Н.Л. Н.В. Гоголь: Творческий путь. – 2-е изд. – М.: Худож. лит., 1959. – 608 с.
200. Сторожук А.Г. Литературное наследие Пу Сун-лина и его переводы на русский язык // Пу Сун-лин. Ляо Чжай чжи и (Странные истории из Кабинета Неудачника): Полное собрание в 12 цзюанях: В 7 т. – Т. 1. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. – С. 12–38.
201. Сун Инънань. Межкультурное взаимодействие через века гуманистических идей Конфуция и Гоголя // Актуальные проблемы

- обучения русскому языку как иностранному и русскому языку как неродному: сб. статей. – М., 2016. – С. 231–238.
202. Сун Инънань. Конфуций и Гоголь: диалог об искусстве через столетия // *Litera*. – М., – 2019. – №4. – С. 221–227.
203. Тихонравов Н.С. Примечания редактора и варианты // Гоголь Н.В. Сочинения: [В 7 т.]. Изд. 10-е. – Т. 1. – М.: Книжный магазин В. Думнова под фирмою “Наследники бр. Салаевых”, 1889. – С. 505–709.
204. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 144 с.
205. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 227–284.
206. Третьяков Е. О. «Человек без содержания»: «минимальное я» как основа восприятия Н.В. Гоголя как личности и автора (на материале писем А.Я. Булгакова В.А. Жуковскому и первой гоголевской книги «Вечера на хуторе близ Диканьки») // *Gaudeamus Igitur*. – 2020. – № 1. – С. 29–36.
207. Троицкий В.Ю. Художественные открытия русской романтической прозы 20-30-х годов XIX века. – М.: Наука, 1985. – 280 с.
208. Трофимова И.В. «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя: особенности сюжетосложения и символика цикла: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2001. – 22 с.
209. Турьян М.А. «Пестрые сказки» Владимира Одоевского // Одоевский В.Ф. Пестрые сказки. – СПб.: Наука, 1996. – С. 131–168.
210. Турьян М.А. Личность А.А. Перовского и литературное наследие Антония Погорельского // Погорельский, Антоний. Сочинения. Письма. – СПб.: Наука, 2010. – С. 565–654.
211. Тюпа В.И. Художественность литературного произведения. Вопросы типологии. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1987. – 224 с.
212. Улыбина О.Б. Гоголь и романтическая модель сна в русской литературе 20–30-х гг. XIX века // *Филологический вестник*. – Саранск, 2002. – Вып. 3. – С. 131–138.

213. Устин П.М. Пу Сунлин и его новеллы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 264 с.
214. У Хао. Мотив «утопление» в русской и китайской мифологиях – его наследие в литературе и лингвокультурная интерпретация // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2020. – № 1. – С. 393–396.
215. Федоренко Н.Т. Китайская литература: Очерки по истории китайской литературы. – М.: Гослитиздат, 1956. – 731 с.
216. Федулова О.В. Гоголь и Ирвинг: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2005. – 26 с.
217. Фишман О.Л. Китайский сатирический роман (эпоха Просвещения) // Литературный мир средневекового Китая. – М.: Восточная литература, 2006. – С. 414–419.
218. Ходанен Л.А. Мифологема клад и мотив кладоискательства в повести Н.В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала» // 200 лет Гоголя: сборник статей. – Krakov: Uniwersytet Jagiellonski Krakov, 2011. – С. 123–139.
219. Хомук Н.В. «Мертвые души» Н.В. Гоголя и «Моби Дик, или Белый кит» г. Мелвилла: формы эпизации в онтологическом реализме // Имагология и компаративистика. – 2014. – № 2. – С. 136–153.
220. Храпченко М. Типологическое изучение литературы и его принципы // Вопросы литературы. – 1968. – № 2. – С. 55–82.
221. Хусаинова Р.М. Типы фантастического в повестях сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Вестник Башкирского университета. – 2014. – Т. 19. – № 2. – С. 592–595.
222. Царынный, Андрий [Стороженко А.В.]. Мысли малороссиянина, по прочтении повестей пасичника Рудого Панька, изданных им в книжке под заглавием «Вечера на хуторе близ Диканьки», и рецензий на оныя // Сын отечества и Северный архив. – 1832. – № 1–5. – С. 41–49, 101–115, 159–164, 223–242, 288–312.
223. Чернова Е.С. Фантастические образы в художественном мире Н.В. Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки») // Вестник Кыргызско-

- Российского Славянского университета. – 2010. – Т. 10 – № 3. – С. 153–157.
224. Чичерин А.В. Неизвестное высказывание В.Ф. Одоевского о Гоголе // Труды кафедры русской литературы Львовского гос. ун-та. Литературоведение. – Вып. 2. – Львов, 1958. — С. 66–72.
225. Чижевский Д. Неизвестный Гоголь [1951] // Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. – М.: Наследие, 1995. – С.199–229.
226. Чудаков Г.И. Малороссийские повести из простонародной жизни // Чудаков Г.И. Отношение творчества Гоголя к западно-европейским литературам. – Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1908. – С. 79–89.
227. Чулков М.Д. Пересмешник / Сост., подгот. текстов, послесл., примеч. В.П. Степанова. – М.: Советская Россия, 1988. – 368 с.
228. Шайтанов И.О. Зачем сравнивать? Компаративистика и/или поэтика // Филологическая регионалистика. – 2009. – № 1–2. – С. 99–107.
229. Шайтанов И.О. Классическая поэтика неклассической эпохи // Веселовский А.Н. Избранное: Историческая поэтика. – СПб.: Университетская книга, 2011. – С. 5–50.
230. Шамбинаго С.К. Трилогия романтизма: (Н.В. Гоголь). – М.: Польза, 1911. – 159 с.
231. Шевырев С.П. «Миргород». Повести, служащие продолжением «Вечером на хуторе близ Диканьки» Н. Гоголя [1835] // Шевырев С.П. Полное собрание литературно-критических трудов: В 7 т. / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. – Т. 2, кн. 1: 1831–1836. – СПб.: Росток, 2020. – С. 346–355. (Впервые: Московский наблюдатель. 1835. Кн. 2. Март).
232. Шрага Е.А. Быличка и светский разговор как структурная основа прозаической циклизации: «Вечера на хуторе близ Диканьки» в контексте традиции // Русская словесность: проблемы и методы изучения. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2008. – С. 267–274.
233. Шульц С.А. «Мертвые души» Н.В. Гоголя и жанр карнавализованных видений потустороннего мира (Кеведо, Филдинг) // Восток – Запад: диалог культур в пространстве русской словесности. – Волгоград: Перемена, 2015.

– С. 132–138.

234. Шустов М.П. Сказочная традиция в гоголевских повестях «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Литература в школе. – 2009. – №12. – С. 7–13.
235. Эккерман И.П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни / Перевод с немецкого Наталии Манн. – М.: Худож. лит., 1986. – 670 с.
236. Янушкевич А.С. Особенности прозаического цикла 30-х годов и «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Томск, 1971. – 25 с.
237. Янушкевич А.С. Особенности композиции «Вечеров на хуторе близ Диканьки» // Мастерство писателя и проблемы жанра. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1975. – С. 100–109.
238. Янушкевич А.С. Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1985. – 284 с.
239. Янушкевич А.С. В мире Жуковского. – М.: Наука, 2006. – 523 с.
240. Янушкевич А.С. «Пестрые сказки» В.Ф. Одоевского: становление философского нарратива в русской прозе // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. – Новосибирск, 2008. – С. 552–568.

На китайском языке

241. 冯镇峦. 《聊斋志异》点评. – 长沙, 岳麓书社. 2011. – 512 页.
[Фэн Чжэньлуань. Рецензия на «Ляо Чжай Чжи И». – Чанша: Юэлу шушэ, 2011. – 512 с.]
242. 侯丽菲. 蒲松龄《凤阳士人》的叙事艺术 // 九江学院学报 (社会科学版). – 2019. – №1. – 45–47页. [Хоу Лифэй. Повествовательное искусство в новелле Пу Сунлина «Ученый из Фэньяна» // Известия Иститута Цзюцзян (социальная наука), – 2019. – №1. – С. 45–47.]

243. 黄霖. 中国古代小说叙事三维论. – 上海, 书店出版社. 2009. – 600 页.
[Хуан Линь. Теория трехмерного повествования древних китайских романов. – Шанхай: Шудянь чубаньшэ, 2009. – 600 с.]
244. 黄洽. 聊斋志异与宗教文化. – 济南, 齐鲁书社. 2005. – 237 页. [Хуан Ця.
«Ляо Чжай Чжи И» и религиозная культура. – Цзинань: Ци Лу шушэ, 2005.
– 237 с.]
245. 纪昀. 阅微草堂笔记 (一至五), – 卷一. – 上海, 上海古籍出版社. 1980. –
854 页. [Цзи Юнь. Заметки из хижины: В 5 т. – Т.1. – Шанхай: Шанхай гуцзи
чубаньшэ, 1980. – 854 с.]
246. 李道和. 岁时民俗与古小说研究. – 天津, 天津古籍出版社. 2004. – 480 页.
[Ли Даохэ. Фольклористика и исследование древнего сяошо, – Тяньцзинь:
Тяньцзинь гуцзи чубаньшэ, 2004. – 480 с.]
247. 李剑国. 中国狐文化. – 北京, 人民文学出版社. 2002. – 405 页. [Ли
Цзианьго. Образ «лисы» в китайской культуре, – Пекин: Жэньминь вэньсюэ
чубаньшэ, 2002. – 405 с.]
248. 刘绍信. 聊斋志异叙事研究. – 北京, 中国社会科学出版社. 2012. – 218 页.
[Лю Шаосинь. Исследование нарратива в «Рассказах Ляо Чжая о
необычайном». – Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2012. – 218 с.]
249. 路大荒. 蒲松龄年谱. – 济南, 齐鲁书社. 1980. – 198 页. [Лу Дахуан.
Хроники Пу Сунлина. – Цзинань: Ци Лу шушэ, 1980. – 198 с.]
250. 鲁迅. 中国小说史略. – 上海, 上海古籍出版社. 1998. – 297 页. [Лу Синь.
Очерки истории китайской новеллы. – Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ,
1998. – 297 с.]
251. 马瑞芳. 中国古代小说构思学. – 山东, 山东教育出版社. 2016. – 690 页.
[Ма Жуйфан. Структура древних китайских романов. – Шаньдун: Шандун
цзюй чубаньшэ, 2016. – 690 с.]

252. 马瑞芳. 马瑞芳品读《聊斋志异》. 全五册. – 北京, 天地出版社. 2023.
[Ма Жуйфан. Ма Жуйфан читает «Ляо Чжай Чжи И»: В 5 т. – Пекин: Тяньди чубаньшэ, 2023.]
253. 马振方. 聊斋志异面面观. – 北京, 北京出版社. 2019. – 186 页. [Ма Чжэньфан. «Ляо Чжай Чжи И» во всех аспектах. – Пекин: Бэйцзин чубаньшэ, 2019. – 186 с.]
254. 蒲松龄. 聊斋志异 / 刘天池注. 孙海通, 刘天池译 (一至四). – 北京, 中华书局. 2015. [Пу Сунлин. Ляо Чжай Чжи И / Комментарии Лю Тяньчи, перевод Сунь Хайтуна и Лю Тяньчи) – Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2015. – Т. 1–4.]
255. 祁连休. 中国古代民间故事的类型研究 (一至二). – 石家庄, 河北教育出版社. 2007. [Ци Ляньсю. Исследование типов древних китайских народных сказок: В 2 т. – Шицзячжуан: Хэбэй цзяоюй чубаньшэ, 2007.]
256. 尚继武. 聊斋志异叙事艺术研究. – 南京, 南京大学出版社. 2018. – 390 页.
[Шан Цзиу. Исследование повествовательного искусства в «Ляо Чжай Чжи И». – Нанкин: Наньцзин дасюэ чубаньшэ, 2018. – 390 с.]
257. 苏瑶. 论《聊斋志异》中“窗”的叙事功能 // 九江学院报. – 2023. – № 1. – 53–58 页. [Су Яо. О повествовательной функции «окна» в «Ляо Чжай Чжи И» // Журнал Цзюцзянского университета. – 2023. – № 1. – С. 53–58.]
258. 汪玢玲. 蒲松龄与民间文学. – 上海, 上海文艺出版社. 1985. – 304 页.
[Ван Биньлин. Пу Сунлин и фольклор. – Шанхай: Шанхай Вэньи чубаньшэ, 1985. – 304 с.]
259. 汪玢玲. 鬼狐风情—聊斋志异与民俗文化. – 哈尔滨, 黑龙江人民出版社. 2003. – 382 页. [Ван Биньлин. Своеобразие лис-оборотней – «Ляо Чжай Чжи И» и народная культура. – Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 2003. – 382 с.]
260. 袁世硕. 矛盾的神道观 // 蒲松龄评传. – 南京, 南京大学出版社. 2000. – 195–202 页. [Юань Шишуо. Противоречивое отношение к

- сверхъестественным силам // О биографии и творчестве Пу Сунлина. – Нанкин: Наньцзин дасюэ чубаньшэ, 2000. – С. 195–202.]
261. 徐文军. 聊斋民俗文化论. – 济南, 齐鲁书社. 2008. – 353 页. [Сюй Вэньцзюнь. К вопросу о народной культуре в «Ляо Чжай Чжи И». – Цзинань: Ци Лу шушэ, 2008. – 353 с.]
262. 詹石窗. 道教文化十五讲. – 北京, 北京大学出版社. 2012. – 335页. [Чжань Шичуан. Пятнадцать лекций о даосской культуре. – Пекин: Пекин дасюэ чубаньшэ, 2019. – 335 с.]
263. 张晶, 周晓林. 试谈中国古代文学的桥意象 // 西华师范大学学报. – 2009. – № 1. – 106–109 页. [Чжан Цзин, Чжоу Сяолин. Образ «моста» в древнекитайской литературе // Известия Западно-Китайского педагогического университета. – 2009. – № 1. – С. 106–109.]
264. 曾思艺. 新奇而又多样——论《聊斋志异》中的梦小说 // 景德镇学院学报. – 2020. – №2. – 1–8页. [Цзэн Сии. Новизна и разнообразие – о поэтике сна в «Ляо Чжай Чжи И» // Известия института Цзиндэчжэнь. – 2020. – №2. – С. 1–8.]
265. 朱振武. 论《聊斋志异》创作题材的三个源头 // 蒲松龄研究. – 1999. – № 4. – 13–32页. [Чжу Чжэньу. О трех источниках тем в «Ляо Чжай Чжи И» // Исследования о Пу Сунлине. – 1999. – № 4. – С. 13–32.]
266. 左江. 《聊斋志异》二十讲. – 郑州, 河南大学出版社. 2019. – 280 页. [Цзо Цзян. Двадцать глав о «Ляо Чжай Чжи И». – Чжэнчжоу: Хэнань дасюэ чубаньшэ, 2019. – 280 с.]

На других иностранных языках

267. Damrosch D. Reading across culture // How to Read World Literature. – Hoboken: John Wiley & Sons, 2009. – P. 46–65.
268. Damrosch D. Comparing the Literatures: Literary Studies in a Global Age. – Princeton: Princeton University Press, 2020. – 392 p.

269. Dodd S. Monsters and Monstrosity in Liao zhai zhi yi. – Leeds: University of Leeds, 2013. – 230 p.
270. Ferris D. Why compare // A companion to comparative literature. – Chichester: Wiley-Blackwell Publishing house, 2011. – P. 35–43.
271. Grube W. Geschichte der chinesischen Litteratur. – Leipzig: C. F. Amelangs Verlag, 1902. – 467 s.
272. Jost F. Introduction to comparative literature. – Indianapolis: Pegasus, 1974, – 349 p.
273. Kao. K.S.Y. Classical Chinese Tales of the Supernatural and the Fantastic. – Bloomington: Indiana University Press, 1985. – 406 p.
274. Lovecraft H.P. Supernatural Horror in Literature. – New York: Ben Abramson, 1945. – 109 p.
275. Posnett H.M. Comparative Literature. – London: Kegan Paul, Trench, & Co., 1886. – 472 p.
276. Tieghem P. Van. La littérature compare. – Paris: A. Colin, 1931. – 222 c.
277. Wellek R. The Concepts of Criticism. – New Haven; London: Yale University Press, 1976. – 402 p.